

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВ

Снайперские дуэли

**ЗВЕЗДЫ
НА ВИНТОВКЕ**

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:

КРАСНАЯ АРМИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВ

**СНАЙПЕРСКИЕ
ДУЭЛИ**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2009

УДК 358.4
ББК 63.3(0)
Н 63

Оформление художника *П. Волкова*

Николаев Е. А.

Н 63 Снайперские дуэли / Евгений Николаев. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 256 с. — (Вторая мировая война. Красная Армия всех сильнее!)

ISBN 978-5-699-37383-3

«Морда фашиста была отчетливо видна через окуляр моей снайперки. Выстрел, как щелчок бича, повалил его на снег. Снайперская винтовка, ставшая теперь безопасной для наших бойцов, выскользнула из его рук и упала к ногам своего уже мертвого хозяина...»

Автор этой книги по праву считается одним из лучших снайперов Великой Отечественной войны — на его боевом счету 324 уничтоженных фашиста, включая одного генерала. За боевые заслуги Военный совет Ленинградского фронта вручил Евгению Николаеву именную снайперскую винтовку.

УДК 358.4
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-37383-3

© Николаев Е. А. (наследники), 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ВСТУПЛЕНИЕ

Уважение к меткой стрельбе было свойственно человеческому обществу еще с библейских времен — недаром одной из наиболее известных историй Ветхого завета является рассказ о том, как хрупкий Давид при помощи примитивного стрелкового оружия (пращи) метким выстрелом поразил куда более крупного и сильного Голиафа. Позднее французское рыцарство стало жертвой английских лучников в битвах при Креси, Пуатье и Азенкуре, чем еще раз было доказано преимущество «дистанционного» оружия перед «контактным». Однако лук требовал от своего владельца не только хорошего глазомера, но и недюжинной физической силы, поэтому подготовка стрелка была довольно длительным и дорогостоящим занятием. По-настоящему массовый стрелок-пехотинец появился лишь с распространением огнестрельного оружия, использовавшего для метания снаряда не мускульную силу, а энергию порохового заряда. Первоначально дальность стрельбы аркебузы и мушкета не слишком превышала дистанцию полета стрелы либо арбалетного болта, однако по мере совершенствования огнестрельного оружия (перехода к зерненому пороху вместо мякоти, распространению кремневого замка вместо фитиля, улучшению качества ствольной стали) его пули стали улетать на все большее расстояние.

С появлением нарезного ствола дистанция стрельбы резко увеличилась, и уже в XVIII веке германские государства обзавелись милиционными подразделениями, бойцы которых обзаводились нарезным оружием за свой счет. Большинство из них в мирной жизни промышляло охотой, отчего военнослужащий такого подразделения получил название «егерь», что по-немецки означало «охотник» (Jaeger). В бою егеря действовали в рассыпном строю, впереди основной массы войск, их задачей был вывод из строя вражеских офицеров и прикрытие собственных саперов. Позднее войсками похожего назначения, вооруженными короткоствольными крупнокалиберными нарезными штуцерами, обзавелись и остальные европейские державы, а наиболее массовое применение егерей пришлось на эпоху Наполеоновских войн. За океаном развитие нарезного оружия приобрело несколько иной характер — порох и свинец в британских и французских колониях Америки были дефицитом, поэтому калибр ствола уменьшился, а длина его увеличилась. Это обеспечивало как более полное использование энергии пороха, так и относительно высокую начальную скорость пули, благотворно сказывавшуюся на точности выстрела и его убийном действии. Получившееся оружие — «кентуккийская длинноствольная винтовка» исправно служила своему владельцу как на охоте, так и в сражении — во время Американской войны за независимость было сформировано несколько стрелковых подразделений, из которых наибольшей известности добились бойцы из Корпуса легкой пехоты полковника Дэниела Моргана, выбившие в бою под Саратогой большую часть британских офицеров, включая генерала Саймона Фрей-

зера. Это в немалой степени повлияло на победу американцев в сражении, ставшем поворотным пунктом всей войны.

Европейские и американские войны предопределили одно из назначений стрелков, обладавших оружием более дальнобойным, чем ружья линейной пехоты, — отстрел вражеских приоритетных целей. Ближе к концу XVIII века среди служивших в Индии британских солдат родился термин «to snipe», обозначающий стрельбу по бекасу («snipe»), требовавшую отличного глазомера от стрелка. В конечном итоге это привело к появлению слова «снайпер» («sniper»), которое в наше время является синонимом «меткий стрелок». Впрочем, помимо меткости от современного снайпера требуется ряд других умений.

При всем совершенстве кремневого замка, с определенного момента он стал основным фактором, отрицательно влияющим на точность стрельбы. Расположенный на полке порох намокал при дожде, давал опасную для глаз солдата вспышку и слишком медленно поджигал основной заряд. Положение улучшилось лишь в начале XIX века с появлением капсюльного замка — надежность и скорость воспламенения порохового заряда резко возросли, исчезла нервировавшая стрелка вспышка. Кроме того, появились легко досылаемые в ствол пули Минье с полостью в донной части, расширявшейся и входящей в нарезы при выстреле, — ранее бойцу приходилось буквально вколачивать круглую пулю в нарезы, проталкивая ее по стволу к казенной части. В результате резко возросла как скорость, так и точность стрельбы, последнее обстоятельство привело к заметному увеличению эффективной дальности выстрела. Ито-

гом стало появление более эффективных прицельных приспособлений, а также всемерное развитие полевой фортификации — залп нарезных винтовок по тесно построенному пехотному подразделению приводил к ужасающему числу потерь. С момента «зарывания» пехоты в землю появилась еще одна специализация снайпера — ведение «беспокоящего» огня при позиционной войне.

Хотя к середине XIX века различия между вооружением линейной пехоты и оружием метких стрелков практически пропали, появилось другое приспособление, визуально выдававшее принадлежность винтовки снайперу — оптический, называемый иногда «телескопическим» прицел. В Европе на новомодное изобретение особого внимания не обратили, а вот за океаном, где разразилась война Севера с Югом, метких стрелков, вооруженных винтовками с оптикой, попытались свести в отдельные подразделения, взвалив на них как прежние «егерские» задачи, так и обязанность по «наведению террора» на противника. Надо отметить, что со второй задачей снайперы как Севера, так и Юга справились на «отлично», уничтожив заметное количество военачальников врага, а вот идея концентрации метких стрелков в одном подразделении себя не оправдала — куда более эффективным оказалось придание этих «специалистов» обычной линейной пехоте. В ходе военных действий выяснилось также, что от снайпера требуется умение тщательной маскировки — определив, что по нему ведется снайперский огонь, противник открывал ураганную стрельбу по всем подозрительным объектам.

Итак, уже в середине XIX века был примерно очерчен круг задач, возлагаемых на снайпера, требования

к его оружию, а также перечень навыков, которыми должен владеть стрелок этого типа. Тем не менее, когда разразилась Первая мировая война, ни одна из сторон не имела в составе своих вооруженных сил снайперских подразделений. Вызвано это было твердой уверенностью военачальников в том, что боевые действия будут иметь скоротечный и маневренный характер, не ориентируясь на средства полевой фортификации. Разумеется, за полвека винтовки сильно изменились — в отличие от дульнозарядных систем времен Крымской войны и войны Севера с Югом, не позволявших перезаряжать оружие в положении «лежа», новые «магазинки» перезаряжались практически мгновенно при любом положении, били куда дальше и точнее, а также, благодаря бездымному пороху, не выдавали местоположения стрелка и допускали длительный огонь без необходимости чистки. Планировалось, что при действии в рассыпном строю пехотинцы, используя складки ландшафта, смогут добраться до противника с допустимым уровнем потерь. На деле все получилось совсем по-другому.

Насыщение пехотных частей пулеметами и возрастание дальности (включая стрельбу с закрытых позиций) и эффективности (за счет шрапнели и гранат) огня артиллерии привело к сильнейшим потерям при атаках. В результате вместо стремительного маневрирования пехота «зарылась» в землю, а линия фронта покрылась густой сетью траншей. В этой ситуации крайне важным было иметь возможность непрерывно держать противника в нервном напряжении, в буквальном смысле не давая ему «высунуть нос» из окопа. Измотанная перманентным снайпер-

ским террором, вражеская оборона становилась куда «податливее» во время наступления.

Первые снайперские подразделения появились в германской армии, что неудивительно — именно немецкая оптическая промышленность смогла обеспечить гражданских лиц (спортсменов и охотников) и армейские стрелковые школы надежными телескопическими прицелами, способными выдерживать резко увеличившуюся отдачу винтовок, стрелявших мощными патронами. Впрочем, предпринятая немецким командованием попытка «мобилизовать» гражданское оружие не увенчалась успехом — владельцы отрез отказывались расставаться со своими винтовками, а те немногие экземпляры, что попали на фронт, разочаровали своей баллистикой, рассчитанной на старый патрон 8x57 образца 1888 года, снабженный низкоскоростной пулей с закругленной, а не острой вершинкой. Однако уже к началу 1915 года появились прицелы, выдерживавшие отдачу нового патрона, а также кронштейны, предназначенные для установки на штатную армейскую винтовку системы «маузер» образца 1898 года. На вооружение были приняты кронштейны, разработанные в Пруссии и Баварии, причем в баварской конструкции кольца удерживали прицел непосредственно над ствольной коробкой, что положительно сказывалось на балансе оружия и удобстве прицеливания, но вынуждало наполнять магазин по одному патрону. В прусской системе кольца располагались слева-сверху от ствольной коробки, что позволяло заряжать винтовку из обоймы, однако плохо влияло на ее эргономику. Сами прицелы производились различными фирмами, среди которых была и знаменитая Carl Zeiss.

Участившиеся случаи смертей от ранений в голову поначалу не вызвали у англичан особых подозрений, однако в результате одной из атак в руки британских военных попал «маузер», оснащенный оптикой, после чего военное начальство Англии приступило к разработке собственного снайперского комплекса. В качестве временной меры использовались винтовки, известные британцам под названиями «Pattern 14» и «эдди-стон», американцам они были знакомы под наименованием «энфилд» и «M1917», а в ряде других стран этому оружию дали прозвище «британский маузер», кроме того, канадский контингент применял канадские же винтовки системы Росса, считавшиеся самым точным (хотя и не самым надежным) оружием в калибре .303 British. Общими для обеих систем были механические прицельные приспособления с расположенным у самого глаза стрелка регулируемым кольцевым целиком, обеспечивавшим за счет длинной прицельной линии повышенную точность стрельбы. Впрочем, «механика» оптике сильно уступала, поэтому в конце концов англичане оснастили свою штатную винтовку системы «Ли-Энфилд» прочным телескопическим прицелом No.32, а на «эдди-стон» устанавливались прицелы фирм Periscopic Prism Co. и Aldis, причем последний крепился кронштейном со смещенными влево (на манер прусской системы) кольцами.

Союзник Великобритании Франция в качестве основной снайперской винтовки использовала хорошо проверенную временем систему Лебеля образца 1886 года, мощная ствольная коробка которой обеспечивала высокую кучность стрельбы. Винтовка оснащалась оптическими прицелами фирмы Puteaux моделей APX16 /APX17, имевшими смещенное к левому

краю крепление, вызванное сложностью процедуры заряжания подствольного магазина системы Лебеля.

В крайне скромных количествах оптическими прицелами располагали также Италия и Австро-Венгрия, устанавливавшие их на винтовки систем «Парравичино-Каркано» образца 1891 года и «Маннлихер» образца 1895 года соответственно. В остальных странах, включая Россию, снайперские винтовки были единственным явлением.

В межвоенный период (двадцатые-тридцатые годы) в европейских армиях положение дел со снайперским оружием оставалось практически неизменным с момента окончания Первой мировой, разве что появилась пара-тройка улучшенных моделей прицелов. Это объяснялось стойким нежеланием военных всех стран Европы снова увязать в позиционной войне — считалось, что авиация, танки и механизированная пехота с артиллерией позволят обойтись без «зарывания в траншеи». Квинтэссенцией такого подхода стала немецкая концепция «молниеносной войны», блицкрига, при которой «окопного сидения» просто не планировалось. Пехотинец должен был быстро идентифицировать цели и иметь достаточно широкое поле зрения, для чего требовался совершенно другой прицел, обеспечивавший прицеливание при обоих открытых глазах. С этой целью были разработаны телескопические прицелы ZF-40 и ZF-41, устанавливавшиеся не над затворной группой, а в районе прицельной колодки. При этом кратность этой оптики (степень увеличения размеров цели в окуляре) составляла всего 1,5X вместо привычных 2,5X — 3X, зато вынесенная линия окуляра (максимальное расстояние от глаза стрелка до окуляра, при котором

формируемое прицелом изображение еще различимо) была непривычно длинной. В результате стрелку не было необходимости замуривать второй глаз, а также обеспечивалось очень быстрое «схватывание» цели, так как использовалось еще одно неоценимое качество оптического прицела — он помещает изображение прицельной марки и цели в одну фокальную область, благодаря чему глазу стрелка нет необходимости попеременно фокусироваться на целике, мушке и цели. В настоящее время прицелы такого типа, получившего в гражданском оружии название «скаут», в армиях мира применяются на автоматах — в частности, на американский карабин М4 устанавливается неувеличивающий (1X) прицел AimPoint модели М68, благодаря чему возможность поражения цели первым выстрелом резко возрастает.

В СССР снайперский вариант винтовки системы Мосина — Нагана массово выпускался с 1936 года и был снабжен кронштейном, закрепленным на левой стороне ствольной коробки. От серийных трехлинейек снайперские модели отличались отобранными стволами улучшенной кучности и удлиненным и загнутым стеблем рукоятки затвора, позволявшим перезаряжать оружие, не задевая за укрепленный над затворной группой прицел. Созданный на основе немецкой оптики прицел Емельянова (сокращенно ПЕ») имел кратность 4X и отличался довольно тяжелой конструкцией, однако в его применении имелся уникальный новаторский элемент — сочетание ПЕ и автоматической винтовки АВС-36 системы Симонова образца 1936 года стало первым в мире массовым самозарядным снайперским комплексом. Позднее, исходя из опыта эксплуатации, был разработан более компакт-

ный и простой «прицел универсальный» (ПУ) с кратностью 3,6X, использовавшийся как в снайперском варианте трехлинейки, так и в самозарядных винтовках СВТ-38 и СВТ-40 системы Токарева образца 1938 и 1940 годов. Все перечисленные советские снайперские винтовки практически сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР стали наиболее желанными трофеями немецкого солдата. Такое проявление интереса к советскому оружию объяснялось наличием у винтовок оптики, имевшей более высокое увеличение и располагавшейся заметно ближе к глазу стрелка. После краха концепции «блицкрига» и «траншейной войны» в Сталинграде снайперский «рабочий диапазон» сдвинулся в более привычный интервал расстояний — от 300 метров и дальше. Советские прицелы оказались более эффективными в изменившихся условиях.

Чтобы покрыть возросший диапазон расстояний, германским Отделом вооружений под индексом «ZF-42» были приняты на вооружение различные коммерческие прицелы с кратностью от 4X до 6X, далеко не всегда отвечавшие требованиям к армейскому оборудованию (в частности, отмечались случаи поломки прицелов — как от небрежного обращения, так и под действием отдачи). И только с 1943 года в Германии было начато производство дешевого и надежного прицела ZF-4, названного так по своей кратности (4X) и спроектированного под явным влиянием советского прицела ПУ. Благодаря быстросъемному кронштейну прицел ZF-4 мог устанавливаться на привычное место над затворной группой и обеспечивал поражение целей на привычной «рабочей» дистанции

снайпера. Однако производство «скаут»-прицела ZF-41/1 сохранилось вплоть до 1945 года.

Винтовки советских снайперов также отвечали большинству требований к снайперскому оружию — за исключением ударно-спускового механизма «трехлинейки», отличавшегося отсутствием предупреждения при спуске курка и крайне неудачным предохранителем. Мемуарная литература содержит также претензии к самозарядной винтовке Токарева, регулярно упоминая низкие надежность и точность оружия. Однако и финны, и немцы весьма ценили трофейные СВТ, приняв эту винтовку на вооружение (в том числе и в качестве снайперского). В целом «ненадежность» СВТ во фронтовых условиях объясняется слабым знанием вверенной матчасти у подавляющего большинства бойцов РККА, что приводило к неправильному нанесению на узлы оружия смазочных материалов (и без того зачастую несортных), а также ошибочную установку положения газового регулятора. Кроме того, дефицит с отечественными винтовочными порохами, возникший в ходе войны, компенсировался ленд-лизскими поставками из США. Как указывает известный военный историк Михаил Николаевич Свирин, уменьшавшие яркость дульной вспышки присадки, использовавшиеся в ленд-лизских порохам, вели к повышенному нагарообразованию в газоотводных путях винтовки, частая чистка которых была затруднена в фронтовых условиях. В свою очередь, американская точка зрения обращает основное внимание на содержание в составе ленд-лизских порохов 2-нитродифениламина, уменьшавшего их саморазложение, а также карбоната кальция, нейтрализовавшего кислотные продукты сгорания пороха —

обе присадки содержали в большом количестве углерод, оседавший в виде нагара. Положение усугублялось тем, что американские пороха имели отличную от отечественных кривую давления в стволе, что также требовало тщательной регулировки газоотводного узла. Претензии к точности СВТ-40 вызваны более пологим шагом нарезов, из-за чего оружие при стрельбе тяжелой пулей уступало по кучности и эффективной дальности снайперскому варианту «трехлинейки». С другой стороны, многие советские снайперы (включая Героя Советского Союза Людмилу Михайловну Павличенко, личный счет которой составил 309 уничтоженных гитлеровцев) предпочитали использовать именно снайперский вариант СВТ-40.

Из всего вышесказанного следует, что к началу Великой Отечественной войны Советский Союз располагал вполне адекватным снайперским оружием, которое ни в чем не уступало мировым образцам, а по целому ряду параметров заметно их превосходило. Тем не менее любая винтовка является лишь инструментом в руках снайпера, и именно от человека зависит результативность выстрела. Впечатляющие списки побед советских снайперов являются наглядным подтверждением успешности программ допризывной и военно-спортивной подготовки, предпринятых в Советском Союзе в промежутке между мировыми войнами. Впрочем, никакая стрелковая подготовка не сможет помочь преодолеть страх смерти, возникающий перед каждым боем. Тем, кому посвящена эта книга, это удалось — потому что они защищали Родину.

М. Мильчев

Светлой памяти матери
моей — Анне Лукиничне Нико-
лаевой, воспитавшей меня
таким, каким я и остался и
есть, и только благодаря ог-
ромной любви ее к сыну я вы-
жил на фронте и вернулся до-
мой — посвящается.

ОТ АВТОРА

Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?
Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне.
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне».

И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда
Не права!

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша
совесть.
Она,
Как сила, нам нужна...

Юрий Воронов

Воодушевленный и под-
держанный в свое время великим писателем и по-
этом времен войны К.М. Симоновым, я набрался
храбрости написать книгу о войне, поставив эпигра-

фом к ней запавшие мне в душу стихи ленинградского поэта Юрия Петровича Воронова не только потому, чтоб не забылась та война, а еще и для того, чтобы рассказанное мною пошло на пользу нашему подрастающему поколению.

Пройдя большую школу жизни и войны, я, рядовой ее боец, дошагавший от Нарвских ворот в Ленинграде до Бранденбургских ворот в Берлине, переживший со своими товарищами все 900 блокадных дней, хочу поделиться с молодежью пережитым в самые тяжелые для нашей Родины годы, когда каждый из нас проверялся на стойкость и мужество. Я хотел своим повествованием раскрыть еще одну страницу истории Великой Отечественной войны — рассказать о том, как зарождалось и принимало массовый характер в осажденном Ленинграде снайперское движение, сыгравшее огромную роль в позиционной, «окопной войне» блокадного Ленинграда.

Стареют ветераны. Почти пятьдесят лет прошло с той поры, о которой ведется речь в книге «Звезды на винтовке». В основном это начало войны, первый ее год — самый трудный для осажденного Ленинграда период. Еще в годы войны я начал накапливать материал: вглядывался в события, в людей, фиксировал каждый характерный штрих военных будней, собирал газетные вырезки, документы, хранил снимки, запоминал рассказанное товарищами. Все это пригодилось мне и помогло в работе над рукописью.

Я приношу свою глубокую благодарность моим землякам, товарищам по оружию — ветеранам 21-й (109-й) Краснознаменной, ордена Суворова Ленинградской стрелковой дивизии войск НКВД, особенно бывшему комиссару ее 14-го Краснознаменного стрелкового полка войск НКВД, ныне уже умершему,

полковнику запаса Ивану Ильичу Агашину, который оказывал мне большую помощь и постоянную поддержку в процессе работы над книгой.

Книга, переживает свое 2-е издание, так как претерпела усиленную «рубку» материала, подготовленного к изданию Лениздатом. В первом варианте из рукописи было выброшено много того, о чем в тот застойный период либо нельзя было вспоминать, либо то, что не интересовало издателей географией событий. Сейчас она значительно изменена, дополнена, исправлены ошибки, случившиеся в ее 1-м издании.

ЗАДУМКА ЛЕЙТЕНАНТА БУТОРИНА

Была середина сентября 1941 года. Удивительно для этого времени немилосердно палило солнце. Из-за Пулковских высот в сторону Ленинграда лениво проплывали белоснежные облака и растворялись где-то в районе Морского порта.

Радуюсь тишине вокруг и тому, что остались живы, мы сидели, вытянув, натруженные ноги в тяжелых кирзовых сапогах, густо покрытых дорожной пылью. Сидели молча, упершись руками в высокую зеленую траву, отдыхали, бездумно рассматривая, как работают наши односельчане, укрепляя оборону полка, смотрели, как лениво покачиваются верхушки деревьев в Шереметевском парке¹, раскинувшемся позади обороны нашей части.

Мы — это десять полковых разведчиков, только что вернувшихся с очередного задания. Плотно завернутый в плащ-накидку, лежал одиннадцатый. Наш товарищ, которого убило, а принесли мы его на руках. Радоваться чему-то, как мы, он уже не мог.

Я сидел в стороне, корчась от боли в левой руке. «Лишь бы не заметили, что я ранен. Отправят в госпиталь, ищи тогда свою часть!» — думал я. В ладонь по-

¹ Шереметевский парк находился неподалеку от того места, где сейчас пересекаются проспекты Стачек и Маршала Жукова.

тихоньку стекала кровь из раны, и я незаметно пучком травы вытирал ее здоровой рукой.

Мимо проходил полковой санинструктор. Я решил окликнуть его.

— Земляк, посмотри-ка, пожалуйста, что это у меня с рукой? Только не очень-то ее ворочай — больно малость.

— Э-э... Да ты, брат, ранен! Во — дырища в ватнике! Где это тебя так шарахнуло? И сколько времени прошло с тех пор? — обеспокоенно спросил санинструктор.

— Да вот, минут двадцать, как вернулись из разведки.

— Что ж ты молчал до сих пор! — произнес он, раскрывая свою санитарную сумку. — Сейчас перевежем, наложим жгут, кровь остановим.

Он старательно сделал перевязку, а потом, прямо поверх ватника, наложил жгут — узким резиновым шлангом стянул руку у левого плеча.

— И сейчас же отправляйся на полковой медпункт: необходимо сделать противостолбнячный укол, — складывая свою сумку, приказал он.

Кровь, до этого непрерывно стекавшая мне в ладонь, действительно перестала течь, но рука все еще продолжала болеть.

— Ну и на том спасибо, дорогой! Жаль, что ты вот ему уже ничем не поможешь, — кивнул я в сторону убитого, завернутого в палатку.

— Да... В таких случаях медицина, как говорят, бессильна, — пробормотал он. — Так хоть ты поторопись, если не хочешь, чтобы и тебя так же завернули...

Мне было горько сознавать, что в смерти нашего товарища в какой-то степени виноват был я сам...

Группу вел я. Выполнить задание — установить, где находится сейчас противник и кто наш сосед слева, справа, — удалось почти без труда. Противник находился рядом, перед нами. Он уже захватил Урицк и был остановлен перед Пулковскими высотами. Соседом слева оказался батальон 6-го полка нашей же дивизии. Справа — Финский залив.

Успешно выполнив задание, по дороге чуть не перестрелялись, как оказалось, с такими же разведчиками-пограничниками на конях. С хорошим настроением возвращались мы в полк. Шли к Ленинграду уже по своей территории, по широкому, бетонированному, пустынному теперь шоссе, которое наверняка просматривалось противником. Точнее — по неопытности и от излишнего усердия — по шоссе шел только я сам. Как старший группы. Бойцам же приказал идти по глубокому кювету справа от дороги, хорошо скрывавшему разведчиков. Идти рассредоточенно, в восьми-десяти метрах друг за другом. Только голова да плечи самого высокого в группе — замыкавшего колонну — бойца Котельникова возвышались над дорогой.

Шел я по шоссе потому, что мне казалось — так удобнее: всех и все видно. А для противника моя одинокая фигура вряд ли могла представлять какой-то интерес. Однако я, кажется, все-таки привлек внимание фашистов: в нашу сторону вдруг полетели мины и снаряды. С большим недолетом они стали рваться на голом поле, все приближаясь к дороге. Я немедленно приказал всем двигаться бегом, побежал и сам, продолжая следить за разрывами снарядов. Через минуту рядом со мной будто крякнул кто-то и вроде доской — плашмя! — сильно ударил по левой руке. Ойкнув от

боли, я тут только сообразил, что к чему, и, прижав правой рукой ушибленное место, скатился в кювет. Пробежав по инерции метров двести, остановился. Взрывы к этому времени прекратились. Я пересчитал глазами бойцов: со мной вместе их было десять.

— Где одиннадцатый? — спросил я, оглядев разведчиков. — Где Котельников?

— Он шел замыкающим, — ответил кто-то.

— Что замыкающим, знаю, сам ставил в хвост колонны, чтобы видел всех вас. А где он теперь, куда делся? Не провалился же сквозь землю!

Я посмотрел на пустынное, без единого кустика, поле с той и другой стороны шоссе и никого не увидел.

— Плохо наше дело, придется всем вернуться, будем искать Котельникова.

Нашли мы его, уже мертвого, в том же кювете, пройдя метров триста назад...

И вот мы дома. Рука все еще ныла, но в санчасть я не торопился — сидел и думал...

Шел третий месяц войны. Несколько дней тому назад мы были в Ленинграде. Несколько сот чекистов — остатки 154-го стрелкового полка войск НКВД. До вероломного нападения на нашу страну фашистов полк — его штаб, тылы и часть подразделений — стоял в небольшом пограничном карельском городке.

Настоящие бои для нас начались 26 июня 1941 года, когда Финляндия объявила войну Советскому Союзу. А до этого, с 22 июня, происходили эпизодические, мелкие стычки с противником.

В ожесточенных, кровопролитных сражениях нам пришлось отходить через Выборг к Ленинграду. Нелегким был для всех нас этот путь. Многих бойцов и командиров потеряли мы тогда убитыми и ранеными.

И вот несколько дней назад оставшийся личный состав нашего полка влился как пополнение в 14-й Краснознаменный стрелковый полк 21-й стрелковой дивизии войск НКВД. Командовал полком подполковник Родионов. На ближних, юго-западных подступах к Ленинграду воевала 42-я армия. В ее состав входила и наша дивизия, состоявшая, кроме нашего, 14-го, из 6-го и 8-го стрелковых полков. Командовал дивизией полковник Михаил Данилович Панченко.

Дивизия получила задачу оборонять Ленинград с юга от Финского залива до Невы и далее на восток до Запек, не допустить врага в город.

14-й Краснознаменный, только что занявший отведенный ему командиром дивизии участок обороны, яростно вгрызаясь в землю, спешно окапывался. Это был последний перед Ленинградом рубеж. Он проходил непосредственно под городом Урицком, стоявшим всего лишь в нескольких километрах от Кировского района Ленинграда. Из наших стрелковых траншей днем хорошо были видны трубы Кировского завода. А по вечерам огни ракет, не угасавшие над передним краем, отражались в окнах домов Автова. Вторые эшелоны полка и дивизии были расположены уже в самом Ленинграде.

Защитники Ленинграда жили одной мыслью: грудью своей прикрыть родной город, не дать противнику ворваться в него. Выстоять, только выстоять!

Все это пронеслось в моей голове, пока я прислушивался ко все не утихавшей боли в раненой руке.

Чуть в стороне от нас, разведчиков, на бруствере, свесив ноги в окоп, сидел молодой лейтенант комсомолец Василий Буторин, недавно прибывший в полк. Он тут же был назначен командиром пятой роты. На-

чищенные до блеска сапоги лейтенанта сияли в лучах заходившего солнца. Среднего роста, широкоплечий, симпатичный блондин с голубыми глазами, он был похож на циркового гимнаста. Форма на нем была идеально выстирана и выглажена, гимнастерка туго перетянута широким командирским ремнем — и пальца не просунешь! И в то же время весь его облик, поведение говорили, что перед вами бывалый, кадровый командир. И мы это сразу почувствовали. Тем более что на груди лейтенанта алел, переливаясь золотом, уже основательно потертый орден Красного Знамени. Прикрепленный к поясу длинными ремешками, как у моряков, у ротного висел пистолет ТТ в черной кобуре. На вид командиру было лет двадцать пять. Сейчас, глядя на поредевшие ряды деревьев в Шереметевском парке и прислушиваясь к шуму машин за ним, командир о чем-то сосредоточенно думал. Может, он думал о своем родном Барнауле, где родился и вырос, о своих родных, о жене Варваре Васильевне, оставшейся в Калининской области. А может, и скорее всего, думал о том, что личный состав роты должен выполнить приказ командира полка: к утру закончить оборудование ходов сообщения, землянок и стрелковых ячеек в траншеях. Все они, его бойцы и командиры, работающие сейчас «до седьмого пота», уже тянут волоком от парка бронеколпаки и стальные щитки, только что привезенные рабочими Кировского завода. Часть бойцов, впрягшись по-бурлацки, уже подтаскивала очищенные от сучьев и веток и распиленные до нужного размера бревна для покрытия землянок. Бойцы тащили бревна и от разбитых домов из поселка Дачное.

Кто его знает, о чем думал в это время лейтенант,

только, видно, больно было ему смотреть на поваленные войной деревья в некогда прекрасном, знакомом ему еще с мирного времени Шереметевском парке. Кадровый командир, участник боев советско-финляндской войны, он из собственного опыта знал, что накаты из свежесрубленных деревьев, положенные крест-накрест в три-четыре ряда на землянки, будут куда прочнее сухих старых бревен. Ведь в свежем, даже распиленном на поленья дереве еще теплится жизнь. А коли так, ему положено сопротивляться. Видно, доволен был лейтенант тем, как сноровисто и аккуратно его бойцы укладывали эти бревна на землянки. Он знал, как окупится завтра этот сегодняшний «седьмой пот». Зарывшись глубоко и надежно в землю, можно будет сохранить личный состав роты. А там... Он будет бить врага днем и ночью, в любую погоду. «Стоять насмерть!», как сказал вчера командир полка. Эти слова хорошо понял в роте каждый боец и командир. Команды, какие были нужны, им даны, каждый знает, что ему делать, за что отвечать. Надо только не мешать сейчас командирам взводов и отделений, не глушить их инициативу, доверять подчиненным.

И лейтенант Буторин не мешал. Он был уверен: личный состав роты не подведет. Позади Ленинград!

Размышления лейтенанта прервал появившийся в расположении роты комиссар полка Агашин. Встали и вытянулись по стойке «смирно» разведчики, раньше командира роты увидевшие своего комиссара. Заметив наше движение, лейтенант оглянулся и, увидев Агашина, легко спрыгнул в окоп и поспешил навстречу.

Иван Ильич Агашин до войны был комиссаром окружной школы младшего комсостава погранвойск

Ленинградского военного округа. Опытный политраб-ботник, он прошел большую жизненную школу за свои сорок с лишним лет. Плотный, коренастый, с умным волевым лицом, густой шевелюрой, успевшей уже поседеть на висках за короткое время войны, комиссар Агашин поражал нас своей кипучей энергией, не по возрасту молодым задором. В полку его любили — скромного, немногословного, спокойного и справедливого. То, о чем он говорил, всегда было сильно и убедительно. Любили его за честность, личную храбрость, которые особенно ценятся в человеке. Бойцы были готовы в любую минуту пойти за своим комиссаром в огонь и в воду. Мне нравилось, как он на какой-то, может быть, псковский манер произносил слово «должны». «Мы должны», — говорил он. И мы понимали, что действительно должны. Должны Родине, партии, народу — за прошлую и будущую жизнь. Тем более теперь, в годы тяжелых испытаний. Так нас воспитали с детства, со школьной скамьи.

— Командир пятой роты лейтенант Буторин! — четко доложил лейтенант. — Рота занята оборудованием землянок. В расположении роты находятся полковые разведчики, только что вернувшиеся с задания. Они отдыхают — вам уже докладывали в штаб по телефону. Здравия желаю, товарищ комиссар!

Козырнув, Агашин протянул Буторину руку. Поздоровавшись и с нами, комиссар сделал нам знак рукой: «Садитесь, хлопцы!» — и сказал:

— Да, о результатах разведки я знаю. Ребята молодцы. Пусть отдыхают. Так о чем замечтался, лейтенант?

— Да вот, прикидываю... Мыслишка у меня появилась, товарищ комиссар.

— Выкладывай, поделись.

Мы, разведчики, невольно прислушались к разговору командиров: интересно, что придумал понравившийся всем нам лейтенант?

— Я, товарищ комиссар, вспомнил войну с финнами. Про финских «кукушек», их снайперов подумал. Вот и размышляю: а не организовать ли у нас в полку такую школу? Ну, пусть не школу — это я слишком громко назвал, понимаю, — а вот хотя бы курсы такие, человек на десять-пятнадцать пока? — И он вопросительно посмотрел на комиссара. Тот внимательно слушал лейтенанта, видимо что-то уже прикидывая в уме.

— Пока мы стоим во втором эшелоне, берусь подготовить отличных стрелков-снайперов.

— Ну а база? — спросил Агашин. — Что потребуется еще, кроме людей, твоего опыта и желания?

— База? База — по обстановке! Зато, я уже узнавал, снайперские винтовки в полку есть. Лежат себе, в масле катаются на складе боепитания. Совершенно новенькие! А это уже что-то!

— Что ж, дельная мысль. Сегодня же доложу командиру полка. Заранее уверен: он одобрит. А пока подбирай себе «студентов», лейтенант, для своей «академии». Небось уже и прикинул — кого?

— Так точно, товарищ комиссар! Я, собственно, уже почти подобрал, правда, только из своей роты. А вот, — лейтенант кивнул в нашу сторону, — кое-кого из разведки отдадите? Такие ребятагодились бы на первый случай: парни ловкие, храбрые, многие из них хорошие спортсмены.

— Как много нужно времени для их подготовки? Обстановка, сам понимаешь...

— А мы элементарно: немного теории, матчасть и как ею пользоваться. Ну а экзамен примем прямо на переднем крае — по живым мишеням! И все же дней пятнадцать потребуется обязательно.

— Что ж, такой срок можно будет и дать для хорошего дела, — сказал Агашин. И, как бы ставя на этом разговоре точку, добавил: — Ну, договорились: дадим тебе из разведки Николаева, бери и Добрика, Семенова. Еще Рахматуллина возьми из восьмой роты — он бывший охотник, говорят, белке в глаз может попасть. Подойдет, пожалуй, и сержант Карпов из пульвзвода, и... Ну кого тебе еще — потом сам скажешь.

Дня через три после этого памятного разговора группа бойцов, в которую вошел и я, держала в руках еще не обстрелянные снайперские винтовки с оптическим прицелом. Приказом по полку мы были зачислены курсантами полковой школы снайперов-истребителей.

Тяжело мне было расставаться с товарищами по разведке, но стать снайпером — моя давнишняя мечта. С детства. Я и сейчас, кажется, до мельчайшей подробности представляю себе кадры еще из довоенного фильма «Снайпер». В нем рассказывалось о подвигах сверхметкого русского стрелка-снайпера в первую империалистическую войну. Особенно ярко запомнились эпизоды из фильма, связанные с искусной маскировкой. Сделав макет пня или убитой лошади и пристроив его на нейтральной полосе, перед окопами противника, снайпер забирался в этот макет и метко разил оттуда врага.

До войны, еще в школе, а потом и в Тамбовском вагонном техникуме, где мне довелось проучиться два года, я увлекался стрелковым спортом. Приходи-

лось участвовать и в стрелковых соревнованиях. Стрелковая команда у нас в техникуме была сильная — четверых из нее взяли в состав сборной города. Мои друзья Анатолий Абоносимов, Михаил Штанько, Володя Вавра и я уже готовились к областным соревнованиям. В нашей команде был тогда и нынешний старшина пятой роты Володя Дудин, работавший на Тамбовском вагоноремонтном заводе, депутат горсовета. Я и подружился с ним с тех самых пор.

В то время мы увлекались не только одним стрелковым спортом: задолго до призыва в армию на срочную службу каждый из нас носил на груди полный комплект оборонных значков. Причем высшей — второй ступени: ГТО («Готов к труду и обороне»), ГСО («Готов к санитарной обороне»), ПВХО («Готов к противовоздушной и химической обороне») и «Ворошиловский стрелок».

— Будешь старшим группы, — сказал мне лейтенант, передавая «Список личного состава школы снайперов при 14-м Краснознаменном полку войск НКВД». В этом списке, кроме названных, уже значились Валентин Локтев, заместитель политрука Юрий Смирнов, Серго Казарян и другие ребята. Политрук роты по званию, исполняющий обязанности старшины Володя Дудин был временно назначен и старшиной школы снайперов.

В нашей «академии» начались регулярные, с утра до ночи, занятия. Курсанты старались как можно скорее постичь все премудрости снайперского искусства, которыми охотно делился с нами лейтенант Буторин.

В первую же ночь, зажав между колен перевернутый вверх дном круглый солдатский котелок, при свете коптилки, сооруженной из гильзы от снаряда, я пи-

сал письмо. Как можно короче и непонятней я информировал маму об изменении в моей фронтовой жизни. Приученный с детства ничего от матери не скрывать, теперь я был вынужден писать ей не все и не всю правду: не хотелось лишней раз ее волновать.

Из письма с фронта в Тамбов матери

Дорогая моя мама, здравствуйте!

Напрасно Вы беспокоитесь за меня. Вчера, к своему сожалению, я расстался с работой в разведке и со своими тамошними друзьями. А жалко: ребята там все были правильные. Теперь нахожусь на учебе, в глубоком тылу, — войной тут и не пахнет! Привыкаю к новому коллективу. Но и тут подбираю себе друзей по принципу: «А пошел бы я с тобой в разведку?»

Правда, здесь ребята тоже толковые, дружные, веселые и храбрые.

Мы, как и всегда, с Вовкой Дудиным вместе. Вы его знаете. Тут же и оба Ивана — Добрик и Карпов, о которых я Вам уже рассказывал.

Ну, большой привет всем соседям. Сходите, поклонитесь за нас нашей школе — за все то хорошее, что она нам дала. Все это пригодилось на фронте.

*Крепко Вас обнимаю и целую.
Ваш сын Евгений.*

СТАНОВЛЮСЬ СНАЙПЕРОМ

«Академия» наша расположилась в удобной ложине, проходившей неподалеку от Шереметевского парка.

Первая половина учебного дня отводилась у нас практическим занятиям. Мы пристреливали личное оружие, били в цель на поражение, усваивали законы маскировки на местности, выбора огневой позиции. В программу занятий входила и физподготовка: бег, подтягивание, прыжки в длину и высоту. Метание гранат, приемы борьбы самбо тоже входили в обучение. Мы вновь, как и до войны, только теперь с еще большим старанием, ползали по-пластунски, атаковали воображаемого противника.

— Снайпер должен быть закаленным как морально, так и физически, — говорил нам лейтенант Буторин, наблюдая за нашими действиями.

С наступлением темноты, вернувшись из ложины, мы прежде всего чистили и смазывали, в который уже раз разбирали и собирали винтовки. Брели в руки паклю и, накрутив ее на шомпол, с щелочью драили канал ствола, пока не добивались идеального блеска. И только после этого приступали к теоретическим занятиям. Лейтенант Буторин знакомил нас с матчастью различного оружия — нашего и трофейного. Но особое внимание уделялось изучению снайперской винтовки, ее оптического прицела.

Были у нас и уроки на внимание, на тренировку зрительной памяти. Проходили они так: курсант, вызванный лейтенантом в землянку, должен был минуту-другую посмотреть на массу разложенных вокруг предметов, а затем выйти. Через две-три минуты он возвращался и определял, какие изменения произошли в землянке за время его отсутствия. Оказывалось, что часть предметов или передвинулась с места на место, или вовсе исчезла. Все это до мельчайшей подробности надо было заметить и толково доложить командиру. Такие занятия развивали наблюдательность, оттачивали наше внимание. Проводили мы их и на местности, непосредственно на переднем крае полка. Всем курсантам такая тренировка очень нравилась, хотя с докладом получалось удачно не у каждого. Мне, театральному художнику, зрительно запоминалось все куда легче, чем другим, но и то случалось ошибаться. Однако необходимое снайперу качество — не только видеть, наблюдать, но и делать из увиденного соответствующие выводы — совершенствовалось у нас с каждым днем. Все это позднее очень пригодилось. Мы понимали: от того, как ты овладел этим умением, будут зависеть и результат твоей работы, и твоя собственная жизнь. Слабо подготовленный в этом отношении снайпер может стать мишенью для меткого фашистского стрелка.

Что бы ни объяснял нам лейтенант Буторин, чему бы ни учил, слушать его всегда было интересно. Свои рассказы он обычно иллюстрировал примерами как из собственного опыта, приобретенного во время советско-финляндской войны, так и из опыта снайперов Первой мировой и Гражданской войн. А знал лейтенант очень много. И рассказывать умел образно,

ярко и доходчиво. Сколько полезного и интересного услышали мы тогда на наших занятиях!

Да и сами мы успели с июня 1941 года увидеть многое. Приобрели пусть небольшой, но свой собственный опыт в борьбе с противником. Мне, например, приходилось самому принимать участие в истреблении финских снайперов — «кукушек», или «смертников», как их называли наши бойцы. Смертники в полном смысле этого слова, заброшенные на нашу территорию и продавшие свои жизни за большие деньги, они сидели, прикованные цепями к стволам и сучьям, в лиственной гуще деревьев, расположенных около наших проезжих тыловых дорог. Кто их там приковывал, сказать трудно. Может быть, даже сами себя, надеясь не знаю на что. Только хорошо замаскированные, совсем невидимые, своим метким огнем они расчетливо уничтожали наших в одиночку передвигавшихся по дорогам бойцов и командиров. Уничтожали водителей легковых и грузовых машин и их немногочисленных спутников. А потом поджигали и сами машины. Обнаружив по выстрелам и попаданиям хотя бы приблизительно, где расположилась такая «кукушка», мы открывали ружейно-пулеметный огонь по подозрительному месту и уничтожали ее. Случалось, что под прикрытием нашего огня мы подбирались прямо под дерево, на котором пристроился снайпер, и тогда подкинутыми вверх, в гущу листвы, гранатами приканчивали стервятника. Гранату с выдернутой предохранительной чекой бросали не сразу, а выждав несколько секунд. И тогда она взрывалась вверху — там, где расположился стрелок: времени упасть на землю и ранить нас гранате уже не хватало...

Однажды, впервые участвуя в такой операции, я

был удивлен, что после разрывов в листве нескольких брошенных мною вверх гранат с дерева никто не упал, как должно было бы быть. Я решил забраться на это дерево. Велико же было мое изумление, когда, принимая все меры предосторожности, я поднялся метров на шесть и... почти рядом с собой увидел висящего головой вниз прикованного за ногу к дереву снайпера! А чуть выше его на такой же цепи болталась и его снайперская винтовка, предусмотрительно отброшенная от себя стрелком. Дотянуться до нее я так и не смог. Почувствовав себя теперь в полной безопасности, я полез выше. В густой листве было хорошо оборудовано лежбище фашиста. Там я обнаружил два вещевых мешка. В одном кроме продуктов, в основном консервированных, лежали тугие, аккуратно упакованные пачки денег. Продовольствия было запасено по крайней мере на пару недель. Там были шоколад и печенье, консервированное молоко, сигареты и спички, портативная спиртовка и фляга со спиртом. Во втором мешке — целая и начатая цинковая коробка с патронами и одна граната. Кроме патронов в мешке лежали пустые, уже использованные банки из-под продуктов, коробки, упаковочная бумага. Пули были простые, зажигательные и разрывные.

На территории Карелии с начала войны мне удалось уничтожить трех таких «кукушек». Одной из них была женщина.

— Снайпер — это сверхметкий стрелок, поражающий особо важные цели, — рассказывал нам лейтенант Буторин. — Его винтовка с оптическим прицелом служит для ведения точной стрельбы с ближних и средних дистанций по появляющимся и быстро исче-

зающим, открытым и замаскированным одиночным целям.

Он взял снайперку и высоко поднял ее.

— Эта винтовочка дает возможность результативно вести стрельбу в пределах от ста до тысячи трехсот метров. Без оптики — от ста до восьмисот. И заметьте, обеспечивает хорошие результаты стрельбы и в сумерках, и на рассвете, и при закате солнца, и в пасмурную погоду. Надо только по-настоящему овладеть ею, этой винтовкой. В этом теперь ваша задача.

И мы овладевали... После занятий курсанты с ног валились от усталости, но впоследствии были очень благодарны своему строгому учителю. Готовя из нас снайперов, лейтенант Буторин не сулил нам легкой работы. Наоборот, при каждом удобном случае он предупреждал о тех неожиданных, трудных ситуациях, в которых мы можем очутиться.

Изучив за несколько дней матчасть винтовки, мы учились также и стрелять из нее. Вначале били по бумажным мишеням, а потом и по предметам, все уменьшавшимся в размерах. В дело шли пустые бутылки, консервные банки, спичечные коробки. Пустой коробок нанизывался на тонкий прутик или соломинку, воткнутые в землю, и служил ориентиром: перебить следовало сам прутик или соломинку, оставляя целым коробок.

Особенно поощрялась у нас стрельба по лежавшей на чем-нибудь бутылке. Надо было прицелиться так, чтобы, ударив в дно, пуля прошла через горлышко, не разбив при этом самой бутылки. Пока, правда, это получалось не у всех.

Стреляли мы и по движущимся мишеням. Кто-ни-

будь из нас уходил от огневого рубежа метров на пятьсот-шестьсот и там тащил по земле, выбирая неровную поверхность, сразу две-три кастрюли или другие предметы, привязанные за длинную веревку. Пока они заменяли нам каски и головы фашистов. Тренировались мы и в стрельбе на скорость: добивались делать по десять-двенадцать прицельных выстрелов в минуту.

Как ни трудны были для нас дни учебы, перенесли мы их стойко. Наступила наконец и пора экзаменов. В начале октября мы всей группой вышли их сдавать непосредственно на передний край.

В то время противник имел явное превосходство над нами и в живой силе, и в боевой технике. В расходе боеприпасов он тоже не стеснялся: на одиночный винтовочный выстрел фашисты отвечали ураганным, бесприцельным огнем по нашим траншеям. Их штурмовики и бомбардировщики постоянно висели над нашими позициями, «обрабатывали» передний край.

Однажды оголтелый фашистский ас, не сумевший прорваться в Ленинград, возвращался на свою базу с неизрасходованным комплектом боеприпасов. По пути он решил освободиться от бомбового груза и сбросил его на наши траншеи, не причинив, правда, при этом особенного вреда. Своевременно предупрежденные наблюдателями, бойцы успели попрыгаться в укрытиях.

— Воздух! — снова закричали наблюдатели, заметив делавший разворот самолет противника.

Опустели наши траншеи, лишь общая любимица кошка Мурешка, прижившаяся у нас, спокойно шла через шоссейную дорогу к соседям-минометчикам, у которых по времени как раз должен был быть обед.

Фашист, пролетев вдоль шоссе и не заметив на этот раз для себя ничего интересного, кроме «отдельно идущей кошки», ради развлечения начал пикировать на нее, поливая с бреющего полета пулеметным огнем.

Обезумевшая от страха кошка присела, поджав хвост, а потом бросилась бежать по шоссе по дороге. Фашист не поленился сделать третий заход и все-таки убил нашу Мурешку. Подлец был метким стрелком. Однако этот заход оказался последним и для него самого: наш боец, тамбовский парень Юрий Семенов, сделав всего один-единственный выстрел по самолету из простой трехлинейки, попал, видимо, прямо в летчика. Потерявшая управление машина так и не вышла из своего последнего пике. Ткнувшись носом, она ушла глубоко в землю и, к всеобщему удовольствию, взорвалась. Мы ликовали: наша Мурешка была отомщена...

Итак, мы отправились сдавать экзамены.

Стояло хмурое октябрьское утро. Уже давно в траншеях пропала сырость, заметнее, ощутимее стали холода по ночам. Накануне прямо на сухую, замороженную землю выпал первый обильный снег, словно простыней укрывший покалеченную ленинградскую землю. Мы все решили, что ранняя, первая военная зима будет очень суровой.

Лейтенант Буторин, разбив нашу группу на пары, расставил их по обороне полка на заранее облюбованные им огневые позиции. Мы знали, кто с кем и где будет стоять, еще с вечера. Каждая пара заранее побывала на месте, привела в порядок свои стрелковые ячейки, подготовила и замаскировала их.

В паре со мной был Иван Добрик — невысокого роста крепыш с широкоскулым, добродушным лицом, но с постоянной хитринкой на нем. Он отлично стрелял по мельчайшим мишеням, а служакой был прямо-таки отменным. Помню случай, который у меня с ним произошел еще в мирное время в Карелии, где стоял наш полк. В тот вечер я поздно возвращался в роту из штаба полка.

У казармы стоял на посту наш Иван, знавший меня, как самого себя. Он наставил на меня штык винтовки:

— Не пропустю! Ходь до караульного! Почему поздно?

Так и не пропустил бы, если бы, на мое счастье, случайно не вышел на крыльцо казармы наш командир взвода...

И вот теперь мы лежали с ним рядом и наблюдали за обороной противника. Прямо перед нами, в полутора километрах, проходила линия железной дороги: мы видели переезд с будкой стрелочника, поднятый шлагбаум. Это был наш «ориентир № 1». По шоссе-ной дороге, пересекавшей железнодорожное полотно, в обе стороны шло активное передвижение машин и войск немцев. Ближе к нам — запорошенная снегом равнина без единого подходящего для ориентира предмета. Где-то на ней были расположены траншеи врага.

От фашистских землянок высоко в морозное небо столбом поднимался дым из печей, от кухонь валил пар. Нам, голодным, казалось тогда, что немцев кормили круглые сутки.

Через оптический прицел винтовки мы видели, как далеко в глубине их обороны изредка в рост проходили группами и в одиночку немецкие солдаты, к сожалению недостижимые для наших пуль.

Долго лежали мы так, не сделав ни единого выстрела, прикинув к заснеженному брустверу и тесно прижавшись друг к другу. Лежать на морозе несколько часов подряд, не двигаясь, было невесело. И непривычно. Мы были в шинелях, надетых поверх ватных курток, в ватных брюках, заправленных в кирзовые сапоги, в шапках-ушанках. И все же мороз пробирал нас основательно. Так и хотелось встать и энергичными движениями разогреть замерзшие ноги и руки. Мы знали, что это невозможно. Мы не должны дать обнаружить себя противнику, который тоже наблюдал за нашей обороной. Настроение было паршивым. Стало темнеть.

Как назло, снова повалил крупными хлопьями снег. Видимость заметно ухудшилась.

— Шо робить-то будем? — произнес тихо Иван. — Будемо уходить чи шо?..

— Скорее всего — «чи шо»! — сказал я ему. — Куда же тебя сейчас понесет? Навстречу немецкой пуле? Еще светло!

Я хотел еще что-то добавить, как вдруг в моем секторе обстрела, метрах в шестистах от нашего НП, заметил движущиеся «мишени»: на расстоянии шестивосьми метров друг от друга шли три фашиста. Первый, перевязанный крест-накрест женским платком, шел налегке. Двое других тащили мешки с каким-то тяжелым грузом. Я почему-то решил, что с картошкой — так тяжело, медленно они передвигались.

— Иван, наблюдай! Вижу справа фашистов! — обрадованно крикнул я, совсем забыв, что нахожусь всего в восьмидесяти метрах от переднего края противника и сам могу стать мишенью. — Бью по последнему, потом по первому!

Увидел фашистов и Добрик.

— Давай не упусти, Женька!

Сделав привычным движением упреждение с учетом боковых поправок на ветер и на движение цели, я взял на мушку голову последнего из трех гитлеровцев и, затаив дыхание, плавно нажал на спусковой крючок...

Негромок голос снайперской пули, но жалит она смертельно. Выстрела я своего почти не услышал, — мое собственное сердце в это время стучало, кажется, куда громче! Я увидел, как мгновенно осел, придавленный тяжелым мешком, последним шагавший немец. Двое других продолжали свой путь, не заметив случившегося. Обрадованный успехом, я решил ударить по второму фашисту. Давно отработанным движением мгновенно перезарядил винтовку и выстрелил. Словно споткнувшись, упал и второй «завоеватель». Однако он, видимо, успел что-то крикнуть, потому что первый, сделав еще два-три шага вперед, остановился, оглянулся и подошел к упавшему. Он стоял над ним, размахивая руками, и что-то выговаривал неподвижно лежавшему солдату. Возможно, отчитывал его за неуклюжесть, похоже — предлагал ему подняться, еще не догадываясь, что произошло на самом деле, и тем более не ожидая того, что случится в следующую секунду. А мне вполне хватило времени снова перезарядить винтовку и сделать очередной выстрел. Он прозвучал отрывисто — словно дятел долбанул крепким клювом сухую ель. И третий фашист, сраженный моей пулей, замертво свалился на второго.

— Ну молодец... Сразу троих! Тремя выстрелами!.. — подытожил Иван результат моей стрельбы. — Теперь моя очередь.

И он изготовился к стрельбе, разгоряченный нашей первой удачей.

Не упуская из виду своего сектора, я стал больше поглядывать за сектором Добрика. Но так близко немцы больше не появились. И, как на беду, снова повалил такой снежище, что видимость совершенно пропала. Даже в пятидесяти метрах от нас ничего не было видно. Стало темнеть, погода окончательно испортилась.

Полежав еще с полчаса, мы решили отходить. Огорченный Иван плелся за мной по траншее, низко опустив голову. Я, как мог, успокаивал его, предрекая на завтра лучший результат «охоты». А через десять минут мы сидели уже в своей землянке.

Так в нашей 21-й дивизии, благодаря лейтенанту Буторину, родилось снайперское движение. Истребители фашистской нечисти начали свою священную войну.

А поздно вечером, когда все снайперы вернулись со своих НП, состоялся разбор результатов истекшего дня.

— Лиха беда начало! — сказал лейтенант. — Итог наших экзаменов — двадцать шесть уничтоженных фашистов. Неплохо! Но не забывают, товарищи: поле боя — не тир! У снайпера должны быть храброе сердце и крепкие нервы. Он должен быть всегда спокоен и хладнокровен, терпелив и вынослив. Побеждает тот, у кого зорче глаз, тверже рука и крепче выдержка. Советский снайпер знает, на что идет, и побеждает врага мужеством, сообразительностью, быстрой реакцией. Я говорю вам все это в последний раз, — завтра вы будете действовать самостоятельно, учить вас будет некому. Ну а теперь — спать. Всем спать до утра!

Прощавшись с нами, лейтенант вышел из зем-

лянки. А мы еще долго ворочались, не могли уснуть от впечатлений пережитого. Потом кто-то из ребят подытожил:

— Братцы, а теперь нам надо — кто больше. Вроде соревнования. Правда?..

— Верно! — ответили ему. — Будем соревноваться. И других будем учить.

Через полчаса все уже спали богатырским сном. И только мне почему-то не спалось. Присев у края нар, при свете коптилки на листке бумаги я стал выводить хорошо отточенным химическим карандашом письмо.

Из письма с фронта в Тамбов матери

Дорогая мамуля!

Свою учебу я закончил успешно. Сегодня наш командир перед строем объявил мне благодарность. Теперь я на новой работе: стал наблюдателем. Не беспокойтесь за меня — это работа легкая и совсем безопасная: посматривай себе в бинокль да докладывай по начальству, что там затевают фашисты. И сидеть-то приходится в тепле, да и одет я прилично.

Войны у нас почти нет никакой. Когда Вы читаете в сводках Совинформбюро «На Ленинградском фронте без перемен. Идут бои местного значения» — это про нас.

Как Вы там живете? Как вообще наш народ там, на Большой земле, живет? Мы только одно знаем: как бы там ни было — жив будет наш народ! И он победит.

Да, не сказал еще: мне присвоили звание! Теперь я старший сержант. А по должности — помкомвзвода.

Ваш Евгений.

С тех пор мы попарно, а иногда и в одиночку ежедневно выходили на передний край. Подкрадывались как можно ближе к немецким траншеям, устраивались в заранее облюбованной воронке или удобном укрытии и до наступления полного рассвета успевали замаскироваться, внимательно осмотреться, обжиться. Передний край был нашим вторым домом, в котором мы жили намного дольше, чем в доме-землянке.

Следили за снайперами и их работой предупреденные заранее бойцы и командиры в траншеях. Им ставилась задача — прикрыть в случае чего отход снайперу, оказать ему первую помощь, если потребуется. А минометчики готовы были в любую минуту дать 30 — заградогонь, отсечь нас, снайперов, от противника.

Нам разрешалось спать только ночью, и будили нас только в случае крайней необходимости. Правда, случаев таких хватало...

МОЙ ПЕРВЫЙ НАПАРНИК

С Иваном Добриком мне приходилось взаимодействовать и в дальнейшем. До его тяжелого ранения в голову в сентябре 1942 года мы воевали с ним бок о бок.

Выходя на «охоту» с Добриком, я чувствовал себя намного уверенней. Иван был веселым и храбрым парнем, хорошим товарищем и отличным стрелком. На него вполне можно было положиться.

Он был уроженцем Полтавской области. Родина его — село Худолеевка — была сейчас «пид нимцем», и он «нэ чого нэ чув» о судьбе своих родителей и многочисленных братьев и сестер.

...Трудно было его родителям вести свое немудрящее хозяйство, содержать большое семейство. И вот, посоветовавшись с ними, «старшой» — Иван — уехал в Астрахань, на заработки. Он ходил там с рыбаками в море, тянул сети. А все заработанные деньги отсылал домой. Сам же перебивался кое-как. И мечтал о службе в армии. Куда он ни писал, к кому ни обращался — в армию его не брали. «Мал еще! Вот подрастешь — сами позовем!» — говорили ему в военкомате. И точно, в октябре 1940 года, когда пришел его срок, призвали Ивана в Красную Армию.

Хотя и крепок стал Иван, возмужал за годы, проведенные в Астрахани, в плечах раздался, мускулами разбогател, а росточком не вышел. Так грибок-бо-

ровичком и остался. Его послали служить в полк войск НКВД. Всегда жизнерадостный, находчивый, острый на язык парень с круглым, улыбающимся лицом и карими глазами, он был всегда всем доволен, всему рад. И тому, что едет в неизвестную ему Карелию, тоже рад. Сколько интересного увидел из маленького вагона-теплушки молодой деревенский парень, сколько нового узнал за дорогу! Ох и велика же его Родина, коли так долго приходится ехать ему к месту будущей службы...

А в полку за несколько месяцев и совсем возмужал Добрик — родная мать не узнала бы своего «старшего» в строю ладных, стриженных под машинку ребят, одетых в военную форму. Тут Иван увлекся спортом, на «отлично» овладел огневой и политической подготовкой...

С упорными боями его полк отходил от границы в глубь страны. Но дорого платили фашисты за свое вероломное нападение. Яростно отбивались чекисты, каждый дрался за десятерых. И все же силы были неравными — под Выборгом полк попал в окружение.

День и ночь с обеих сторон не смолкала ружейно-пулеметная трескотня, со стоном разрывались мины. Против вооруженных винтовками бойцов были брошены танки. Но и на этот раз не удалось фашистам сломить сопротивление бойцов. «Чекисты в плен не сдаются!» — таков был наш девиз. И прорвал полк кольцо окружения, вышел из боя. Ивана Добрика везли на санитарной повозке: контузило парня.

После излечения в госпитале торопился Иван попасть к своим однополчанам. С замирающим сердцем шел он через весь Ленинград до Кировского завода. Шел и видел Иван, как работают ленинградцы,

помогают нашим войскам укреплять оборону. Ломами и кирками долбят твердую землю, лопатами роют противотанковые рвы и траншеи, строят для воинов землянки.

«Нет, такие люди не позволят фашистам прорваться в город! Так и нам надо стоять!» — думал Иван и клялся себе, не щадя своей жизни, мстить ненавистным фашистам за их злодеяния.

По зову сердца комсомолец Иван Добрик стал снайпером. С каждым днем увеличивался счет священной мести, росло, оттачивалось его мастерство. Имя меткого стрелка, истребителя фашистской нечисти Ивана Добрика все чаще и чаще стало упоминаться на страницах военных газет.

Наша оборона проходила по территории, принадлежавшей до войны какому-то совхозу. Еще до прихода немцев технику и людей отсюда эвакуировали. Брошенным остался только урожай, который не успели уничтожить. И вот теперь перед траншеями нашего батальона, на нейтральной полосе, раскинулось капустное поле.

Однажды из Ленинграда в штаб полка пришли несколько женщин. Они стали просить пропустить их на передний край:

— Там есть капуста. А у нас дети голодают!

— Да вы понимаете, что говорите?! Это же на нейтральной полосе! За ней немцы неусыпно наблюдают, вас перестреляют в одну минуту, — доказывал женщинам командир полка Родионов.

— Так мы же ночью будем работать! А там, глядишь, и промахнутся фашисты, — стояли на своем

ленинградки. — Пусть ваши бойцы нам помогут немного...

Подполковник был вынужден обратиться к командиру дивизии Панченко, сдаваясь под натиском женщин. Комдив дал «добро», но просил принять все меры предосторожности, поддержать женщин огнем снайперов и пулеметчиков.

И вот на другой день их пришло человек двадцать. Все с огромными матрасными мешками. Вид у женщин был решительный. Они знали, на что шли. Их об этом предупредили.

Точно по счету разводящий пропустил женщин в расположение нашей роты, помог ночью перебраться через бруствер окопа. И не только мы, снайперы, но и все остальные бойцы, пораженные храбростью ленинградов, приготовились в любую минуту прийти на помощь заготовительницам капусты...

Перед самым рассветом женщины благополучно вышли, волоча по земле тяжеленные мешки. Мы помогли им донести дорогой груз в безопасное место.

А на следующую ночь их пришло еще больше... Пропустили и их. Только на этот раз, ободренные вчерашним результатом, они вели себя не очень осторожно. Обеспокоенные подозрительным движением, сопровождавшимся шумом на нейтральной полосе, фашисты зашевелились — ввысь полетели осветительные ракеты. Началась интенсивная перестрелка. Немцы решили, что на поле действуют наши саперы или разведчики, и при свете ракет стали расстреливать женщин.

Медленно и плавно опускались на землю осветительные ракеты. Специально приделанные к ним парашюты долго держали их в воздухе.

Стрельба тем временем все усиливалась. Мы били по амбразурам противника, по вспышкам огня из автоматов и пулеметов. Снайперы, знакомые с устройством немецких парашютов, сбивали ракеты, заставляя их гаснуть на самом взлете. Особенно ловко у нас получалось тогда, когда в небо взлетало несколько ракет: самая высокая из них хорошо освещала парашютики нижних ракет, болтавшихся в черном небе.

Напуганные заготовительницы вернулись ни с чем. Раненых женщин быстро перевязали и отправили в тыл, а убитые остались лежать на нейтральной полосе...

Но, несмотря на такой исход, женщины еще не раз приходили к нам за капустой.

Как-то после одной из таких «операций» я вместе с другими бойцами помогал женщинам переносить их добычу. Добрик остался наблюдать за противником. Уже стало рассветать, когда вдруг Иван обнаружил, что на нейтральной полосе продолжают работать две женщины. Их высокие фигуры в длинных юбках и ватниках хорошо выделялись на фоне сереющего неба.

«Шо це такэ?.. Вроде бы з виттеля возвернулись уси жинки и тех спровадили у тыл з кочанамы. Виткиля взялися эти?! Да еще так далэко зашли, — недоумевал Иван. — Шо будэм робить? Мабуть, бабоньки зовсим не наши?» Посоветоваться Ивану тогда было не с кем. Но тут он заметил, что женщинам вроде бы мешают их длинные юбки. Это его насторожило.

«А, стрельну-ка я в одну, будь шо будэ!» — решил Добрик и выстрелил в ногу одной из женщин. Та, высоко задрав свою юбку и заорав благим матом, прихрамывая на раненую ногу, кинулась бежать.

— Покостыляла вона в сторону нимцев, — рассказывал потом Иван.

«Ну костыляй, стэрва, зараз я тебя угостю капусткой...» — И Иван выстрелил вслед переодетому фашисту. Тот рухнул на землю. Замешкался, не успел нырнуть в свой траншей и второй гитлеровец — и его постигла та же участь, что и его «подружку».

— От гады! Ну, похарчувались русской капустой?!

С тех пор аппетит на нашу капусту у фашистов пропал. А Добрик в тот день уничтожил еще трех немцев.

Так и осталась на поле капуста до глубокого снега, и только зимой, когда нам пришлось совсем туго, начали заниматься заготовкой капусты и наши бойцы. Раза два и я ходил на такую «операцию». Обеды получались у нас отменными...

У Клиновских домов, стоявших против нашей обороны на нейтральной полосе, кажется, не было ни одного живого места: все окна были давно повывиты, изрешечены снарядами стены, а вокруг зияли воронки от авиабомб. Однако в эти-то дома и повадились ходить два Ивана: Иван Карпов и Иван Добрик — лучшие снайперы нашей дивизии. Очень уж по душе пришлось им это место — с верхних этажей открывался прекрасный обзор немецкой обороны.

Еще затемно забирались они туда, устраивались поудобнее, замаскировывались и наблюдали за противником. Немцы тем временем начали готовиться к очередному штурму наших траншей. Не ожидая никакой опасности со стороны Клиновских домов, стоявших, пожалуй, ближе к их траншеям, чем к нашим, фашисты начали накапливать силы для очередной атаки. Иваны, засевшие в доме, слышали, как немцы играли на губной гармошке, горланили песни; видели через оптический прицел винтовки их довольные ро-

жи. Распоряжался там офицер с моноклем в глазу и со стеклом в руке. До скопища фашистов было всего метров триста.

Недолго любовались наши снайперы этой «художественной самодеятельностью». Распределив между собой роли, дали они фашистам свой концерт. Первым упал, сраженный пулей Ивана Карпова, офицер с моноклем. Следом за ним начали валиться и другие чины, четко садившиеся на мушку нашим истребителям. Остальные, разобравшись, в чем дело, в панике начали метаться по лощинке, отыскивая подходящие укрытия.

В тот день Добрик уничтожил восемнадцать, а Карпов четырнадцать фашистов. А главное, сорвалась на этот раз и сама операция немцев.

Озверевшие гитлеровцы целый час не могли успокоиться — вели меткий артиллерийский огонь... по пустым домам, давно покинутым Иванами. Правда, наши снайперы едва успели укрыться в подвальном помещении.

Разбирая потом итоги нашей работы на одном из совещаний снайперов-истребителей, устроенном политотделом, на случае с Иванами мы сделали вывод, что не следует слишком увлекаться: такой удачный вначале день мог плачевно закончиться и для них самих. Надо в любом случае заранее готовить себе несколько запасных огневых позиций и чаще их менять.

«БЕЙ ПОЖАРНЫХ!»

Нашу пятую роту, стоявшую в резерве на второй линии обороны полка, подняли по тревоге и срочно перебросили на новый участок, под Урицк. Это было в ночь на 3 декабря 1941 года. Участочек этот оказался, как выяснилось позже, наихудшим во всей обороне полка. Расположен он был вдоль трамвайной линии, проходившей из Ленинграда на Стрельну через Урицк, и, где-то загибаясь, отходил от трамвайной линии вправо, до самого залива.

Землянки, вырытые наспех в насыпи трамвайной линии, были едва прикрыты хиленькими накатами из бревен. При близком разрыве снаряда стены их ходили ходуном, а с потолка сыпалась всякая дрянь: стекло, железки, мусор. Так что сидеть в такой землянке можно было только в каске. В кювете, справа от трамвайной линии, шла сама траншея метра полтора-два глубиной. Рыть дальше было нельзя: выступит подпочвенная вода, зальет траншею.

Ночи в то время были темные и длинные. Фашисты очень боялись темноты и ночных визитов наших разведчиков, а потому передний край они постоянно держали под наблюдением. Регулярно через каждые две-три минуты пускали они в бездонное черное небо осветительные ракеты. Так что «нейтралка» всю ночь

хорошо просматривалась за счет фашистов. Нас это устраивало: мы свои ракеты экономили.

Слышно было ночью тоже хорошо: до немецких траншей всего шестьдесят-восемьдесят метров.

Если бы до войны на тактических занятиях командир занял оборону на территории чуть больше или меньше предписанного уставом, он получил бы плохую оценку. Сейчас же мы были вынуждены обороняться на территории, втрое больше уставной, имея при этом вдвое меньше положенного по штатам мирного времени личного состава. И все же, как ни велика была протяженность наших траншей, как ни редки были ряды бойцов, оборонявших 26 этих траншей, мне не раз приходилось сталкиваться с боевыми друзьями из полковой разведки. Мы встречались, когда ребята отправлялись в поиск, в тыл противника за «языком», или, выполнив задание, возвращались из разведки через наш участок обороны.

Встречи эти были скоротечными: всем было некогда, каждого ждала своя работа, времени было в обрез — особенно-то не разговоришься! Но и в таких случаях мы успевали обменяться короткой информацией: как дела, что нового, каковы успехи в работе.

Мои частые попытки получить разрешение прогуляться в тыл противника с друзьями-разведчиками одобрения у командования не получали. Однако изредка мне разрешалось взаимодействовать с поисковыми группами, поддерживать их своим снайперским огнем.

Однажды ребята отправились в тыл противника раздобывать «языка». Я получил задание пройти с ними до переднего края противника и, проводив, ждать их возвращения, а в случае необходимости прикрыть

отход. Задание было не из сложных, но и не пустяковым: я знал, как бывает, когда противник обнаружит разведчиков. Нечасто удается, особенно при удачном выполнении задания, незамеченными благополучно добраться до своих траншей. Только самым опытным, хладнокровным и выдержанным разведчикам выпадает такое.

Проводив своих друзей, скрытно миновавших траншеи противника, я залег на нейтральной полосе в засаде и стал ждать их возвращения. Воронка, которую я подобрал для засады и наблюдения, оказалась удобной: возвращаясь, разведчики не могли пройти мимо нее, да и видимость обороны противника была преотличной. Не потребовалось и особенной маскировки моего НП: сугробы снега как нельзя лучше сделали это за меня.

Тихо и спокойно было вокруг. Я терпеливо лежал в снегу, настороженно вглядываясь в темноту. Изредка со стороны противника с шипением взвивались ввысь осветительные ракеты да наблюдатели с обеих сторон лениво постреливали из автоматов. Нет-нет да и прорезала ночную мглу очередь пулеметного огня. Была обычная для переднего края обстановка. Слух мой улавливал малейший шорох, каждый звук, доносившийся с той, чужой стороны.

Я коротал время, мысленно до минуты рассчитывая предполагаемый путь моих товарищей. Но давно уже прошли все сроки, а «оттуда» ничего не было слышно. С одной стороны, казалось, что все проходит «как по нотам», однако такая тишина и настораживала: «А вдруг ребята сбились с дороги и ждать их надо в другом месте? А может, лежат, выжидая удобного момента для решительного броска через передний

край противника, и появятся, где уславливались? А может, случилось что-нибудь?»

Между тем уже начало рассветать, сереть все вокруг, и тишина стала тягостной. Все отчетливей выступали очертания переднего края гитлеровцев. Вот стал просматриваться и второй план обороны фашистов, виден уже дым из печей в землянках, а наши разведчики не подают никаких признаков жизни...

Я уже стал не на шутку беспокоиться, как вдруг услышал вдалеке лихорадочные разрывы гранат, а потом и торопливые очереди автоматного огня, раздавшиеся совсем не в том месте, где они, по моим расчетам, должны были быть. «Что же это? Кажется, на самом деле заблудились! Как же это могло случиться? Ребята в группе все опытные, бывалые, отлично ориентируются в темноте, хорошо знают оборону противника. Да и командир у них не новичок», — успокаивал я себя, но мне тем более становилось непонятным, что же происходит «там».

А «там» все чаще раздавались разрывы гранат, усиливалась трескотня автоматов... Мучаясь от бездействия, не видя никакой возможности помочь своим, я начал палить по амбразурам немецких дотов, из которых, вылетали огненные струи. Несколько точек на какое-то время умолкали. Большого сделать я не мог при всем своем желании, потому что «сабантуй» начался где-то метрах в шестистах от меня — по ту сторону широкого и глубокого рва или оврага, разделявшего наши траншеи. По дну этого оврага протекал не замерзавший даже зимой ручей. А в шестидесяти метрах от оврага стоял единственный целый деревянный одноэтажный и вполне приличный, чудом уцелевший от войны дом с высокой покатой крышей и

трубой. Я давно поглядывал на него. Тем более что вокруг все дома были разрушены до основания и разобраны на оборудование немецких землянок. Что там, в этом доме, я не знал, как не знали, наверное, и наши разведчики. И вот теперь за этим домом развернулось настоящее сражение.

Почему-то из трубы дома вдруг повалил дым — густой, уходящий высоко в зимнее, морозное небо; А через минуту-другую задымилось что-то и вокруг самого дома, но и стрельба за ним тоже усилилась — беспорядочная, частая.

Сопоставив все эти события — и разрывы гранат, и стрельбу, и дым из трубы, я твердо уверился в том, что это работа наших ребят. Теперь все свое внимание я перенес исключительно на дом. А там творилось и в самом деле что-то невообразимое...

Вот совсем прекратились разрывы гранат, зато усилилась ружейная стрельба. Еще больше повалил дым вокруг дома, кое-где стал просматриваться и огонь, и винтовочная стрельба велась какими-то дружными залпами, кажется, сразу сотней стрелков.

«Домик-то наверняка горит! — подумал я. — А организованная, дружная стрельба что-то смахивает на разрывы патронных коробок! Однако где же сами ребята? Что там сейчас происходит?»

Минуты казались мне часами.

Наконец-то я увидел фигурки людей, стремительно передвигавшиеся от воронки к воронке по нейтральной полосе. Двигались они все в одном направлении — приближались ко мне. Я предусмотрительно перевел ствол своей винтовки на первую из приближавшихся ко мне фигурок.

— Эй, стой! Кто там ползет?! — решил я подать голос и клацнул затвором винтовки.

— Свои!

— Стой, говорю! Кто это — свои?! Пароль!

— Да мы это, Женька! Не признал, что ли?! Где ты тут окопался? — Я узнал голос старшего сержанта Максимова.

— Давай жми сюда, Максимыч! Ну, что там у вас случилось? — спросил я у Максимова, как только он скатился, еле дыша, в мою воронку. — Как же вы ухитрились на немцев-то напороться?

— Да вот, случайно узнали, что в этом доме, — он указал большим пальцем назад, где все гуще поднимались клубы дыма, — находится склад с боеприпасами: пленный рассказал! Ну, решили взорвать этот храм. Дали изрядный крюк, поэтому и вышли не там, где намечали, и задержались немного. Зато — вот, горит строеньице! Представляешь, как немцы переполошились?! Вот-вот взорвется складик-то! Ну, конечно, без боя не обошлось...

— А ребята все целы? Или...

— Пока были все живы. Да погоди, сейчас подсчитаем, — сказал старший сержант и прилег рядом со мной.

А мимо нас уже проползали и остальные разведчики. Первыми проползли те, кто тащил завернутых в плащ-палатки, связанных фашистов. За ними, передвигаясь по-пластунски, быстро двигались и остальные.

— А двух мы все-таки спеленали! — довольно произнес Максимов. — Видал: порядочек! Все двенадцать вернулись. Вон последним командир ползет.

И он стал сигналить младшему лейтенанту Владимирову.

— Локтев! — остановил Владимиров разведчика, замыкавшего цепочку. — Останешься со мной! Остальным передай: быстро укрыться в траншее! Сейчас рванет! Целыми вернулись — как бы тут не сплеховать! Ну, посмотрим на плоды трудов своих?

Он пристроился рядом с нами в воронке. Локтев, передав приказание командира, тоже залег рядом с Владимировым, тут же по привычке быстро изготовившись к стрельбе.

С Валькой Локтевым мы учились в Тамбове в одной школе. Правда, он был на два класса младше, но со мной училась его сестра Лида, расположения которой добивались чуть ли не все наши мальчишки. Сам Валька — широкоплечий, здоровый парень — выделял меня среди остальных наших ребят потому, что мне часто приходилось бывать у них в доме: мы с Лидой вместе пользовались учебниками, которых в то время у нас не хватало. Сейчас Валентин тоже был снайпером и уничтожил не один десяток фашистов.

— Да, спасибо пожару! — произнес Локтев. — Из-за него от нас немцы так быстро отстали!

— О! Да вы, кажется, и мне работенку подкинули! — сказал я, увидев трех фашистов, спускавшихся с ведрами в руках к незамерзавшему ручью. — Ну спасибо! А то я тут чуть не околел, сидя без дела! — И взял на мушку одного из солдат.

— Это что же — пожарные? За водичкой кинулись? Бей пожарных, Женька! — крикнул Максимов.

А меня и просить было не надо — один фашист уже сидел на перекрестье прицела. Я дал им всем возможность набрать воды, зная, что с тяжелыми ведра-

ми гитлеровцам передвигаться будет куда труднее, идти они будут медленнее.

— Ты, Валька, мне не мешай! Ты свое уже сделал! Теперь дай и мне поработать, — сказал я Локтеву, тоже приготовившемуся открыть огонь по немцам.

Подумав, он согласился, но продолжал смотреть в оптический прицел. А пожарные, как их окрестил Максимов, набрав полные ведра воды, уже поднимались по скользкой дорожке на гребень оврага. Их черные фигуры четко вырисовывались на снегу. Прозвучал мой первый выстрел, и фашист, добравшийся до гребня оврага первым, как бы споткнулся, упал и покатился под ноги двум остальным немцам. Покатились вниз, гремя ведрами, и они. Подняться на ноги я им так и не дал...

— Ну, отлично! — произнес Максимов и добавил: — Жди, сейчас еще придут!

И правда, из-за дома по тропинке уже бежали к оврагу еще трое фашистов. У каждого в руке было по два ведра. Первый из них, не глядя вокруг, быстро скатился со склона оврага, присев на полы шинели. Второй хотел последовать его примеру, но, окинув взглядом представившуюся ему картину, сообразил, в чем тут дело, и повернул было назад, однако третий, сбитый моей пулей, свалил его с ног, и оба — и живой и мертвый — покатились вниз, перегоняя свои ведра. А я тем временем занялся первым гитлеровцем. Быстро откатался на русских горках и он. Второй, заорав благим матом от испуга, кинулся было вверх, но не успел сделать и трех шагов, как и с ним все было кончено.

А там, за домом, разгоравшимся все больше, решили применить другую тактику: не дождавшись воды, стали забрасывать огонь снегом. Вот я увидел ле-

стницу, появившуюся с той стороны, чуть выше крыши горевшего дома. На гребень крыши, к трубе, уже лезли два солдата. Что они хотели там делать, я не понял, да и не до того мне было. Только и один, и другой после моих выстрелов скатились на землю.

А вокруг дома уже бушевало пламя. Слышны были взрывы, глухо раздававшиеся внутри самого склада.

— Ну, братва, — произнес младший лейтенант Владимиров, — сейчас, кажется, действительно рванет! Давайте-ка лучше спустимся вниз.

Мы все быстро нырнули на дно воронки. И не успели, широко раскрыв рты, прижаться друг к другу, как воздух потряс оглушительной силы взрыв. Ахнуло так, что земля ходуном заходила под нами, а в воздух поднялись, обгоняя друг друга, доски, бревна и огромные комья земли. Все это с грохотом падало вокруг нас.

Так мы лежали, кажется, минут пятнадцать. Но как только почувствовали, что последние осколки глубоко впились в землю и наступила тишина, мы выползли на поверхность. Оглянувшись на пейзаж, существенно изменившийся за какие-то десять минут в обороне врага, мы быстро побежали к своим траншеям. Вслед нам не раздалось ни одного выстрела: стрелять было некому. Все, что находилось вокруг склада, взлетевшего только что на воздух, было сметено с лица земли. Лишь огромная воронка чернела да комья свежей и дымящейся земли остались на том месте.

А вечером, в землянке, я выводил на цевье своей снайперской винтовки белой масляной краской четыре средние и шесть маленьких звездочек. Они обозначали, что из этой винтовки мной уничтожено 46 фашистских захватчиков.

Большого размера звездочкам еще только предстояло появиться на смену этим, маленьким...

БОЕВЫЕ БУДНИ

На участке, где мы стояли, при замене подразделений одного-двух снайперов, хорошо изучивших оборону противника, оставляли «сверхсрочниками». Снайперы должны были помочь свежему подразделению освоиться на новом месте, разобраться в обстановке. Но, как правило, мы так и оставались потом в штате этой новой роты или батальона до прихода очередной смены. А потом все это повторялось при следующей замене. Люди шли на отдых, а снайперы работали, как говорится, без выходных.

Постоянные бомбежки, непрерывные артобстрелы, охота за снайперами противника, ежесекундная возможность самому стать мишенью для не менее опытного немецкого стрелка или погибнуть от любой шальной пули или осколка вражеской мины или снаряда — все это держало в постоянном напряжении.

Однако никто из нас не ныл, не жаловался, потому что мы понимали: этого требовало дело. Да что там говорить, мы сами добровольно и вполне сознательно оставались на этом участке, продолжали бить фашистов, забывая порой, к какому подразделению причислены. Слабые физически среди нас были. Однако слабые духом не встречались.

В свободное от работы ночное время я уходил к своему другу, земляку Володе Дудину, нашему стар-

шине роты, тоже бессменному на этом участке. Я забирался в его хозяйственную землянку-каптерку и там, лежа на ящиках с боеприпасами или на каких-то мешках, в относительной тишине мог спокойно поспать, полежать с вытянутыми, уставшими ногами.

С Володей мы легко находили темы для разговоров. При свете самодельной коптилки, заправленной бензином 32 или жиром, мы вспоминали далекое, дорогое мирное время. Мы вспоминали наш довоенный 154-й полк, пограничный город, красоту карельской природы. Вспоминали, конечно, и свой родной Тамбов, нашу до обидного короткую юность, свой дом, родных и знакомых. Только о девушках, о любимых мы не говорили, — просто у нас их не было.

Володя Дудин, став старшиной роты, заботился о снабжении личного состава боеприпасами, обмундированием и питанием. А в свободное от работы «личное» время он вместе со мной выходил на передний край со снайперской винтовкой. На его боевом счету уже числилось десятка три уничтоженных фашистов.

Однажды мы так увлеклись с ним беседой, что не заметили, как за закрытой дверью землянки наступил рассвет. Напомнил нам об этом наш полковой остро слов и насмешник, лихой в прошлом шофер Володя Козырев. До войны он возил командира полка, но проштрафился, и его направили в строй.

Ворвавшись в каптерку, Козырев прямо с порога, сделав огромные глаза, закричал:

— Вы что же сидите тут, байки травите, а там фашисты такую пакость придумали!

— Что там еще за пакость ты увидел? — недовольно спросил Дудин, привычно ожидая от Козырева

очередного подвоха или розыгрыша. — Опять сюда трепаться пришел?

— Да я вполне серьезно! Немцы поставили фанерный щит, а на нем — подлые надписи в наш адрес. Что делать-то будем?

— Пошли, Володя, — говорю я Дудину, — бери свою снайперку, посмотрим, что там за наглядная агитация у фашистов.

Вот и передний край. Действительно, на немецкой землянке стоит фанерный щит на тонких рейках, воткнутых в снег. По щиту крупно написано углем: «Здравейте миряни! Передите наша сторона!»

— Ну-ка, старшина, — говорю я Дудину, — зарядь полную обойму да бей! Ты — по правой, а я начну по левой стегать.

После шести моих выстрелов щит накренился на левую сторону: рейка была перебита. Правая, Вовкина, еще держалась. По ней я успел сделать всего один выстрел: последняя пуля, выпущенная Дудиным, сделала свое дело — фанерный щит упал, завалившись лицевой стороной в нашу сторону.

— Вот так-то будет лучше! И на что, сволочи, рассчитывали? Чекистам писать такое! А тебе, Козырев, в благодарность за проявленную бдительность я открою секрет: тебя хотят снова посадить на машину. Правда, пока на санитарную.

Володю Козырева действительно вскоре забрали в наш медсанбат. Мы, его друзья, были рады за него: он любил свое дело и водителем был отменным. И парень он был лихой. Скольких раненых перевез в Ленинград наш Володька! Скольким жизнь спас! Возил оперативно, в любую погоду, проскакивая под артобстрелами, бомбежками...

Володя Козырев умер в 1973 году в Тамбове. Работая на машине городской «Скорой помощи», он сам был безнадежно болен.

— Слышь, Вовка, — говорю я как-то Дудину, — завтра я решил посидеть в одном хорошем месте. Знаешь на нейтралке разбитый трамвай? Так я уже два дня кручусь там, готовлю огневую позицию. Сегодня она у меня будет закончена. Удобно — до немцев рукой подать, все видно как на ладони, а меня ни одна пуля не возьмет. Почти под трамваем оборудовался!

— Смотри не прогадай, — отвечает Дудин. — Ориентир и для немцев тоже очень хорош!

— Я и сам об этом думал, но больше двух дней там сидеть не собираюсь — сменю позицию.

— Ну, ни пуха тебе, ни промаха! — говорит мне Володя, подливая горячих щей из свежемороженой капусты нашей заготовки.

Как-то послали меня с группой бойцов «старшим заготовителем» на нейтральную полосу, где осенью хозяйничали ленинградские женщины. Нам тогда пришлось нелегко: под огнем противника, на сорокаградусном морозе отыскивать под глубоким снегом огромные кочаны и рубить их в темноте, а потом складывать в мешки из плащ-палаток. Зато капусты заготовили для батальона почти на месяц!

Мы с Володией от души посмеялись, вспомнив мой вторичный «огородный» поход. В ту ночь гитлеровцы почему-то совсем не вели огня в нашу сторону. А выяснилось потом все очень просто: кроме моей группы, в кромешной темноте трудились и фашисты — им тоже захотелось капусты... Когда мы разобрались,

что к чему, было уже поздно: и те, и другие разошлись в разные стороны.

...Поблагодарив хозяина за щипки, я отправился к себе: перед выходом надо успеть еще проверить свою «подружку», как мы, снайперы, называли испытанную в боях и безотказную русскую трехлинейку с оптическим прицелом. Проверить — значит почистить, смазать, а зимой и замаскировать: обмотать всю чистым бинтом, чтобы она не выделялась на снегу.

В своей землянке, пристроившись на каком-то ящике, я занялся этим привычным делом. Бойцы услужливо предлагали мне патроны из своих запасов с пулями, окрашенными в разные цвета: зеленые — бронебойные, красные — зажигательные, желтые — трассирующие. У немцев и финнов были пули с желтой окраской — это разрывные, так называемые «дум-дум», запрещенные международным правом. Однажды такая пуля, выпущенная фашистским снайпером, разорвалась в моей руке, разворотив «верхнюю треть левого плеча», как писалось потом в моей истории болезни.

Снайпер идет в засаду на день, а берет патронов на неделю — разных, всех сортов. Мало ли что может произойти за это время на переднем крае! Тщательно протерев каждый патрон в отдельности и разложив их по карманам ватника и брюк, набиваю полностью и патронташ. Вооружаюсь, как всегда, основательно: два пистолета — один в кобуре, другой за сапогом, несколько гранат, из них пара противотанковых, на поясе — финский нож. В сумке через плечо — противогаз. К ремню пристраиваю малую саперную лопатку в чехле — без нее на работу мы тоже не хо-

дим. Большая лопата осталась в моей стрелковой ячейке, куда я собирался сейчас идти.

Весь этот груз меня не тяготил. Как каждый снайпер, я знал, что когда-то это да понадобится. Особенно если остаешься один на один с противником на нейтральной полосе. Будь у меня запас продуктов — его не взял бы. На полный желудок хуже воюется: поешь и расслабишься, спать захочешь. А малейшая оплошность за передним краем стоит тебе жизни. Даже воды мы с собой не брали, выходя на «охоту». Оружие, бинты и патроны — вот чем запасается снайпер в первую очередь. Шинель тоже лучше всего оставить в землянке: милое дело обходиться ватником — в нем легче передвигаться.

Мне пора отправляться, пока не наступил рассвет.

Все в землянке тепло прощаются со мной, желают доброго возвращения. У нас это вошло в обычай: кто его знает, удастся ли тебе благополучно вернуться с «охоты». Но вслух об этом тоже говорить не принято — таков порядок.

На всякий случай обязательно рассказываю ребятам, куда я иду, где точно буду сидеть. Предупреждаются об этом и командир роты, и бойцы боевого охранения, наблюдатели. Я уверен: за моей точкой, за моей работой будет следить не одна пара глаз, и это придает больше уверенности в благополучном исходе любой такой операции. Своего рода чувство локтя товарищей, даже если они и не совсем близко, но почти рядом с тобой.

Вот уже и боевое охранение... Посидел, передохнул немного, поговорил с ребятами, еще раз предупредил их о наблюдении за моим НП. Они тоже толь-

ко что заступили на пост и будут находиться здесь до следующего наступления темноты.

Дальнейший свой путь — от боевого охранения до трамвая — совершаю уже осторожно, по-пластунски.

Вот и он, трамвай-ветеран. Стоит, сирота, без стекол в окнах. Его желто-красные бока изрешечены пулями, пробиты осколками от снарядов — живого места не найдешь! Ощетинился щепками деревянных деталей. Внутри него ветер свистит через все отверстия. Рассказывали, будто бы последний рейс этого трамвайного вагона был неудачным: все его пассажиры попали в плен и гитлеровцы их расстреляли. Первым пострадал вагоновожатый, попытавшийся оказать сопротивление фашистам.

Сейчас этот разбитый трамвай у немцев, наверное, был ориентиром № 1... Я уже не раз бывал тут раньше, все мне здесь знакомо до мелочей.

Устраиваюсь поудобней в своей глубоко вырытой стрелковой ячейке — справа от трамвайной линии и чуть впереди вагона. Мой НП хорошо замаскирован со стороны противника, да и сверху, пожалуй, ничего не обнаружишь. Искусству маскировки наши бойцы давно уже научились, особенно мы, снайперы. Общеизвестно — беспечные, ленивые и неосторожные на фронте не выживают.

Я себя ленивым не считал. Еще в детстве — будь то в школе или дома — я приучил себя добросовестно и аккуратно выполнять порученное мне дело, даже если оно мне и не нравилось. Мать много работала, чтобы одеть и обуть меня, дать возможность нормально учиться. Она приходила поздно с работы, очень уставала, и я всегда помогал ей по хозяйству. Поэтому и в армии мне служилось легче, чем другим,

не приспособленным к самообслуживанию. А уже на фронте я вполне сознательно не ленился поработать лопатой: это было просто необходимо для сохранения собственной жизни. К этому я приучал и своих учеников-снайперов.

...Прошло еще несколько томительных минут, и вот как-то нерешительно, осторожно, словно стесняясь того, что с его появлением снова затарахтят пулеметы и опять будут умирать люди, выглянуло солнце. Вот уже и совсем светло стало.

Я давно присматриваюсь к обороне противника. Вижу знакомые до мелочей холмики — это немецкие землянки. Около них нет-нет да и пройдет кто-нибудь, наклоняясь к земле. Пусть не беспокоятся сегодня, — не они меня сейчас интересуют. Я присматриваюсь к тылам: там, как сказали мне разведчики, где-то должен быть их штаб. Его-то и пытаюсь обнаружить. Раньше любой фашистский штаб было легко определить по линиям связи. Теперь немцы стали осторожней: стали тянуть провода по земле, зарывать их снегом.

Я жду тех, которые или бегают, или быстро ходят. Часа через два обнаружил и таких, а среди них два-три человека, которые, куда бы ни ходили и насколько бы ни отлучались, всегда возвращались к одной и той же землянке. Стал к ней приглядываться — она выделялась среди других и размером, и высотой. Сбоку вижу дверь — как в настоящих домах, большую. В сторону наших траншей — окно. Оно тоже широкое, но низкое. А главное, около землянки часовой туда-сюда ходит... «Похоже, это и есть их штаб-квартира!» — думаю я и окончательно переключаю сюда все свое внимание.

Прикинул — до нее примерно метров семьсот. Фигуры небольшие, но видны отчетливо: мой оптический прицел увеличивает их в четыре раза. Но расстояние на глаз — это одно, а проверить-то его надо! Устанавливаю прицел на семьсот метров и заряжаю винтовку пулей с трассирующим патроном. Кроме двери, никакого особенно приметного ориентира не нахожу. Выбираю момент, когда на переднем крае заговорили пулеметы, и под их шумок делаю единственный выстрел — пуля прочертила трассу прямо до порога двери. Все точно! Теперь только внести маленькую поправочку на барабанчике прицела — и можно ждать добычи. Видимость сегодня как по заказу!

И все-таки свой первый выстрел я сделал не на той землянке. Метрах в сорока от нее была другая. Ни окон, ни дверей, обращенных в мою сторону. Зато я увидел сразу трех гитлеровцев, вышедших из-за белого бугра землянки. Один из них был по пояс голым, а двое других — без шинелей, в мундирах. Тот, полуголый, подняв вверх руки, стал ходить туда-сюда. «Кому он там в плен сдается? А, скотина, зарядочкой заниматься вышел!» — догадался я. Двое остальных стали умываться снегом. Дождавшись момента, когда полуголый наконец-то остановился и стал приседать, сделал свой первый выстрел. Фашист присел и... повалился на снег, лег, вроде как загорать собрался, обрадовавшись яркому солнцу. Те двое продолжали тереть свои лица снегом. Потом один из них повернулся, посмотрел на лежавшего и что-то, видимо, сказал другому. Повернулся и тот. Оба постояли, посмотрели на раскинувшегося на снегу, потом подошли и стали его поднимать. А потом, поняв, в чем дело, начали растерянно озираться по сторонам, не со-

ображая, откуда могла залететь пуля. На наши траншеи они даже и не посмотрели, видимо считая, что до них слишком далеко. Я не позволил им слишком долго раздумывать и продырявил того и другого.

«Неплохо для начала», — подумал я и снова зарядил винтовку. А три патрона из кармана аккуратно положил на полочку — для счета. И едва успел снова изготавиться к стрельбе, как увидел приближавшийся к штабной землянке мотоцикл с коляской.

Водитель лихо подкатил и как вкопанный остановился у самой двери. С заднего сиденья моментально соскочил длинный немец и стал помогать выбираться из коляски толстому гитлеровцу. Пока он услужливо выволакивал этого, видно, важного чина, я занялся водителем, он тут же как бы улегся отдохнуть на руль машины и больше не двигался. А длинный все тащил застрявшего в люльке толстяка наружу. Наконец тот вылез и стал топтаться на месте. Я сделал выстрел. Длинный тем временем повернулся к водителю мотоцикла, хотел ему, как я подумал, дать команду отъезжать, но, увидев того будто уснувшим за рулем, толкнул, однако, конечно, напрасно.

После моего третьего выстрела, взмахнув руками, завалился навзничь за мотоциклом и длинный.

«Так... Еще три патрончика положим!» И я выложил их из кармана на полочку. «Что будем делать дальше?» — разговаривал я сам с собой, возбужденный такой удачей. А события развивались с молниеносной быстротой. Не успел я перезарядить свою винтовку и снова изготавиться к стрельбе, как, привлеченные шумом мотоцикла, возможно кого-то ожидавшие, фашисты выскочили из землянки. Это были два офицера в мундирах с поблескивавшими на груди ор-

денами, в фуражках с высоким верхом. Один из них бросился к тому гитлеровцу, который всего каких-то несколько минут назад сидел в люльке, а теперь лежал перед землянкой на снегу мертвым. Второй что-то кричал, вызывая помощь из земляки. Оттуда моментально выскочил третий офицер и тоже кинулся к убитому. Они начали поднимать его, пытаясь затащить в землянку. Первым я убил того, который распорядился, — я так понял, что он был важнее этих двух, тащивших толстяка. Следом за ним нашли свою смерть и остальные.

Азарт азартом, а рассудок все же мне подсказывал: «Хватит на сегодня! Нельзя бить с одного места так долго — засекут!» На какое-то время я прекращаю вести стрельбу, только продолжаю наблюдать за фашистами. Так или иначе, мне все равно не выбраться отсюда до наступления темноты.

Но не прошло и часа, как фашисты снова зашевелились. Начали короткими перебежками, от землянки к землянке, приближаться к штабу и мотоциклу... И не вытерпело мое сердце: я снова открыл стрельбу по этим бандитам. Вот упал один, за ним и другой замер. Остальные разбежались — как ветром всех сдуло! Попробовал поджечь мотоцикл — получилось! Два бронебойно-зажигательных патрона, попав в бензобак, сделали свое дело.

«Одиннадцать за день! Нет, брат, такой рекорд тебе даром не пройдет!» И, вспомнив, как сам учил осторожности молодых бойцов, будущих снайперов, бросаю не только стрельбу, но и наблюдение за противником. Присаживаюсь в своем глубоком окопчике. В нем тесно, и к тому же страшно хочется пить. Захотелось немного и поспать — видно, сказалось нерв-

ное перенапряжение. «Что ж, немного можно расслабиться». Но не успел я закрыть глаза, как мимо просвистел снаряд и разорвался где-то рядом. Мгновенно вскочив, я выглянул из окопа и увидел метрах в трехстах от себя осыпающиеся с высоты огромные комья земли.

«Ого! Тяжеленьким швыряются! Это, похоже, дальнобойная работает — выстрела почти не слышно!» Я радуюсь, что вражеские артиллеристы бьют плохо — сделали огромный, километров в пять, недолет. Радуюсь тому, что снаряд разорвался не в Ленинграде, а на пустом поле, пусть даже и около наших траншей.

Через несколько минут я снова услышал свист летевшего снаряда. Он нарастал. Разрыв его заставил меня пригнуться пониже в своей ячейке. Этот снаряд упал уже метрах в ста от меня и ближе к трамваю. За разрывом я не услышал третьего разрыва, лишь почувствовал, как ходуном заходила земля у меня под ногами, — это где-то рядом разорвался третий снаряд.

«Ну, давай, давай, фашист поганый, всю дорогу так бей! Пусть радуются ленинградцы такой «меткости!» Только вот неприятно, что моя ячейка рушится понемногу, осыпается земля, мельчает мой окоп. Поработать лопатой сейчас просто невозможно: немцы заметят. Но очередной, разорвавшийся где-то сзади и левее трамвая снаряд заставляет меня наконец сообразить: «Да это они трамвай в вилку берут! Это он, а вернее, я — их цель!» От такой догадки сразу стало жарко. «Ах, сволочи! Догадались, гады! Поздно я...» Разрыв следующего снаряда поднимает вверх новые тонны земли. Огромный ком, как крышкой кастрюлю, накрывает меня в стрелковой ячейке, тяжело ложится на спину. «Все, — проносится мгновенно в голове, —

откопаться я не сумею: и сил уже нет, и что-то здорово давит на спину, и земли полно — и в ушах, и во рту, и в нос лезет».

Вот что-то опять тупо стукнуло по земле, и чем-то тяжелым ударило меня по голове, навалилось на плечи... И для меня наступила полная тишина, и надвинулась темнота, и мысли оборвались.

Очнулся я на командном пункте нашей роты — в водосточной, большого диаметра цементной трубе, проложенной поперек трамвайной линии, прямо под ней. Я сидел на табуретке, прислонясь к трубе спиной. Все на мне было расстегнуто, руки, как плети, расслабленно висели, ноги широко расставлены, в голове гудело. Вокруг меня ходили какие-то люди, я их не узнавал и узнавал — все было в каком-то тумане. Со мной разговаривали — я это видел, но голоса до моего сознания не доходили. «Может, оглох?» — подумалось мне.

Так я сидел, тупо глядя в пол, под которым протекала вода: пол был дощатый, редко настеленный из свежих досок. Видел своих командиров, телефониста с трубкой, привязанной к голове у уха, видел коптилку, чадившую на снарядном ящике, приспособленном вместо стола. Я сидел и почему-то мелко-мелко дрожал. Каких-то осознанных мыслей в голове не было. Вот около меня опустился на колени знакомый человек. «На кого он похож? Ведь я его хорошо знаю!» Наконец до меня дошло, что это мой друг, мой земляк, военфельдшер Иван Васильев. Около него на полу лежала раскрытая санитарная сумка. Я почему-то особенно четко ее вижу — зеленую, с красным крестом на крышке. Стараюсь что-то сообразить, но у

меня ничего не получается, и я снова закрываю глаза, куда-то проваливаюсь...

Через какое-то время я снова открываю глаза, но вокруг уже никого нет, обстановка все та же, только коптилка страшно дымит, и я задыхаюсь.

Как мне потом рассказали, проспал я на КП роты восемнадцать часов подряд. Так вот сидя и спал. Меня никто не тревожил. И только на другие сутки, когда я пришел немного в себя, мне рассказали, что произошло в тот день. Немецкие артиллеристы, стрелявшие именно по трамваю, выпустили ровно одиннадцать тяжелых снарядов по этой приметной цели. Огонь вели дальнобойные орудия из-за Урицка и Стрельны. Задача у них была — уничтожить русского снайпера, засевшего в трамвае, как они думали. Шестым снарядом, разорвавшимся почти рядом с моим НП, я и был заживо погребен в своей стрелковой ячейке. И только после артобстрела наши ребята с санитарями, посланные комбатом Морозовым и военфельдшером Иваном Васильевым мне на помощь, откопали и выволокли меня, почти бездыханного, из этой могилы и притащили на командный пункт роты.

— А моя винтовка?.. — Это были первые слова, которые я, заикаясь, произнес за последние два дня.

— Э... милый! Хватился! Да твою винтовочку-то так искорежило — ну прямо в три дуги! Так что ее теперь ни один специалист не починит! Жди уж новую!

— Ну а пока, — сказал комбат Морозов, — отдыхай. Пойдешь в полковую санчасть, полежишь там, если не хочешь попасть в госпиталь. Контужен ты здорово, так что без медицины не обойдешься!

Ночью меня провожали в «глубокий тыл» — в полковую санчасть, где «свирепствовала» наша Верочка

Ярутова — военфельдшер, храбрáя женщина, с первых же дней войны принимавшая непосредственное участие в боях и спасшая от смерти многих моих товарищей.

— Ага, голубчик! Попался и ты теперь в мои руки! Ну, давай ложись вот на эти нары — сейчас мы тобой подзаймемся.

Она что-то творила со мной: мяла мои суставы, делала какие-то уколы, занималась восстановлением речи.

Приятной неожиданностью для меня было появление в санчасти моего дружка, Володьки Дудина. Почувствовав тогда, что со мной случилось неладное, и зная, где я нахожусь, Вовка полез меня выручать, да и сам попал под осколки последнего, одиннадцатого снаряда. Сейчас я слышал, как он торговался с Верочкой и между ними происходил такой разговор:

— Ну, голова твоя будет в порядке. — Верочка заканчивала сооружение настоящей чалмы на голове Дудина. — А теперь снимай штаны. Где там осколки застряли?

— Верочка, ну, товарищ Ярутова! А может, обойдемся? Что же это ты меня штаны заставляешь снимать — перед дамой-то!

— Снимай, пижон! Укол противостолбнячный я тебе куда делать буду? А осколки твои кто вынимать будет?

— Товарищ военфельдшер, дорогой ты наш лейтенант, ты хотя бы отвернись, коли на ощупь!

Потом мы долго не могли заснуть, подтрунивая друг над другом и хохоча по всякому пустячному поводу. Нам было весело, потому что мы были молодыми, мы были вместе, рядом, мы отдыхали, несмотря на наши недуги. Даже они вызывали у нас сейчас

смех, потому что все уже было позади. Пусть всего лишь в километре от переднего края, но мы были «в тылу», лежали, вытянув ноги и сняв сапоги, на душистом сене, положенном на настоящие нары, и даже прикрытые одеялами, которых мы не видели с самого начала войны. Однако пистолеты и гранаты лежали у каждого под подушкой...

Из письма с фронта в Тамбов матери

Дорогая моя мамуля! Ничего я не скрываю. Честно: я жив и здоров, цел и невредим.

Прежде всего сообщаю, что мы с Вовкой Дудиным сейчас отдыхаем в тылу — это нам вроде награды. Я, например, недавно за день уничтожил одиннадцать фашистов — вот меня и поощрили. А вчера к нам мимоходом забрел знакомый разведчик, который рассказал, что три дня назад наши взяли в плен важного фашиста. Тот на допросе сообщил следующее: «Какой-то ваш снайпер убил за два часа одиннадцать доблестных солдат нашего рейха. И среди них один был генералом, а другие — двое полковников и несколько офицеров, приехавших из Берлина по заданию ставки».

Так что на моем счету теперь есть еще и генерал с полковниками для коллекции.

Вот видите, я правдиво отчитался за свою работу на фронте. Теперь жду Вашего отчета о работе и жизни.

Евгений.

ДУЭЛЬ

Декабрь был суровым. Эта памятная всем зима 1941/42 года оказалась ранней и лютой: по ночам трещали сорокаградусные морозы, а снежный покров на равнинах достигал метровой толщины. Зимние месяцы стали нелегким испытанием и для нас, защитников Ленинграда, и для его жителей.

Однако упорно сражались с врагом храбрые советские воины у стен города, крепко держались и мужественные ленинградцы. Каждый из них считал себя бойцом, а каждый боец в траншеях считал себя ленинградцем. И, несмотря ни на какие трудности, мы верили, что победа придет, что она будет за нами. И еще тверже сжимал в руках винтовку боец, полный решимости отстоять великий город Ленина.

Крепче стали бить фашистов и наши снайперы. По всему Ленинградскому фронту росло и ширилось, принимало массовый характер движение истребителей немецких захватчиков. В каждой дивизии фронта имелись теперь снайперы, на счету которых числилось по несколько десятков уничтоженных ими гитлеровцев. Появились целые отделения, расчеты, даже роты, называвшиеся снайперскими.

И фашисты быстро почувствовали, что такое советские стрелки, от меткого огня которых они ежедневно теряли сотни своих солдат и офицеров. Теперь немцы уже не были такими беспечными и на-

хальными, как раньше. Они осторожней стали вести себя не только на переднем крае, но и в своем глубоком тылу, стали основательнее окапываться, ходили, низко пригнувшись к земле, а то и ползая по ней.

Обеспокоенное огромными потерями в живой силе, немецкое командование вынуждено было срочно отозвать с других фронтов и бросить под Ленинград своих сверхметких стрелков. И вот такие асы, большие мастера своего дела, убийцы со стажем и огромным опытом, появились и на нашем участке. Мы быстро почувствовали присутствие фашистских снайперов: они попадали в смотровую щель бронеколпака, ловко уничтожали наших наблюдателей. Теперь нам нельзя было свободно ходить по своим траншеям, особенно на нашем, неудобно построенном участке обороны. Трудней стало работать и нам, снайперам. Некоторые сложили тогда свои головы от огня фашистских стрелков. Так, в январе 1942 года трагически оборвалась жизнь знатного снайпера 13-й дивизии Феодосия Смолячкова.

На счету у Феодосия было 125 уничтоженных фашистов. На траурном митинге, прощаясь со Смолячковым, снайперы нашей дивизии поклялись беспощадно уничтожать фашистских захватчиков, отомстить за смерть своего товарища.

Его похоронили неподалеку от тех мест, где он воевал, — на Чесменском кладбище. В феврале 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Феодосию Смолячкову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. В Ленинграде на Выборгской стороне ему установлен памятник — на той самой улице, которая носит его имя.

С одним из фашистских асов-снайперов, появившихся на нашем участке, я решил помериться силой.

Три дня просидел я в тылу полка, проверяя готовность к предстоящей схватке. Снова и снова нанизывал пустые спичечные коробки на соломинки и, начав со ста метров, все увеличивая и увеличивая расстояние, сбивал соломинки.

Почувствовав наконец, что вполне подготовлен к поединку, я отправился на КП батальона.

— Товарищ майор, — обратился я к комбату Морозову, — разрешите поискать этого фашистского снайпера. Хочу пойти с ним на сближение. Вы разрешите? Я готов ко всему: либо я его, либо он меня — третьего не дано. Но идти надо, надо! Разрешите?

— Что ж, Евгений, дуэль — так дуэль. Но запомни: нам надо, чтобы ты его! Какая от нас помощь требуется?

— Прикажите взводам, товарищ майор, чтобы два-три дня наши не ходили по траншеям, зря не высовывались. Но стрельбу не прекращать! Пусть даже в небо бьют, лишь бы треск стоял. Хочу, чтобы фашист понервничал, поискал для себя цели.

— Это мы сделаем. Так когда идешь?

— Да сегодня в ночь и отправлюсь.

Путем вычисления «обратной вилки», получившейся от попаданий фашиста, я пришел к выводу, что сидит он где-то недалеко от трамвайной линии, перед нашим третьим взводом — правее его и ближе к Финскому заливу, на нейтральной полосе. Только оттуда и мог он бить поперек нашей траншеи. Я предполагал, что у фашиста не одна, а может быть, две-три запасные позиции, но и те должны были быть в той же стороне. «Ловко пристроился, сукин сын, — думал я, — не видя целей, он бил «на ощупь», по входам на-

ших землянок. И поражал бойцов, сидящих против входа, занавешенного простой плащ-палаткой. Бил наугад и попадал».

Вот в ту сторону, облаченный поверх одежды в белоснежный маскхалат, я и пополз морозной темной ночью.

К рассвету я уже лежал на нейтральной полосе, хорошо замаскировавшись в глубоком снегу. За свою маскировку я не беспокоился. А вот удастся ли обнаружить врага? Он ведь тоже будет замаскирован тем же снегом, надо полагать, не хуже моего.

День прошел в наблюдении за противником. Мне не везло: фашистский ас себя не обнаруживал. С его стороны не было сделано ни одного выстрела — то ли валивший снег мешал ему, то ли он не мог найти для себя цели. Мне оставалось только ждать.

И я ждал. «Он либо сменит позицию, либо выйдет немного вперед, как сделал это я сам, — рассуждал я. — Но обнаружить себя он должен!»

Однако все получилось иначе.

Давно прекратился снегопад, стал ощутимей мороз. Лежать в снегу в кирзовых сапогах, хотя и на пару портянок, в шапке-ушанке, но с открытыми для слышимости ушами и в перчатке только на одной руке было невыносимо. Так и хотелось встать во весь рост, разогреть окоченевшие ноги... И вдруг я заметил, как на чистом, до рези в глазах белом снегу, где-то в сорока-пятидесяти метрах от меня, появилось какое-то подозрительное, небольшого размера пятно иного, чем снег, колера. Незаметным движением стряхнув постоянно набегавшие на глаза от мороза и ветра слезы и присмотревшись внимательней, я увидел, что это немного сероватое пятно слегка заколеба-

лось. «Что бы это могло значить?» — подумал я. Это пятно не давало покоя, отвлекало от непрерывного наблюдения за обороной противника. Нет-нет да и косили мои глаза в том направлении. Все хотелось посмотреть, не изменилось ли что на этом месте.

Так, размышляя и пытаясь выяснить происхождение этого пятна, я упустил самое главное — то, ради чего мерз тут уже который час. А произошло все очень просто: рядом с этим маленьким пятном на поверхности появилось вдруг большое — в белом маскхалате. Оно мгновенно проползло влево метра на два и как сквозь землю провалилось. От неожиданности и к тому же оковеневший, я не успел произвести выстрела!

Увидеть и упустить фашиста! Делать теперь мне было нечего, и до наступления полной темноты оставалось только казнить себя за оплошность и рассуждать. А думал я так: «Немец, конечно, больше не вернется до утра. Он или замерз, или решил сменить позицию. Хотя нет, на сегодня это ни к чему — надвигалась ночь. Просто он замерз. Завтра он опять придет сюда, потому что ни одного выстрела с этого места не сделал».

Я начал действовать. Приготовленными заранее и прихваченными на всякий случай белыми прутиками ограничил «мертвое пространство» — от места появления до места исчезновения фашиста. Разделив это расстояние пополам, получил центр, осевую линию, по которой установил три рогатулины, на которые завтра ляжет моя винтовка, нацеленная в нужную точку. И завтра все внимание сюда...

Пока я занимался этой работой, на землю спустилась ночь. «Ну, до завтра! Сегодня тут мне делать нечего», — решил я и, зарываясь в глубокий снег, стал отползать к своим траншеям.

Движение меня немного согрело, но не настолько, чтобы самостоятельно спуститься в окоп. Пришлось воспользоваться помощью своих друзей, уже ожидавших меня в траншее.

До землянки меня буквально несли на руках, так как ноги мои отказались передвигаться: они отекли и были, кажется, обморожены: прикосновение к твердой поверхности причиняло невыносимую боль. И опять выручили друзья: они разули меня в землянке и стали оттирать ноги снегом и шерстяными перчатками, пока не заколело. Консультировал военфельдшер батальона, наш Иван Михайлович Васильев.

— Эх, голова, — укоризненно говорил он. — Да разве так делают? Надо было перед выходом смазать ноги жиром, обернуть газетами и только потом заматывать портянки. А еще лучше, найти шерстяные носки.

— Вот завтра, Михалыч, я сделаю все по науке. А сегодня три их, постарайся, будь другом!

Ночь давно вступила в свои права. В землянке стало тепло. Ярко горели дрова, уютно гудело в печурке. Тихо стало в опустевшей землянке — разошлись по постам мои боевые друзья. Не дождавшись горячего супа, разогревавшегося в котелке, я, пригревшись, заснул как убитый...

С нетерпением ждали мы на переднем крае прихода с обедом из тыла нашего повара или старшину. Они всегда появлялись с двумя термосами, наполненными горячей пищей. Приходили два раза в сутки и только с наступлением темноты — поздно вечером и перед утром. В остальное время проход к нам был заказан. Когда один из них отправлялся в свой опасный путь с термосами, пристегнутыми широкими ремнями к спине, другой на кухне готовил пищу на зав-

тра. Не за свою жизнь боялись наши кормильцы, пробираясь сквозь огонь на передовую, — за термосы, в которые по дороге попадали осколки от мин и разрывавшихся поблизости снарядов. Путь от кухни до роты был недалеким, но опасным. И не раз оставался личный состав без пищи. Иногда вместо жидкого супа нам приносили только гущу. И тогда, если на кухне оставался какой-то резерв, повар или старшина проделывал свой нелегкий путь дважды. Больше всего доставалось старшине Владимиру Дудину: траншеи были мелкими, а он высокий и кланяться пулям не привык. И тогда он приносил термосы, из которых на ходу со свистом выливалась жижа.

Каждому полагалась половина котелка жидкого, но горячего борща или супа. Некоторые делали себе из этого два блюда: сначала выпивали с хлебом жижу, а гущу оставляли на второе. В крышку котелка наливался горячий чай. Порой заваркой ему служил пережженный в печурке сухарь.

Утром я был разбужен дежурным по роте:

— Пора, Николаев, вставай!

— Что, уже? Какой приятный сон ты прервал! Мать во сне видел. Покупали мы с ней ржаные лепешки — горячие, пахучие...

— Попробовать-то успел? — спросил дежурный.

— Да ты же не дал, — ответил я, снова закрывая глаза в надежде, что сон повторится. Но заснуть мне разводящий так и не дал — растолкал:

— Кончай ночевать, Николаев, фашиста проспишь!

Я моментально вскочил на ноги.

Было около четырех часов утра. Выйдя из пропахшей дымом и горькой копотью землянки, я с удоволь-

ствием глотнул чистого зимнего утреннего воздуха. Раздевшись по пояс и прихватив за бруствером цинковой коробкой из-под патронов чистого снега, наскоро помылся. Окончательно проснувшись после этой процедуры, я совсем бодрым вернулся в землянку. Надо было торопиться и прийти на место раньше гитлеровца.

Подогрев на печурке вчерашний обед, я торопливо покончил с едой. НЗ — стограммовый, похоже, еще довоенный сухарь взял с собой. Теперь можно было собираться и в дорогу. Я прежде всего заново перебинтовал чистой марлей свою винтовку. Потом, скинув сапоги, проделал все, что говорил вчера Васильев: намазал жиром ноги, надел шерстяные носки, подаренные кем-то, обернул их газетой и намотал по паре портянок. Сапоги надел другие, специально принесенные Дудиным, — на два номера больше, чем мои. «Главное, чтобы ноги были в тепле», — всегда говорила мне мать. «Главное, чтобы у солдата портянки были правильно намотаны», — учили в армии. Так что за «главное» я теперь не беспокоился. Полушубков, как и валенок, у нас в то время еще не было, поэтому оделся я, как обычно, в шинель поверх ватной куртки и таких же брюк. Завершил свою экипировку белым маскхалатом.

Выслушав кучу полезных советов от своих друзей, я торопливо попрощался с ними: «Пора, не опередил бы меня фашист!»

Ориентировался я на местности неплохо — привычка разведчика, а потому быстро нашел свою «военную тропу». От боевого охранения до своего НП я полз буквально под снегом. Добравшись до места, как можно удобнее устроился. Дослав в патронник патрон, положил винтовку на приготовленные с вече-

ра рогатульки. Теперь у меня все было готово для встречи с противником, оставалось терпеливо дожидаться рассвета. Сегодня мне предстояло сделать один-единственный выстрел. Или совсем ни одного. Могло быть и так...

Скоро совсем развиднелось, стали хорошо просматриваться очертания обороны противника. Теперь я глаз не спускал с того места, откуда должен был появиться немецкий снайпер. Однако и вокруг приходилось смотреть в оба — не изменилось ли что со вчерашнего дня в обороне. «Пришел в засаду — прежде всего осмотришься вокруг себя. Что заметил нового — все внимание туда!» — постоянно напоминал я своим ученикам, так поступал и сам. Но сегодня не только за противником, за собой смотреть придется строже: не кашлянуть бы ненароком, не чихнуть, не шмыгнуть носом. Даже дышать придется аккуратней, «под себя», осторожно выдыхая воздух в снег: на таком морозе пар изо рта сразу же выдаст тебя противнику.

То, что передо мной опытный враг, можно было не сомневаться, как не надо было сомневаться в том, что он уже на месте. «Перехитрил-таки, подлец, пришел раньше меня!» — подумал я, когда рассвет уже наступил.

Глаза мои от непрерывного наблюдения через оптический прицел в одну точку стали слезиться. Мешали ветер, дувший прямо в лицо, да мороз. Я непрерывно смахивал слезу, стараясь особенно не шевелиться. Уже окоченели пальцы правой руки, постоянно готовые к бою. И меня стало беспокоить, сумею ли я, когда будет нужно, произвести прицельный выстрел. Я понимал, что в подобных дуэлях раненых не бывает, — снайпер, как сапер, ошибается только раз.

А время неумолимо текло. Прошло уже часа три, как я лежу тут, а с той стороны ни звука, ни движения. «Ну где же ты, чертов фашист? Покажись хотя бы на мгновение!» — шептал я окоченевшими губами. Вчера по слишком пышной фигуре под маскхалатом я догадался, что немец мой экипирован отменно. И горб на спине — наверное, термос запрятан под халатом. «Эх, термос, бы сюда с горячим чаем! — подумалось мне. — И руки бы погрел, и душу. Нет, лучше бы кружечку домашнего, круто заваренного, душистого чайку, сладкого, да еще бы с пирогом!..» — мечталось мне. И еще всякие разные мысли о доме полезли мне в голову, чуть ли не вся жизнь пронеслась перед моими глазами. Вспомнились Тамбов, дни праздников и мать, до рассвета хлопотавшая над немудрящими пирогами. Как она там сейчас без меня управляется? Трудно ей, наверное, а ведь не сознается, не пожалуется. Вспомнилась наша с ней комната на Интернациональной улице, всегда холодная, с заиндевевшей дверью и окном, обросшим льдом. Бр-р, как холодно зимою бывало дома! И теперь я тоже замерзаю... Дверь из комнаты выходила прямо на улицу. Ни тебе сеней, ни коридора. Мать, поди, завесила дверь ватным одеялом, а сама спит под байковым, набросив на ноги пальто. Сюда бы сейчас одеяло ватное, погреться... Как там у нее с дровами? Опять покупает полешками на базаре? А как мы зимой ходили в школу? Каждый обязан был ежедневно приносить полено дров из дома. Это в начале тридцатых годов было. А как теперь приходится ленинградским детям? Школа... Где ты, моя первая, имени А.С. Пушкина? Вспомнились учителя, друзья-ребята. Воют теперь все! Где они, мои «мушкетеры» — Игорь Петров, Мишка

Лаптев, Колька Баклыков и Васька Буданцев? Писем от них так и нет. Вспомнился наш класс — угловая комната с окнами, выходящими сразу на две улицы, на Советскую и Интернациональную. Вижу себя сидящим у окна и целых шесть уроков наблюдающим за скучающим на перекрестке милиционером-регулирующим, мимо которого через определенный интервал ходило всего два автобуса да несколько грузовиков и легковых машин. Вот была техника! А теперь? А у немцев? Ее у них хватает. И как это мне удалось тогда подбить весь экипаж у танка?! Так эта железяка и осталась стоять у школы под Урицком, пока ее не захватили наши и не приволокли в дивизию...

«Хенде хох!» — так говорила и наша «немка» в школе, Варвара Афанасьевна Беляева, когда задавала всем один вопрос. Наш дорогой классный руководитель, «Варварушка»... А как мы у нее знали немецкий язык! Сколько полезного она дала нам за время учебы! Если бы не ее интересные уроки, не пьесы на немецком языке, поставленные с ее помощью на школьной сцене, да внеклассное чтение — знал ли бы я так хорошо немецкий язык, как знаю теперь? Как он пригодился мне в разведке! Да и только ли немецкий — все, приобретенное в школе, на фронте ой как пригодилось! Вот приеду после войны в Тамбов и первым делом отправлюсь в школу поклониться в ножки своим учителям — химичке Розе Исааковне Зильбергольц, математичке и физичке Наталии Порфирьевне Игнатьевой, литератору Серафиме Петровне Гавриловской и директору Владимиру Всеволодовичу Хорькову, участнику советско-финляндской войны. Историку профессору Ярошевскому. Как он учил нас быть внимательными, наблюдательными! Бывало, спро-

сит: «Вы много лет ходите в эту школу. А сколько ступенек на нашей лестнице? Сколько окон по фасаду?» А мы не знали. А хорошо бы приехать в школу с медалью «За отвагу», как у директора Хорькова... Мне бы вот только этого черта свалить. Где он, провалился, что ли?! Думает ли показаться? Или рассчитывает, что я замерзну раньше его? Нет, шалишь! О постороннем я думать больше не буду. Слышал, вот так и замерзают, размечтавшись... Прочь, хорошие думы! Мне сейчас злиться надо, чтобы не замерзнуть! И я злюсь. Злюсь на этого осторожного бандита, который и сегодня не сделал опять ни одного выстрела. Чует, что ли, чего? Боится? А день-то зимний короткий...

Я уже давно сжимаю и разжимаю пальцы правой руки: они замерзли и не хотят гнуться. А тишина какая, будто вся оборона знает о нашем поединке и внимательно прислушивается: кто первый выстрелит? А немец, поди, сам меня ищет. Я почти неделю не стрелял, он заметил это и осторожничает. Не успел я так подумать, как будто что-то толкнуло меня в самое сердце: «Внимание!»

И точно: над снежным покровом из траншеи показалась голова фашиста. Мне сразу стало жарко.

Вот сейчас он, как и вчера, коротким броском перекинёт свое крупное тело из траншеи на поверхность, быстро перемахнет этот трехметровый участок и был таков?! Не-е-т, шалишь, гад, на этот раз у тебя не выйдет! И я твердо сжал в руках винтовку.

Морда фашиста, так прочно сидевшая на пеньке прицела моей снайперки, была отчетливо видна через окуляр. Глаза гитлеровца воровато смотрели на наши траншеи, откуда он, естественно, мог ожидать любой неприятности. В мою сторону он даже не поко-

сился. «Значит, не видит меня и не предполагает, что рядом кто-то может находиться. Это хорошо!» — подумал я.

Можно было бы нажать на спусковой крючок и выстрелить, но делать этого мне не хотелось: тогда фашист упал бы в свою траншею, а это не входило в мои планы. Мне нужно было его свалить и показать всем, как он лежит на нашей земле поверженным. А то, что он вот-вот выскочит, я был почти уверен. Он уже созрел для этого, и другого пути у него не было. Он должен будет повторить свой вчерашний маневр. Только теперь я об этом знал и ждал его.

Успокоенный тишиной вокруг, подгоняемый все усиливавшимся морозом и спускавшейся на землю темнотой, фашист, как я и думал, одним коротким прыжком очутился на поверхности. Низко пригнувшись, он успел сделать единственный и последний шаг. Долгожданный на нашем участке выстрел раздался. Он, как щелчок бича, прозвучавший в морозной тишине, повалил фашиста на снег. Снайперская винтовка, ставшая теперь безопасной для наших бойцов, выскользнула из рук и упала к ногам своего уже мертвого хозяина.

«Ну вот, кажется, и все...» — с облегчением подумал я. Мне хотелось встать во весь рост, выпрямиться и закричать на весь передний край: «Смотрите, ребята, какого матерого зверя я уложил!» Но ни встать, ни тем более закричать я пока не мог: уронив свою голову на руки, все еще сжимавшие холодную винтовку, я, кажется, впал в забытие. Сказалось часами длившееся нервное напряжение. Все тело сковала какая-то необъяснимая усталость, почему-то захоте-

лось есть и спать, долго, беспробудно спать с чувством исполненного долга.

Не знаю, сколько я так пролежал, только в какой-то момент очнулся и разомкнул веки.

«А ведь надо что-то делать. Сколько же прошло времени? — спрашивал я себя. — Немцы каждую минуту могут хватиться своего снайпера, будут его искать. Нет, надо что-то делать!»

Я посмотрел в ту сторону, где лежал фашист. «Зря я думал, что могу промахнуться, этого не могло быть!» — с облегчением подумал я и стал заниматься собой. Сняв с левой руки шерстяную перчатку, начал осторожно растирать ею правую руку. Потом стал тереть снегом и опять перчаткой. Тер, все сильнее нажимая на пальцы, пока не почувствовал в них приятное покалывание. И снова снегом. Как только кровообращение в пальцах восстановилось и ноги, которыми я все время шевелил, стали послушными, я, не дожидаясь наступления полной темноты, пополз к убитому. Я не боялся быть замеченным противником: от простого, невооруженного глаза меня спасали маскхалат и глубокий снег.

Эти сорок метров, что нас разделяли, я прополз за несколько минут, изрядно пропотев за это время. Преодолев подкатывавшуюся к горлу тошноту (не каждый день приходится прикасаться к убитому тобой фашисту!), я подтянулся к его голове и сразу же увидел на виске входное отверстие от моей пули. На щеке запеклась застывшая на морозе кровь.

С минуту я раздумывал: что делать дальше? Тащить ли немца «целиком» в свои траншеи как вещественное доказательство содеянного мной или «разобрать его по частям»? «Нет, не дотащить мне этого

замороженного черта. Да и нужен ли он? Возьму с собой что нужно, и — порядок!»

Финским ножом я распорол на нем маскхалат и сразу же увидел: на спине фашиста действительно был прилажен термос. Плоский, окрашенный в белый цвет, необычной формы. Я снял его и повернул хозяина на спину. Под новейшим белым полушубком я обнаружил полевую сумку и планшетку. На мундире — кучу орденов. Ножом срезал эти ордена, а из карманов забрал все документы, письма, фотоснимки. В полевой сумке я обнаружил голландский шоколад, турецкие сигареты, австрийскую зажигалку, немецкое печенье, итальянскую безопасную бритву и другое барахло. Часы на руке были: шведские. «Смотри, какой международный! Везде побывал и всюду грабил!» Я решил захватить винтовку и бинокль фашиста. Теперь все было готово и можно было отправляться в путь. Не стоило больше испытывать судьбу. Но в это время где-то глухо зазуммерил телефон. «Ты смотри, с каким комфортом жил, бандюга!» — подумал я и решил ознакомиться с логовом фашиста, а заодно, из озорства, ответить на звонок.

Прежде всего я обратил внимание на то, что, как я и думал, до стрелковой ячейки из траншеи не дорыли хода — метра три. Они-то и погубили гитлеровца. Его огневая точка была не чем иным, как просторным бронеколпаком, надетым на стрелковую ячейку. Смотровая щель занавешена двойным слоем марли, и все это снаружи занесено снегом. Вот и попробуй обнаружь такое за две сотни метров! Внутри, исключая телефонный аппарат да табуретку, стоявшую на деревянном (!) полу, все было как у нас. Только чуть просторней, и вход занавешен теплым одеялом.

Телефон все зуммерил. Он настойчиво вызывал стрелка на переговоры. Я снял трубку.

— Вас воллен зи? (Что вы хотите?) — спросил я вежливо.

— Во ист ду? (Где ты?)

— А... пошел ты...

— Вас, вас?! (Что, что?!) — раздалось в трубке.

— Да не нас, а вас! — ответил я и бросил трубку. «Бежать пора», — решил я и, срезав ножом аппарат, забрал его с собой.

Вспотевшим, уставшим, но счастливым свалился я прямо на руки своих друзей. Эти руки бережно опустили меня на дно траншеи. Друзья, уже несколько часов наблюдавшие за поединком, тискали теперь меня, поздравляли с победой.

— Да тихо вы, черти, сейчас начнется сабантуй, бежим скорее!

Предупреждение о «сабантуе» было своевременным, и ребята это быстро уяснили — народ опытный! Все мы резво двинулись по ходу сообщения к штабной землянке, прихватив трофеи.

Оповещенные о моем возвращении по телефону, на КП роты собрались начальники: рядом с командиром роты лейтенантом Буториным сидели комбат Морозов, политрук роты Попов, военфельдшер батальона Иван Васильев и улыбающийся майор Ульянов — из политотдела дивизии. Присутствию последнего я ничуть не удивился: майор Ульянов часто бывал у нас на переднем крае, и сейчас я был рад его видеть. Майора все любили и уважали за простоту, за храбрость, ум и человечность. Худой, высокий майор ходил по переднему краю с палочкой: он недавно был ранен в ногу.

— Товарищ майор! Ваше приказание выполнено: фашистский снайпер уничтожен! — с радостью доложил я комбату Морозову.

— Ну молодец. Значит, одолел-таки? — обнимая меня, произнес комбат. — Благодарю от лица службы. Двое суток будешь отдыхать, заслужил!

— Служу Советскому Союзу! — весело и громко ответил я. — Бил и буду бить эту пакость днем и ночью и обязательно обучу этому всю нашу роту!

Не беспокоили меня ровно два дня. Так на ротном КП, заботливо уложенный на что-то мягкое и прикрытый шубой, я это время и проспал. Не могли меня разбудить ни шквал артиллерийского огня, обрушившегося на наши траншеи в ту же ночь, ни крик старшины Дудина: «Подъем, Николаев, обед ждет!» Я отсыпался, кажется, первый раз за все то время, которое провели мы на этом участке.

ТРУДНЫЙ БОЙ

В декабре 1941 года я был назначен командиром стрелкового взвода в нашей же пятой роте вместо убитого в последнем бою лейтенанта.

Но со снайперской винтовкой не расставался. Нет-нет да и выходил на передний край, прихватив кого-нибудь из бойцов, — обучал его снайперскому делу, готовил себе смену. Счет мой медленно, но верно увеличивался. Соответственно росло и количество звездочек на ложе винтовки, которые я аккуратно выводил масляной краской. Сейчас на ней было семь средних и шесть маленьких звездочек — 76 фашистов было теперь на моем счету мести. Это была совсем новая винтовка, выданная взамен той, разбитой под трамваем.

День 13 декабря 1941 года начался как обычно — с проверки караулов, назначения суточного наряда, в распоряжениях, в выполнении распоряжений свыше. И вдруг в землянку вошел телефонист с КП роты младший сержант Филатов.

— Тебя, Евгений, комроты вызывает. Срочно! Просил все дела бросить, не задерживаться.

Командир роты лейтенант Буторин распорядился:

— Иди быстро в штаб полка. Добирайся как хочешь, но проскочить придется, не дожидаясь темноты. Зайдешь прямо к комиссару полка Агашину. Быть там к трем часам.

Бежать, петляя по траншеям, да еще пригибаясь, было не из приятных. Кроме того, очень хотелось есть: сухого пайка не выдали...

К 15.00, как я ни старался, все-таки не успел. За это не ругали — знали, что такое выбраться в дневное время с нашего участка.

— Беги теперь в штаб дивизии — там наших встретишь. Явишься к начальнику политотдела Матвееву.

До штаба дивизии путь тоже предстоял неблизкий.

Машин попутных, конечно, никаких — шоссе просматривалось немцами, простреливалось даже ночью. И все-таки часа через два я уже стоял у штаба дивизии, приводил себя в порядок.

Бывать в штабе дивизии мне приходилось и раньше — на совещании снайперов, на слете истребителей. А совсем недавно здесь нас принимали в кандидаты партии: Добрика, Карпова, меня и ребят из других полков.

В небольшом помещении перед кабинетом комдива полковника Панченко собралось человек десять-двенадцать. Кроме капитана Трещева, помощника начальника политотдела по комсомолу, тут были два разведчика, саперы и танкисты. В ожидании встречи с командиром дивизии мы гадали, по какому поводу собрали здесь такую разношерстную компанию.

Наконец нас пригласили в кабинет.

— Присаживайтесь, товарищи, — пригласил комдив. — Разговор у нас с вами будет коротким: всех вас вызывает к себе командующий армией генерал Николаев. Зачем — я и сам пока не знаю. На каждого из вас получено персональное приглашение. В восемнадцать ноль-ноль все должны быть у него. Времени осталось немного, поедете на медсанбатовской

машине, она уже ждет. Сопровождать вас будет капитан Трещев.

Ровно в назначенное время нас пригласили в кабинет командующего. Хозяин стоял у письменного стола, чуть пригнувшись и опершись на него обеими руками. По выработавшейся армейской привычке мы выстроились в одну шеренгу. Поприветствовав командующего, каждый из нас по очереди представился ему, делая шаг вперед.

Предложив всем сесть, генерал Николаев, взяв в руки карандаш и придвинув поближе большой блокнот, сказал:

— Попрошу всех доложить свои соображения о положении дел на урицком направлении: какие там силы у немцев, как они себя ведут, что нового появилось у них в обороне, вооружении. Прошу по очереди.

И нам всем сразу стало ясно, чего от нас хотят. Все мы были из полков, стоявших под Урицком. Наш полк, самый крайний из всех, стоял от залива влево к Пулковским высотам. Урицк был прямо перед нами.

Каждый из нас как можно короче, конкретней и подробней доложил все то, о чем ему было известно, и о том, чего хотелось бы. А хотелось всем без исключения одного — как можно скорее погнать фашистов от Ленинграда. Всем поперек горла стояла теперешняя наша оборона — неудобная, открытая, болотистая, просматриваемая и простреливаемая немцами. Всем хотелось настоящего дела. Поэтому доложили мы все как есть. Да и действительно, кому, как не нам, разведчикам, саперам да снайперам, в совершенстве знать оборону противника, которая ежедневно просматривается, изучается до мелочей? Кто, как не мы, проютюжил своим собственным животом весь

передний край, нейтральную полосу да и тылы противника?

Внимательно выслушав каждого и немного помолчав, командующий всем сразу поставил один вопрос:

— Картина ясна. Хочу теперь спросить у вас одно: можно ли взять Урицк боем? С ходу, неожиданно? Ваше мнение?

— Безусловно! — чуть ли не в один голос ответили мы. — Только, конечно, при хорошей подготовке и при взаимодействии всех родов войск!

Командующий встал. Вскочили и мы. Генерал поблагодарил всех за беседу и каждому пожал на прощание руку. Только меня почему-то обошел своим вниманием и отошел к своему столу. Взял оттуда что-то, повернулся к нам и произнес:

— Ну что ж, товарищи, спасибо вам за службу! А вас, товарищ Николаев, от имени Военного совета сорок второй армии награждаю за активное уничтожение фашистской нечисти именными часами! — И, протянув мне коробочку, пожал руку.

— Служу Советскому Союзу! — ответил я взволнованно.

Когда он разрешил нам всем «быть свободными» и мы вышли из кабинета, ребята попросили показать подарок. Это были большие карманные часы фабрики имени Кирова. На задней крышке было выгравировано: «Тов. Николаеву Е.А. за боевое отличие в борьбе с немецким фашизмом от Военного совета армии».

Ребята смотрели на часы, читали надпись, поздравляли меня, и никто из нас и предположить не мог, какая судьба уготовлена и мне, и этим часам в самом скором времени...

Обратный путь мы проделали в том же порядке — по штабам, только теперь по нисходящим.

В штабе дивизии и в полку поинтересовались содержанием разговора с генералом, рассматривали мои часы, читали надпись на их крышке, но никто не спросил: «А не голодны ли вы, ребята?» На приглашение «отобедать с нами» мы, конечно, не рассчитывали — не те времена. Но хотя бы отпустить нас пораньше могли бы...

Путь от штаба полка до КП батальона я проделал на предельной скорости — так велико было желание быстрее добраться и чего-нибудь поесть. А путь был нелегким и неблизким по петлявым фронтовым заснеженным дорогам.

«Кажется, что-то затевается», — подумал я, торопливо пробираясь в расположение роты по заметно изменившимся за мое отсутствие траншеям: у землянок валялись пустые цинковые патронные коробки, шуршала под ногами промасленная оберточная бумага от гранат, бойцы озабоченно проверяли свое личное оружие.

Командир роты лейтенант Буторин, которому я доложил о своем возвращении, торопливо приказал:

— Беги скорей к себе во взвод: есть приказ — через час атакуем!

«Успеть бы только немного подзаправиться перед боем», — только и подумал я, ничуть не сомневаясь, что взвод мой наверняка уже готов к бою, живет сейчас предстоящей операцией. И действительно, командиры отделений раздавали оставшиеся гранаты, еще раз проверяли оружие каждого бойца, его снаряжение. Красноармейцы собирали свое немудрящее имущество, складывали его в вещмешки, которые по-

удобней пристраивали за спиной, наскоро писали письма — короткие, торопливые, может быть, последние в жизни письма родным и знакомым.

Успеваю написать коротенькое письмо домой и я.

Из письма с фронта в Тамбов матери

Дорогая мамуля! У нас по-прежнему все тихо и спокойно — как всегда. Сегодня собираемся переезжать в другое место — там должно быть намного лучше, чем тут. Так что мне сейчас некогда писать, поедем — сразу напишу подробнее. Могу еще сообщить, что мне вручили награду: именные часы от командарма.

Всем привет. Не болейте и не скучайте, если писем долго не будет. С переездом, с новой почтой все может быть. Еще раз крепко целую.

Евгений.

Вот уже командиры отделений докладывают о готовности личного состава к бою. Отдаю им распоряжение — проследить, чтобы бойцы не маячили зря в траншеях, не привлекали излишнего внимания противника, а отдыхали в землянках.

До условного сигнала оставалось еще минут двадцать.

— Дал бы ты мне чего-нибудь перекусить, — обратился я к ординарцу. — Не ел, считай, два дня.

— Ах ты, черт, — протянул мой ординарец. — И как же это у нас получилось нескладно? Понимаешь, командир, виноваты мы: думали, не вернешься к нам! День ждали, два, а потом все и съели. Уж извини, ко-

мандир! Письма вот есть — целых три, и все из Тамбова.

Он вытащил из противогазной сумки и подал конверты со знакомым и дорогим мне почерком. «От матери! — обрадовался я. — Прочту после, когда один буду!» И сунул конверты в карман ватных брюк. Туда же, в специальный кармашек справа, положил и часы, взглянув на них последний раз — до сигнала оставалось ровно пять минут.

Вот она, долгожданная минута, которая дает зарядку на весь бой: в морозное небо с шипением взвились три ракеты, окрасив снежную равнину за бруствером сначала в зеленый, а потом и в красный цвет. Я перемахнул за бруствер, вскочил и выпрямился, оглядываясь на свой взвод: наши траншеи опустели.

— Вперед! За Родину! Ур-а-а! — крикнул я, и громкое, многоголосое «ура!» раскатисто пронеслось по всему нашему переднему краю — батальон пошел в атаку.

Почти без потерь наша рота с ходу ворвалась в первые фашистские траншеи. И, уже не сознавая ничего, не видя ничего, кроме спин удиравших врагов, не обращая внимания на трескотню автоматов, на разрывы гранат под ногами, рота овладела вторыми, а затем на плечах перепуганных фашистов и третьими траншеями. Действуя штыком и прикладом, приканчивала эту погань, гранатами выкуривала гитлеровцев из их крепких землянок.

— Молодцы, ребята! Бей фашистов крепче, не оглядывайся! — кричал лейтенант Буторин, появившийся в нашем взводе. — Только вперед!

И бойцы, чувствуя, что главная задача выполнена — вражеские траншеи в наших руках, ринулись за

командиром. Вымахнув за бруствер последней траншеи, мы оказались на ровном поле, покрытом метровым слоем снега. Удивляясь неожиданно наступившей тишине, не видя перед собой ни противника, ни своих соседей слева и справа, взвод, увлекаемый командиром роты, продвигался вперед, к заснеженным высоткам. Остальные стали добивать засевших в землянках фашистов. Повсюду в несуразных позах лежали убитые гитлеровцы. Их было много.

Наведя порядок в занятых траншеях, рота поднялась за своим командиром и тоже выскочила на снежное поле, собираясь ударить по тылам противника. Но тут опомнившиеся немцы дали заградительный огонь. Они ударили из минометов и артиллерийских орудий по своим бывшим траншеям и землянкам.

— Вперед! Всем — вперед! Не останавливаться под огнем, выходить из-под обстрела! — кричал лейтенант Буторин, уводя людей все дальше. А до спасительных горюшек быстро не добраться: снег слишком глубокий. Словно опутанные веревками, ноги еле передвигались в его толще. Мало того, оказалось, что под снегом был лед! Два-три снаряда, упавших на этой снежной равнине, подняли вверх фонтаны воды вместе со льдом и осколками от самих снарядов.

С единственной гранатой и пистолетом бежал я рядом с командиром роты. Метрах в десяти от нас с ручным пулеметом на изготовку бежал, тяжело разгребая ногами снег, Филатов — здоровенный парень из соседнего взвода, сибиряк. За нами продвигались бойцы — человек десять-пятнадцать.

«Эх, жиденько нас осталось! — думал я, глядя на редевшие с каждой минутой ряды своих бойцов. —

Что теперь предпримет ротный? Что будем делать дальше?»

И действительно, что можно еще сделать? Задачу свою мы выполнили, даже сделали чуть больше — вышли за третью линию траншей. На большее у нас уже нет сил. Нет связи с батальоном. А самое страшное, что уже совсем рассвело и наши бойцы сейчас на снегу отлично видны фашистам. Мы втроем почти подбежали к спасительной горке, когда неожиданно для всех нас сверху этой горки раскрылась черная широкая щель амбразуры и из нее обрушился страшный пулеметный огонь. Немцы поливали всю площадь заснеженного озера огненными струями.

«Так это не просто горка, это огневая, хорошо замаскированная точка! Замаскированный дот! Вот поэтому наши разведчики его и не засекли: он никогда не действовал, будучи в глубине их обороны!» За какие-то считанные секунды на снежном пятачке живыми остались только трое: командир роты, пулеметчик Филатов и я, попавшие в мертвое пространство, — мы оказались прямо под амбразурой дота, продолжавшего изрыгать смертельный огонь.

Я попробовал подобраться к амбразуре сбоку, но не сумел сделать и двух шагов — покатился вниз. Дот был ледяной. Обойти же его с тыла — значит обнаружить себя и позволить расстрелять в упор.

«Что же придумать, как выбраться отсюда?» — думаю я и оглядываюсь на заснеженное поле. От яркого зимнего солнца режет глаза. А мы в этом мертвом пространстве... Вот оно четко определилось тенью, падающей от горки-дота. Вдруг там, где кончалась тень на снегу, выросли три фигуры-тени. Они все росли, росли, потом наконец остановились и расхо-

хотались, стали что-то лопотать, жестикулируя. Как я понял, они радовались, глядя с высоты, как умирали наши солдаты на поле.

Стерпеть такого я не мог. Молча забрал из рук Филатова его ручной пулемет, отошел немного в сторону и увидел на гребне горки трех веселящихся офицеров. Они высокие, стоят в рядок, гогочут. Мои пальцы нажали на гашетку, и короткая очередь навечно успокоила весельчаков.

— Что же, ребята, будем пробираться к своим. По очереди. Филатов, прикрывай огнем пулемета! — принял решение лейтенант Буторин. — Давайте короткими, в разные стороны, не сучиваясь. Ну, двинули!

И он первым, петляя по снегу, пригибаясь пониже, двинулся к спасительной траншее. До нее всего метров шестьдесят, но сейчас они кажутся бесконечными. Побежал и залег Филатов, следом кинулся и я. Над головой и под ногами зачиркали пули — это сидящие в доте фашисты заметили нас. Филатов короткими очередями заставляет их на какое-то время замолчать. В это время делаем перебежки мы с лейтенантом.

«Нет, не добежать нам! А как же Филатов?» — думаю я и вижу, что Филатов тоже бежит. А из амбразуры снова полетели огненные струи. Лейтенант упал. Ранен или убит?

Посылаю к Буторину Филатова:

— Скорей к лейтенанту! Если он убит — вынеси, не оставляй. А мне давай пулемет — я прикрою. Ну, жми!

Я забрал у него пулемет и тут же открыл огонь по амбразуре. Их пулемет утих. Слежу за Филатовым: вот он подполз к лейтенанту, взвалил его на спину и пополз, разгребая снег руками, к траншее. Отстреливаясь, не даю поднять головы пулеметчику в доте.

Амбразура умолкла, кажется, совсем. Но радость моя была преждевременной: гитлеровцы открыли плотный минометный огонь по озерцу. Мишень — мы трое.

Мины рвутся совсем рядом, чавкают впереди, сбюку — и все около нас. Вдруг одна из них разорвалась... прямо на спине лейтенанта. Замерли оба. «Это все. Теперь моя очередь!» Я понимаю, что выбраться живым из этого ада невозможно. Только чудом, если только оно бывает. И все же я бегу, прикрывая голову диском пулемета. Бегу, петляя, стараясь уйти из зоны огня, — влево, вправо. А немцы, отсекают меня огнем от траншеи, до которой и осталось-то метров двадцать. Но попробуй пройди их! «Вот сейчас! Вот сейчас меня ранят! А куда?» Я еще торгуюсь. Я боюсь быть раненым и мучиться от боли, может быть, стать инвалидом. «Нет, голова у меня прикрыта диском. В ногу? Но тогда я вообще не доберусь до траншеи! Я не хочу, чтобы в ногу. Пусть лучше в руку! А в какую? Если в правую — как я буду кисть держать? Пусть лучше в левую!» И продолжаю настойчиво метаться из стороны в сторону от разрывов, подгоняющих меня. А мины рвутся, вздымая снежно-ледяные фонтаны, разбрасывая осколки металла и льда. Бегу в центре этих разрывов и успеваю заметить, что Филатов движется! «Жив Филатов! Ползи, дорогой! Может, и лейтенант еще жив?» — думаю я и вдруг получаю страшный удар по левой руке. «Какая же это сволочь меня ударила? Кто мог?» — соображаю я. Потом осознаю, что вокруг меня никого не было и быть не могло. «Так это меня ранило! В руку! В левую», — доходит до меня. Я на ходу глянул на руку: рукав ватника разодран в клочья около плеча, а в ладони стало тепло и сыро. «Разрывная пуля, похоже.

Кто же это стреляет, когда немцев самих и не видно! Снайпер?»

Мне больно, рука повисла. Но я понимаю, что снайпера надо убрать: он не даст поползти Филатову. Ложусь в снег и изготавливаюсь к стрельбе из пулемета. Куда, в кого — я еще не вижу. Думаю, что это опять из амбразуры ведут огонь, — больше неоткуда! Прицеливаюсь, бью, но выстрела не слышу. Нажимаю еще и еще — результат тот же. «Патроны все! Конечно же, все. Сколько их может быть в одном диске?»

Превозмогая боль в руке, ползу к траншее. Пулемет, даже с пустым диском, я бросить не могу — оружие! Так с пулеметом в руке и сваливаюсь в траншею. Кто-то забирает его у меня, кто-то тонким узким ремешком перетягивает мне руку, останавливая кровь.

— Санитары! Есть тут санитары?! — кричу я бойцам. — Надо помочь пулеметчику вытащить командира роты! Помогите кто-нибудь Филатову!

Наконец я немного прихожу в себя и уже осмысленно наблюдаю за происходящим вокруг.

— Сколько живых осталось? Кто есть из командиров? — спрашиваю бойцов. Мне говорят, что командиров ни одного не видно, а бойцов совсем мало.

— Слушайте меня! Всем приготовить оружие, гранаты. Фашисты могут пойти в атаку, надо не подпустить их к траншеям! Найдите санитаров! Надо помочь раненым и отправить их в тыл. Поищите в землянках веревки или телефонный шнур — надо бросить его Филатову, сам он не поползет.

Чувствую, что к моим командам прислушиваются и мои «надо» принимаются всеми как должное. Вот уже несут моток телефонного кабеля. Филатов лежит метрах в десяти от траншеи, прикрытый телом лейтенанта.

— Филатов! Живой? Можешь ползти?

— Ранен я! Помогите, сам не выберусь!

— Сейчас. Лови, Филатов! Держи за конец крепче и обмотайся им, мы тебя подтянем! Лейтенанта не бросай! — кричу я и почему-то падаю сам на бруствер...

Боль пришла внезапно. Жгучими иглами впилась она в тело и отступила, затухая где-то. Через какое-то время я услышал разговор, знакомые голоса, только не мог понять, кто и кому говорил:

— Куда его? Он же без сознания! Оставлять в медсанбате?

— Нет, в Лавру его, в тысяча сто семидесятый срочно! Торопись, Володя! Но вези поаккуратней, не растрясси — иначе не выживет!

«О ком это они? Что у них случилось? А где сейчас я, что со мной?» — пытаюсь что-то понять, но у меня ничего не получается. Меня, кажется, приподняло и куда-то понесло. Потом я услышал знакомый голос и очень знакомые слова:

— Ну, сваток, бывай! Поправляйся и возвращайся в полк! Мы будем ждать!..

«Сваток...» Кто так говорит? Так это Володи Козырева голос! Точно! Вот хлопнула дверца его санитарки — поехал за ранеными. И я снова потерял сознание.

НЕОБЫЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Огромный эвакогоспиталь № 1170 в Александро-Невской лавре был переполнен. Я лежал у стены длинного коридора на носилках. Может быть, потому, что носилки стояли прямо на полу, потолок с его полукруглым сводом казался очень высоким. Кругом сквозило, или это казалось, но у меня зуб на зуб не попадал.

По коридору, энергично размахивая руками, шагал высокий, худощавый мужчина в белоснежном халате с засученными по локоть рукавами. Рядом, что-то объясняя на ходу, семенила невысокого роста седая женщина. Они часто останавливались у носилок, смотрели какие-то листочки, засунутые под голову раненого, или коротко разговаривали с ним и шли дальше. Ко мне тоже подошли. Высокий доктор, откинув одеяло, которым я был укрыт, почему-то начал трогать мой живот. Я дрожал от холода, и мне было очень больно.

— Срочно на стол! — бросил он седой женщине.

Даже теперь, не ощущая своего собственного тела, а только одну тупую боль в нем и чувствуя какое-то безразличие ко всему происходящему вокруг, я со страхом воспринимал новые для меня слова: «операционная», «на стол», «палата», «уколы» и другие, еще не испытав их истинного значения. Между тем к моим носилкам подкатили какой-то высокий, белый и хо-

лодный металлический стол на резиновых колесиках с ручками, совсем как у носилок, и поставили рядом.

— Перекладывайте осторожней: это — живот! — скомандовал кто-то.

Помню, я сам попытался перевалиться со своих носилок, поднятых санитарями до уровня стола, но, едва приподнявшись, почувствовал такую адскую боль, что тут же потерял сознание...

Я плыл в каком-то тумане. Потом он рассеялся, и вдруг рядом оказалась женщина в белом. Только она не плыла, а сидела рядом.

— Очнулся, сынок? Ну слава богу!

— Вы кто? И где это я?

— Лежи, лежи тихо! Ты в шоковой палате находишься после тяжелой операции. Сейчас я к тебе врача позову. — И она встала со стула.

— Погодите! Что такое «шоковая»? Зачем я здесь? — Меня уже пугает это незнакомое и, похоже, страшное слово.

— Да не волнуйся ты! Теперь все позади — радуйся!

Меня мучает тошнота. Боли никакой не чувствую, но и пошевелиться не могу — как привязан к постели. «А может, и в самом деле привязан?» Я хочу пошевелиться, но... куда-то проваливаюсь.

Очнулся от громкого разговора, от знакомого мужского голоса:

— А ну, где тут мой герой? Говорят, проснулся?

Около меня стояли несколько человек в белых халатах. Один среди них был тот, высокий, которого я видел тогда в коридоре.

— Я что, потерял много крови? А рука моя будет работать? — спросил я.

— Да он, видно, не понимает, что произошло, — говорит хирург и весело смеется. — Мы сегодня вместе вот с этим милейшим человеком, — он показал на кого-то стоявшего сзади, — операцию тебе сделали. Да еще какую! Совершенно уникальную! Осколком снаряда или мины твои часы были вбиты тебе в живот. Там они рассыпались вдребезги. И вот мы с часовых дел мастером собирали все детали. Он подсказывал, каких не хватает, а я их искал и извлекал. Все винтики и шурупчики, какие в часах были, все выволокли! Так что благодари его, хорошего мастера. Ну а теперь отдыхай! Спи побольше.

И он отошел к следующей койке, на ходу рассказывая сестре, что нужно делать со мной дальше.

Так... Теперь, сопоставляя все, что происходило со мной за эти сутки, что постепенно, хотя и отрывочно, всплывало в памяти, мне стало окончательно ясно: я был ранен дважды — в руку и живот.

Я устал от долгого разговора с врачом, хотя сам почти и не говорил, а только слушал. И, закрыв глаза, снова забылся, но уже спокойным, добрым сном.

А через несколько дней, почувствовав себя значительно лучше, я уже перезнакомился со всеми врачами, сестрами и нянями. И не только нашего хирургического отделения, но и с другими, просто заходившими в нашу «шоковую». Они часто останавливались у моей кровати, разговаривали со мной, хвалили золотые руки хирурга.

Подробности операции, которую сделал мне этот веселый человек и великолепный мастер, были известны всему госпиталю. Кроме меня. Теперь мне об этом рассказывали с удовольствием. Дело было так.

«Срочно на стол!» А когда разобрались, что к чему,

хирург сказал: «Без часовщика не обойдусь! Быстро ищите мастера!» Где его нашли и так быстро, неизвестно, но только специалиста отыскивали хорошего. С его-то помощью и извлекли из моего желудка вместе с тряпками и ватой от брюк все мельчайшие детали часов — все стекло, все винтики и шурупчики, все пружинки и шестеренки. Вместе с ними, правда, пришлось удалить и часть кишок, но это издержки производства...

Спасло меня, как сказал сам хирург, то, что желудок мой был пуст, чист. Это и облегчило работу во время операции. Своим выздоровлением я обязан и заботливым сестрам, и няням госпиталя, выходившим меня. Всем им, поставившим меня на ноги и давшим мне вторую жизнь, я буду благодарен до конца жизни своей.

А часы, и опять именные, я потом снова получил, и не одни! Точно такие же часы с дарственной надписью на крышке я получил от Политуправления Ленинградского фронта в январе 1942 года. Именные часы мне подарила и знаменитая Мамлякат Нахтангова, побывавшая с делегацией в нашем 14-м полку в августе 1942 года. Та самая Мамлякат, которая еще девочкой отлично умела собирать хлопок и получила за это из рук Сталина орден Ленина и золотые ручные часы.

А живот мой зажил. Болит, правда, до сих пор, но это, наверно, ему так и положено: как говорят врачи, какие-то «спайки» дают о себе знать.

Я приезжал в Ленинград в двадцатую годовщину со дня освобождения его от блокады. Рассчитывал встретиться с людьми, спасшими мне жизнь, но сделать этого так и не смог: разбросала судьба всех по разным уголкам нашей необъятной Родины.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: КРАСНАЯ АРМИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ!

Где они теперь? Низкий поклон им, медицинским работникам Ленинградского фронта — хирургам, работавшим под бомбежками и артобстрелами, медицинским работникам, живым и мертвым, погибшим от ран и голода, спасшим жизнь сотням тысяч людей в те незабываемые девятьсот дней блокады. От нас, фронтовиков, от матерей наших, от солдатских жен и детей — большое им спасибо.

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

Прошло восемь дней, как я лежу в шоковой палате. Медленно, но верно недуги отступают, а силы начинают возвращаться. Стараниям медперсонала помогает и мой молодой организм. Теперь я окончательно поверил, что буду жить.

Вместе со здоровьем вернулось и хорошее настроение. Появилось время для размышлений, осмысления всего пережитого за месяцы войны. После траншейного быта приятно лежать на настоящей койке, на мягком матраце, на пусть и не совсем белоснежной, зато абсолютно стерильной простыне.

Я с радостью встречал каждое утро. Предвкушал, что скоро мне разрешат вставать, что я буду ходить, дышать свежим воздухом, что скоро вернусь в свой родной полк, к своим боевым друзьям, и снова смогу держать в руках снайперскую винтовку.

Для полноты счастья мне не хватало только писем от мамы да любимой девушки, которую я так еще и не встретил на своем пути за прожитые двадцать лет.

О том, что был ранен, да еще тяжело, что лежу сейчас в госпитале, я не собирался писать домой — пусть не волнуется моя милая добрая мама.

Рассчитанная на четыре койки, наша палата никогда не пустовала. Случалось, что за сутки одна, а то и две койки перестилались дважды — «постояльцы» менялись... Зависело это и от характера ранения, и от

организма раненого, и главным образом от его личной дисциплины в палате. Если он находил в себе силы и выдержку шесть послеоперационных суток строго выполнять предписания врача, он выживал. Если нет, то его переводили «этажом ниже», как мы говорили, то есть в подвальный этаж. Так бывало, например, когда, не выдержав мучившей его жажды, раненый во время умывания ухитрялся проглотить несколько глотков воды...

Как-то утром, после врачебного обхода и обычных госпитальных процедур, меня, успевшего снова задремать, разбудил незнакомый, очень приятный женский голос. Я открыл глаза, и сон мой как рукой сняло: в палате, у двери, стояла невысокого роста девушка лет двадцати. Мало сказать, миловидная — мне она показалась удивительно красивой. Под белым медицинским халатом легко угадывалась ладная фигурка. На ногах ее сверкали лаком маленькие черные туфельки. Меня, привыкшего видеть наших девушек обутыми в сапоги, как-то особенно удивили именно эти аккуратненькие туфли.

Не только я — вся палата как замороженная смотрела сейчас на незнакомку.

— Кто из вас Жигарев? — внимательно посмотрев на каждого из нас, спросила девушка. Кстати, этот вопрос она повторила уже дважды. — Что, нет у вас Жигарева?..

— Да вот он я! — наконец-то опомнившись, сказал пожилой боец Василий Жигарев.

— Вы Жигарев? — переспросила она, подойдя к его койке. — Тогда получите свои документы и распишитесь вот тут.

И, передав что-то дяде Васе, она, попрощавшись со всеми, вышла.

— Откуда такая красота явилась к нам в палату? — потрясенно спросил я.

— Как-то светлей вроде бы стало, а? Не замечаете? — поддержал меня сосед по койке.

«Вот бы познакомиться!» — подумал я и решил навести справки.

— Шурочка, кто это приходил сейчас к Жигареву? — как можно равнодушной спросил я у нашей медсестры Шурочки Невзоровой.

— Так это наша Тиночка, медсестра из регистратуры, вольнонаемная. А что, понравилась?

— А чем она там, в этой регистратуре, занимается?

— Хранит все ваши вещи, документы. Если кому что потребуется, можете обращаться к ней.

— Тогда она-то мне и нужна. А как ее найти?

— Ну, сегодня уже поздно, а завтра с утра попрошу ее зайти к вам. А что хотел-то?

— Да вот... — замялся я, — хочу попросить ее принести мой бумажник проверить, все ли там цело.

— Хорошо, завтра же я ее и приведу к тебе, Николаев.

Конечно же весь остаток дня у нас только и разговоров было, что о ней. Мы вспоминали мирные дни, своих родных, знакомых, близких. Хвалились чем могли — кто фотокарточкой, кто письмами любимых. У меня ничего такого не было...

На другой день я проснулся раньше обычного, часа за два до подъема, и стал ждать. Однако пришла она только после обхода врача.

— Кто меня хотел видеть?

— Я хотел! Подойдите, пожалуйста, поближе, — как можно спокойней и серьезней произнес я, хотя рот мой расплывался в улыбке. — Мне вас не очень видно и слышно плохо!

Она подошла к моей кровати.

— Какие будут ко мне вопросы, товарищ больной?

— Присядьте, пожалуйста, вот тут, я вам, Тиночка, сейчас все объясню! — набравшись храбрости, я с удовольствием произнес вслух так понравившееся мне ее имя. — Хочу попросить вас найти мой бумажник.

— Хорошо, я пойду поищу ваш бумажник. Как ваша фамилия?

— Николаев моя фамилия! Евгений Адрианович Николаев! Образца двадцатого года, снайпер четырнадцатого полка, старший сержант.

Через полчаса она уже протягивала мне мой собственный бумажник:

— Ваш? Возьмите, что вам надо, а остальное я положу обратно.

— Вы знаете, Тиночка, обидно, конечно, но это не мой бумажник! Мой не такой, он чуть побольше, тоже черный, но немного поновей этого...

— Не может быть! — растерянно произнесла она. — Я не могла перепутать! Такого не бывало... Хорошо, я пойду и посмотрю еще.

— Погодите, Тиночка! Я хочу еще вас попросить: вы не могли бы помочь написать маме письмо?

— Хорошо! Вот сдам смену и зайду. Значит, побольше этого, говорите?

Через несколько минут она вернулась и принесла другой и, конечно же, не мой бумажник.

— Знаете, Тиночка, а вот этот уж совсем не мой! Видно, зря я в тот не заглянул...

— Хорошо, — терпеливо ответила она. — Я принесу вам снова тот бумажник, и вы заглянете в него. Только это будет чуть попозже.

Вечером мы были с ней уже настоящими друзьями. И многое узнал я тогда о Тиночке.

Она жила со своей мамой тут же, в госпитале. Мама работала старшей медсестрой отделения. Папа был знаменитым моряком. У нее есть жених, зовут его Федя. Он где-то воюет, только не на нашем фронте. От него давно нет писем, и она не знает, что с ним. Нет, она не обиделась на мой розыгрыш с бумажником, когда я рассказал ей честно, что захотел просто познакомиться.

— Тиночка, вы не играете в шахматы? Хотите, я вас научу и мы поиграем?

— Хорошо, только завтра. Я буду совсем свободна от дежурства, достану и принесу вам шахматы. Ну, будем писать письмо? — напомнила она. — Я нашла для вас настоящий конверт и хорошей бумаги.

Она присела у тумбочки, стоявшей у моей кровати, и приготовилась писать.

Из письма с фронта в Тамбов матери

Дорогая мамуля!

Не удивляйтесь, что пишу не сам — так задумано!

Сейчас я снова на курсах. Живу в Ленинграде. Сплю в казарме, на настоящей койке, совсем как в мирное время!

Сколько я тут пробуду, еще не знаю. Возможно, с месяц. На днях узнаю, напишу.

Познакомился я тут с хорошей девушкой, мы подружались. Ее зовут Тиночка, а полное имя — Мелити-

на Николаевна. Хочу после войны показать ей наш Тамбов. Может, он ей понравится? Она уже мне обещала.

— Ну что вы выдумываете, Женя? Я писать брошу! У вас ни слова правды в письме, разве так можно? И что это я вам успела обещать?

— Сейчас можно и нужно так писать, Тиночка! У меня знаете какая мама? Она пешком в Ленинград проберется, если узнает, что я ранен. Зачем ее огорчать? Пусть живет спокойно, ей там и так несладко. Так что, продолжим?

— Да диктуйте уж...

Ну, мамуля, на сегодня хватит. Будем теперь писать Вам часто: и я один, и с Тиночкой вместе. Пишите мне на ее адрес, она работает в госпитале, это рядом.

Тиночку любил весь госпиталь. Да ее и нельзя было не любить. Полюбил ее и я... Но, зная о ее женихе Феде, я не признавался ей в своей любви. Шутя я называл ее своей сестренкой, не давал ее в обиду и не обижал сам.

Позже, когда я выздоровел и вернулся в полк, мы часто переписывались с Тиночкой. А когда мне приходилось бывать в Ленинграде по служебным делам, я находил время зайти в Александро-Невскую лавру и навестить Тиночку и ее маму. Они угощали меня кипятком, я приносил свои гостинцы. Но прежде всего я должен был доложить обеим, сколько я уничтожил фашистов за это время. Для них это было самым дорогим подарком.

Расстались мы с Тиночкой неожиданно: нашелся ее Федя, и она срочно уехала к нему — на Большую землю. Он был ранен и лежал где-то в госпитале. Мне она успела оставить короткую записочку.

Я не осуждал Тину за ее бегство, не имел на это никакого права. Однако мне ее долго здорово не хватало, этой милой девушки с голубыми глазами.

Когда ты на фронте и делаешь трудное дело, когда твоя жизнь находится в постоянной опасности, так хочется, чтобы был у тебя дорогой и любимый человек, ради которого ты мог бы пойти на любой подвиг, мог совершать только хорошие поступки.

До сих пор я свято храню в памяти образ своей первой любви. Она помогла мне жить в самое трудное блокадное время.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Накануне нового, 1942 года меня перевезли в госпиталь на Бородинскую улицу, в помещении которого до войны размещалась средняя школа.

Я был еще слаб, еще не сросся на моем животе шов после операции, плохо заживала рана и на руке. Но к середине января я уже мог сидеть на койке, а потом начал и вставать, потихоньку передвигаться.

Маленькая палата хирургического отделения госпиталя, в которую меня положили, была уютной и светлой. Вместе со мной в ней лежали еще трое. Одним из них был майор Петр Антонович Глухих, прокурор Ленинградского военного округа. Вторым — главный хирург этого же госпиталя. Он медленно умирал от истощения и физического переутомления. Третью койку в палате занимал белобрысый мальчишка лет шестнадцати из гражданских. Ему недавно ампутировали левую ногу, поврежденную при артобстреле города. Непоседливый, как все ребята его возраста, наш Серега бодро прыгал по палате на одной ноге от койки до койки без костылей, ухитрялся даже выскакивать таким образом в коридор, нарушая запрет врачей. Иногда он забывал, что второй ноги у него нет, и падал, теряя сознание. Не успевшие окончательно зажить швы расходились, рана кровоточила. И мы удивлялись: осталась ли в организме нашего

Сереги хоть капля собственной крови? Лицо его было белым, как новая, довоенная простыня.

Со временем нас осталось в палате только двое — Петр Антонович и я. Соседей наших унесли. В палату они, конечно, не вернулись...

Петр Антонович был ходячим больным. Постепенно начал выходить в коридор и я. Мне тяжело было находиться без дела, — я к этому не привык и поэтому старался найти себе любую работу. С удовольствием, например, помогал дежурной сестре, рабочий столик которой стоял почти у двери нашей палаты, составлять графики, отчеты и другие госпитальные документы.

Особенно подружился я со старшей медсестрой нашего хирургического отделения, всеми уважаемой Александрой Ивановной Кропивницкой, депутатом горсовета. Все свое время и силы она отдавала госпиталю.

Часто мы сживали с ней и ее дочерью Аленкой, студенткой первого курса 1-го Ленинградского медицинского института, почти моей ровесницей, в коридоре у стола дежурной медсестры и разговаривали о самом разном. С Аленкой мы тоже быстро нашли общий язык. Деятельная, подвижная, острая на язык, она была любимицей раненых. Кому почитает газету, кому под диктовку напишет письмо домой, с кем просто поговорит.

Однажды Аленка сообщила мне, что нашла в госпитале еще одного тамбовца. Им оказался... наш старшина, мой дружок Володька Дудин. Он лежал на третьем этаже (я был на первом), весь опутанный сложной конструкцией из проводов, бинтов и массы грузов — распятый, замурованный по шею в гипс. Надо было обладать большим мужеством, чтобы лежать

так несколько месяцев. Ну а мужества Володьке было не занимать.

Казалось, он чувствовал себя превосходно: бело-зубо улыбался, шутил, как всегда.

— Ну, Вовка, раз ты смеяться не разучился, поживем еще, а?

— Нас, тамбовских, не перешибешь! Мы еще повоюем! — ответил Дудин.

Я пристроился на краешек Володиной койки, и мы увлеклись, ударились в игру: «А помнишь?..»

Однажды я попросил Аленку вывести меня на улицу, на морозец, — захотелось подышать свежим воздухом. Она достала мне одежду и провела черным ходом во двор. Едва мы ступили с нею на снег, как я, к своему стыду, почти упал — повис у нее на плече, не успев сделать и двух-трех шагов.

— Ничего, ничего, это пройдет! Это от свежего воздуха, с непривычки! — сказала Аленка.

Обморочное состояние у меня и, правда, скоро прошло, и мы медленно направились через весь двор по заранее протоптанной ею же тропинке за ворота. Стояли мы там недолго. Но за это короткое время я многое увидел и только теперь, кажется, понял, что такое настоящее горе, что такое блокада. Мимо нас проехали несколько грузовых машин с наращенными кузовами. Они везли мертвых. Молодых и старых мужчин и женщин, детей, окоченевших, умерших в своих квартирах от голода и холода, убитых на улицах осколками фашистских бомб и снарядов, извлеченных из-под обломков рухнувших домов, не дошедших с работы до порога своего дома...

— Пойдем, Аленка, хватит, — хрипло сказал я.

Мне мучительно захотелось поскорее вернуться в полк, чтобы снова взять в руки свою винтовку и мстить, мстить, мстить фашистам за все страдания ленинградцев.

Сестра-хозяйка нашего хирургического отделения завела меня в свою каптерку:

— Одевайтесь, больной! — и показала на новенькое командирское обмундирование, лежавшее на стуле.

Ничего не понимая, но привыкший подчиняться, я натянул на себя диагональную гимнастерку, синие га-лифе, хромовые сапоги.

«Ну прямо как на смотрины!» — подумал я. И не ошибся.

— Готов, жених? — спросила сестра, придирчиво осмотрев меня со всех сторон, и добавила: — А теперь пошли.

— Куда, сестричка? — робким, неприятно-вкрадчивым голосом спросил я в надежде выяснить наконец, что все это значит.

— К начальнику госпиталя пойдём.

— Почему к начальнику? Это что, на выписку?

— Много будешь знать — скоро состаришься! — отрезала она.

Сестра открыла дверь с табличкой: «Начальник госпиталя» и, пропустив меня вперед, доложила:

— Товарищ начальник, больной Николаев по вашему приказанию доставлен. Разрешите идти? — И, получив разрешение, вышла.

Я стоял, потихоньку осматриваясь. В кабинете находились начальник госпиталя и двое незнакомых — высоких, тоже в белых халатах, но только внакидку.

— Проходи, Николаев, присаживайся! — услышал

я голос начальника госпиталя. — Расскажи-ка товарищам, как себя чувствуешь.

— Отлично, товарищ начальник. Здоров, почти свободно передвигаюсь и очень вас прошу направить меня обязательно в свою двадцать первую дивизию, в свой полк.

— Э... Не то говоришь! Ты же еще и ходить-то как следует не можешь, и слаб еще, и шов пока не сросся. Товарищ полковник, — обратился начальник госпиталя к одному из двух незнакомых мне командиров, — сегодня он нетранспортабельный. А вот недельки через две — пожалуйста.

— Ну что ж, рады были познакомиться, товарищ старший сержант. Выздоровляйте! Мы еще зайдём к вам, — сказал таинственный полковник. — А пока свободны, отдыхайте, старший сержант!

Прошло десять дней. И снова старшая сестра принесла мне обмундирование. Только теперь она дала мне еще и шинель, шапку-ушанку, меховые рукавицы. Я стал нервничать: долго возился, пришивая свежий подворотничок к гимнастерке да прилаживая к петлицам шинели красные треугольнички старшего сержанта и эмблему пехотинца — белую эмалевую мишень с двумя крест-накрест винтовками на ней. Потом надраил до блеска каждую пуговицу. Но вот все было готово. Мы спустились к подъезду.

Там стояла черная «эмка». Открылась задняя дверца, и кто-то произнес:

— Прошу! Давно ждем.

Я с трудом забрался и сел. Рядом сидели известные уже мне полковники. Мы поздоровались как старые знакомые.

— Поехали! — приказал шоферу один из них. — Жми теперь побыстрее, только не очень тряси.

Рванув с места, машина уверенно понеслась по заснеженным, промерзшим улицам Ленинграда. По пути, по привычке разведчика, смотрю по сторонам, стараюсь запомнить ориентиры.

— Разрешите спросить, куда едем?

— Какой любопытный! Да ты не волнуйся, скоро сам все узнаешь.

Машина остановилась. Все вокруг было сверху затянуто камуфляжной маскировочной сеткой. «Когда же я тут был, когда это уже видел? Почему знаю, но не помню? — лихорадочно пронеслось у меня в голове. — Вот два павильона, такие простые и выразительные по форме, с отличными пропорциями... Да это же... Это же парадный въезд в Смольный!»

— Так это же Смольный, товарищи! — с облегчением вырвалось у меня. — Я по картинкам и фильмам хорошо помню это здание. Смольный!

— Что, узнал? Молодец! Бывать тут раньше не приходилось?

Оба полковника улыбнулись, видя мою растерянность и радость одновременно.

— Никак нет, не приходилось. Но вот тут, перед фасадом, должен быть памятник Ленину. Где же он?

— Заложен мешками с песком, спрятан от артобстрела. Вот двинем немца от Ленинграда, откроем снова! Пошли, товарищи.

Поднявшись по широким ступеням, мы прошли мимо козырнувшего нам дежурного командира и двух красноармейцев, стоявших с автоматами у входа в здание.

«Майор стоит! Ну дела... Да и немудрено, ведь тут теперь штаб Ленинградского фронта».

Полковник что-то сказал дежурному майору, показал документ. Тот утвердительно кивнул.

— Пойду доложу, — сказал один из «моих» полковников и пошел куда-то вверх по лестнице.

— Пойдем и мы, старший сержант, подождем немного в приемной, скоро нас пригласят, — сказал второй.

Ждали мы минут семь, не больше.

— Ну, пошли, Николаев, — сказал полковник.

Я поднялся, расправил за поясом складки на гимнастерке, кое-как пригладил волосы и шагнул в распахнутую дверь.

Мы очутились в просторном кабинете. Я осмотрелся. У дальней стены между двух окон стоял большой письменный стол, покрытый зеленым сукном. На нем — массивный малахитовый письменный прибор. У стен — заполненные книгами застекленные шкафы, над ними — портреты Маркса, Энгельса, Ленина. У стола — два кожаных кресла, а между ними — маленький полированный столик.

Хозяин кабинета продолжал стоя что-то писать в блокноте, склонившись над столом. Он посмотрел на нас, молча пригласил подойти поближе и в то же время, не бросая ручки, которой продолжал писать, пальцем сделал знак, явно предлагавший секундочку подождать, помолчать. Закончив писать, распрямился, положил ручку на чернильный прибор и произнес:

— Извините, теперь все. Прибыли, значит?

— Так точно! Ваше приказание выполнено, Андрей Александрович. Мне разрешите идти?

— Да-да, благодарю вас, товарищ полковник. Вы

свободны. — Потом, обращаясь ко мне, спокойно так произнес: — Ну, здравствуйте, товарищ Николаев. Присаживайтесь вот сюда, располагайтесь поудобнее. — И протянул мне руку.

Я пожал ее и вдруг, совсем уж не к месту, выпалил, вытянувшись по стойке «смирно»:

— Здравия желаю! Спасибо, товарищ... — и занялся, не зная, как быть дальше. Назвать его Андреем Александровичем, как тот полковник, я не имел права, а фамилии его не знал. Не было на нем и спасительного в таком случае военного мундира, глядя на который я мог бы назвать его по званию. Выручил меня сам хозяин, увидевший, в каком я состоянии:

— Жданов. Можно Андрей Александрович, — представился он. — Вот, теперь будем знакомы, товарищ Николаев? — И снова протянул мне руку. — Будем знакомы! — еще раз повторил он. Усадил меня в мягкое кресло, сам сел напротив.

С минуту мы сидели так, молча, внимательно изучая друг друга. Он, видимо, давал мне возможность прийти в себя, не торопил с разговором.

Передо мной сидел плотный, но, видимо, успевший здорово похудеть, невысокого роста мужчина лет сорока пяти. Одет он был в защитного цвета френч с орденом Ленина на груди. Прямой нос, небольшие черные усики и такого же цвета волосы. Под глазами резко обозначились мешки от сильного переутомления и недосыпания. Глаза большие, умные, серьезные и в то же время добрые, располагающие.

Андрей Александрович улыбнулся, и я ясно вспомнил его лицо, не раз виденное на портретах, и оробел: «Ну как же я сразу-то не догадался? Это же он и есть, тот самый товарищ Жданов, член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК и первый секретарь Ленин-

градского областного и городского комитетов партии, член Военного совета фронта!»

Жданов молча улыбался, глядя на мое смущение.

— Ну как, освоились немного, товарищ Николаев? — наконец заговорил он. — Уверен, что на переднем крае вы чувствуете себя куда свободнее! Ничего. Вы не стесняйтесь! Я о вас и ваших делах слышал много, а вот теперь нам представилась возможность немного поговорить, так сказать, вплотную. Ну, расскажите о себе: как здоровье, как вас лечат, как вам воюется, как ведут себя немцы на переднем крае? Видите, сколько вопросов к вам? Теперь попробуйте на них мне ответить.

— Хорошо, Андрей Александрович. Здоровье отличное, лечат нас в госпитале хорошо, так что скоро я вернусь в свой родной полк и снова буду бить фашистов, как прежде...

— Вы о своем опыте, о том, как начали уничтожать фашистов, расскажите поподробней. И о себе тоже. Вы ведь до войны работали в театре? Художником?

«Откуда это ему все известно?» — удивился я. И, немного подумав, начал рассказывать.

Я рассказал ему о себе и о своих товарищах. Старался говорить покороче — только о самом главном и интересном. Андрей Александрович внимательно слушал, не перебивал меня, только изредка, когда хотел что-либо уточнить, задавал вопросы, направлял нашу беседу. Его интересовало, кажется, все: и как мы питаемся, и как одеты, какие у нас командиры, и многое другое. Разговаривать с ним было очень легко.

— Ну а трудно вам когда-нибудь бывало? Страшно, например?

— Бывало всяко, Андрей Александрович. Ведь снайпер — он тоже человек со своими слабостями.

Бывает порой и страшновато, когда ты один на один остаешься с фашистом. Но это быстро проходит, особенно когда близко увидишь его рожу да подумаешь, что не человек это перед тобой, а бандит и зверь. Обозлишься сразу и про все остальное забудешь. Главное — перебороть страх, если он появится. Тогда все становится проще, легче.

— А на какое расстояние вы обычно стреляете? Как близко подходите к противнику?

— А это зависит от того, как ты сумеешь перехитрить фашиста. И, само собой, от местности зависит. Мое любимое расстояние — шестьдесят-сто метров от их траншей. Чем ближе к немцам, тем, по-моему, безопасней: и их хорошо видно, и есть гарантия уцелеть от попадания немецкого снаряда.

— А не взялись бы вы, товарищ Николаев, написать обо всем этом? Чтобы ваш опыт стал достоянием всего нашего фронта. Да и не только нашего! Пусть и другие товарищи поучатся у вас. Как сумеете. Своими словами и о самом главном. Об остальном не беспокойтесь — вам помогут наши политработники.

— Постараюсь, Андрей Александрович, хотя, кроме сочинений в школе да статей в стенгазету, писать мне не приходилось.

Товарищ Жданов посмотрел на часы и сказал:

— Что ж, поговорили мы хорошо.

Он нажал какую-то кнопку, и в кабинет вошла девушка с белой, аккуратной наколкой на голове, похоже, официантка из столовой. Она вопросительно посмотрела на товарища Жданова.

— Ниночка, угостите-ка нас горячим чайком, пожалуйста!

Я смутился:

— Не беспокойтесь, Андрей Александрович, я ведь совсем недавно в госпитале плотно поел.

— Ну нет... Вы сегодня мой гость. И не сочиняйте, знаю я, как вы «плотно» поели!

Ниночка молча вышла и вернулась с подносом. На нем стояли два стакана жиденько заваренного, но горячего чая. В двух розетках для варенья лежало по два кусочка пиленого сахара, а на маленьких тарелочках — по паре ломтиков черного блокадного хлеба. Ломтики эти были до того тонки, что, когда я взял один из них, он сразу же переломился у меня в руках и упал бы, не подхвати я его вовремя.

Выпив с удовольствием горячего чая, я поблагодарил товарища Жданова за угощение.

— Нет, это вам спасибо за хорошую службу Родине и за исчерпывающий рассказ, — сказал Андрей Александрович. — Двадцать второго февраля у нас в Смольном состоится слет снайперов фронта. Надеюсь, вы будете среди его участников, товарищ Николаев. А пока поправляйтесь, окончательно поправляйтесь. И не забывайте о моем предложении поделиться своим опытом, — сказал он, вставая. — Это нам сейчас вот как нужно! — И он выразительно провел ребром ладони по горлу. — Так что успеха вам! Будет готова рукопись — приезжайте, заходите прямо ко мне. Помощь моя в чем понадобится — не стесняйтесь, звоните. Вот вам телефоны на всякий случай. — И он протянул мне листок из блокнота, на котором крупно и разборчиво были написаны два телефонных номера. — А об остальном я распоряджусь. Ну, будьте здоровы! — И он снова нажал на невидимую кнопку в столе.

На этот раз вошел мой сопровождающий.

— Товарищ полковник, прошу вас отправить на

машине в госпиталь нашего снайпера, и распорядитесь там, как я говорил. Создайте товарищу Николаеву все условия: ему предстоит важная и срочная работа. Будете продолжать над ним шефство. Я дал Николаеву и ваш телефон.

— Слушаюсь, Андрей Александрович! Будет исполнено! — Полковник щелкнул каблуками, вытянувшись по стойке «смирно». — Разрешите идти?

— Да, пожалуйста. Ну, еще раз успеха вам! Мы хорошо поговорили, отдохнули, теперь будем работать! — И товарищ Жданов снова на прощание пожал мне руку.

— Ну, рассказывай! Где был? — накинулись на меня с вопросами товарищи по палате.

— Был в Смольном, пил чай с Андреем Александровичем Ждановым.

— Да ну! О чем разговор-то был? Да не томи, рассказывай!

Слушали меня внимательно, не перебивая, и только когда я закончил свой рассказ, посыпались вопросы: как выглядит товарищ Жданов, как одет, как разговаривал со мной и так далее. Все их интересовало!

Я охотно ответил на все вопросы: мне и самому хотелось еще раз все пережить, чтобы эта встреча запомнилась на всю жизнь.

В этот же день мне принесли стопку тетрадей в клеточку и с десяток карандашей «Тактика». Предупредили, что по мере надобности машинистка хозчасти госпиталя будет находиться в моем распоряжении.

С жаром взялся я за работу. Надо было не только все потолковой изложить, но и уложиться в срок. Что и говорить, задача для меня была не из легких.

Все свободное от процедур время, прихватывая

порой и ночь, сидел я в палате или за столом дежурной медсестры в коридоре и усиленно писал. Писал о том, что знаю, что сам пережил и испытал. Как умел, изложил, кажется, все. Привел примеры из жизни и работы наших снайперов — моих друзей и учеников. Написал и о том, что нужно для успешной работы снайпера: как его одеть, снарядить, чтобы ему было тепло, легко и удобно. Сказал и о специальных карточках-книжках для учета уничтоженных фашистов, об особых пропусках для сверхметкого стрелка — разрешении ходить по территории всей дивизии, когда это бывает необходимо. Упомянул и о неправильном использовании снайпера в обороне, что иногда случалось, и об эффективном использовании его в бою.

Когда рукопись, на мой взгляд, была готова, обсуждена и одобрена в палате, еще раз окончательно вычитана и обработана мной, а потом и перепечатана на машинке, я позвонил из кабинета начальника госпиталя по оставленному мне номеру телефона.

В Смольный мы отправились вдвоем. Проводить до Политуправления Ленинградского фронта меня вызвался майор Петр Антонович Глухих, уже выпи- санный к тому времени из госпиталя.

В Смольном с его помощью мы быстро нашли человека, которому нужно было сдать рукопись. И только тогда я с облегчением вздохнул, когда передал ее из рук в руки.

В тот же день там же, в Политуправлении, мне вручили новые именные часы — точную копию тех, что побывали в моем животе, только надпись на крышке часов была уже другая: «От Политуправления Ленинградского фронта снайперу Николаеву». Вместе с часами я получил и пригласительный билет на первый слет снайперов фронта в Смольном.

НА СЛЕТЕ СНАЙПЕРОВ

22 февраля 1942 года с пригласительным билетом в кармане я уже самостоятельно шагал из госпиталя в Смольный. Сопроводить меня туда на этот раз вызвалась наша Аленка.

— Ты еще слаб, да и плутать будешь один, опоздаешь, чего доброго. А я хорошо знаю город и проведу тебя коротким путем, — сказала она тоном, не терпящим возражений. Доводы Аленки были убедительны, а действия одобрены нашей госпитальной палатой и, главное, старшей медсестрой отделения Александрой Ивановной, ее мамой.

Город Аленка действительно знала очень хорошо. Времени до 15.00 оставалось в обрез. Мы торопились: рассчитывать приходилось только на собственные ноги. По дороге нам встречались троллейбусы, стоявшие у обочин широких улиц города, занесенные снегом. Транспорт в Ленинграде не работал: электроэнергии, питавшей до войны троллейбусы и трамваи, теперь не было.

К Смольному, как ни торопились, мы подошли едва-едва к сроку. Мужественная Аленка, пожелав мне удачи, тут же повернула обратно: ей предстоял неблизкий путь. А я с замиранием сердца уже протягивал дежурному по Смольному свой пригласительный билет.

— Почему опаздываете и почему один? — строго спросил он, рассматривая пригласительный. — А ваши документы?

— Документов у меня нет, вот только это... Я из госпиталя, меня пригласил товарищ Жданов, — попытался я объяснить дежурному. — Можете позвонить, там подтвердят! — И я протянул ему листок с номерами телефонов, написанными рукой Андрея Александровича Жданова.

Дежурный начал названивать, и, на мое счастье, все выяснилось очень быстро — буквально через пару минут я сдавал на вешалку шинель. Раздевшись и приведя себя в порядок перед огромным зеркалом, я поднялся по лестнице.

В коридоре было пустынно. Редко-редко мимо меня пробежали задержавшиеся где-то бойцы в закопченных войной гимнастерках и скрывались за дверью Шахматного зала. Мне было неловко перед ними в своем новом, с иголки, обмундировании, и я стоял, нерешительно озираясь вокруг.

Вот, оживленно разговаривая, прошли мимо два бойца, направляясь в зал. Один из них показался мне знакомым.

— Юрка! Семенов! — в отчаянии крикнул я. — Подожди-ка меня!

Оба, остановившись, удивленно посмотрели в мою сторону, потом подошли поближе, и Семенов кинулся ко мне.

— Женька! Здорово! Откуда ты взялся? — И вдруг, не дослушав меня, бросился в зал, скрылся за дверью.

— Что это с ним? — спросил я бойца.

— Сам не понял, — ответил он.

Мы разговорились. Оказалось, что боец — снай-

пер из 6-го полка нашей, 21-й дивизии. Я узнал, что на слет явилась большая группа — человек тридцать — наших. И он стал перечислять знакомые фамилии. Но договорить так и не успел: из зала вышла группа ребят, которых я сразу узнал.

Во главе группы быстро шагал Юрий Семенов, а за ним, улыбаясь, шли мои верные друзья и напарники по работе — снайперы Иван Добрик, Иван Карпов, Загид Рахматуллин, Сергей Корчагин, Алексей Шестерик и другие наши ребята.

— Смотрите-ка, а ведь это и правда наш Женька! Жив, значит? — И Иван Карпов стиснул меня что есть силы.

— Николаев! Здоровэньки булы, земляк! — обнимал меня Добрик.

За ними начали тискать меня и остальные. Они хлопали меня по спине, плечам и рукам, как будто хотели испытать на прочность, убедиться, что я живой.

— Пойдем с нами, там найдем место и для тебя, — сказал Юра Семенов и потащил меня за собой в зал. За нами двинулись и остальные ребята.

Все мы были в приподнятом настроении и от нашей встречи, и от той обстановки, в которую попали, — ребята прямо с переднего края, а я из госпиталя. От того, что все мы находились сейчас в Смольном.

Мне не терпелось узнать, как там дела в полку, все ли наши живы-здоровы, каковы успехи друзей, что делается на переднем крае, но поговорить об этом было уже некогда: из боковых дверей к столу президиума шли люди в военных и гражданских костюмах.

— А я, ребята, от вас, пожалуй, больше не уйду! — успел шепнуть я.

— Да не отпустят тебя из госпиталя!

— Не отпустят добром — сбегу! В полку долечат!

— Тогда давай сразу к нам. Мы на Литейном, в Доме Красной Армии остановились.

Как только члены президиума расселись за столом и в зале утихли аплодисменты, наступила полнейшая тишина. Слово было предоставлено члену Военного совета Ленинградского фронта, дивизионному комиссару Кузнецову.

— Товарищи! — начал он. — Завтра вся страна отмечает День Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Мы собрались с вами, чтобы вместе со всей страной встретить этот знаменательный для Родины день...

Говорил он недолго — время военное! Рассказав коротко о рождении и славном боевом пути нашей армии, Кузнецов отметил значение ее в наше тяжелое время, время войны с фашизмом. Потом сказал о том, что на нашем фронте в войсках родилось снайперское движение истребителей фашистов, о необходимости этого дела в период позиционной войны против немецких захватчиков, назвал фамилии лучших из лучших истребителей фашистской нечисти.

Выступивший вслед за ним Андрей Александрович Жданов назвал снайперов подлинными героями Великой Отечественной войны, призвал сделать снайперское движение массовым.

— Мы рады были доложить Центральному Комитету ВКП(б) о том, что только за двадцать дней января делегатами слета — участниками боевого соревнования, снайперами-истребителями было уничтожено более семи тысяч немецких солдат и офицеров, — сказал товарищ Жданов.

Громом аплодисментов были встречены его слова.

— Указом Президиума Верховного Совета Союза

ССР от шестого февраля сорок второго года, — продолжал товарищ Жданов, — передовым воинам нашего фронта присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Имена лейтенанта Козлова, младшего лейтенанта Яковлева, старшины Вежливцева, сержанта Пчелинцева, красноармейцев Голиченкова, Смолячкова, лейтенанта Фомина, заместителя политрука Калинина, старшего сержанта Лоскутова, старшего лейтенанта Синявина известны всему нашему фронту.

Лейтенант Николай Андреевич Козлов лично уничтожил свыше трехсот фашистских солдат и офицеров. Беспощадно истреблять фашистскую нечисть стало святым делом заместителя политрука Калинина: сто пятьдесят пять немецких захватчиков уничтожил этот славный воспитанник Ленинского комсомола, пламенный советский патриот, народный герой. Вечную славу и уважение советского народа заслужили коммунист сержант Лоскутов, истребивший сто семнадцать гитлеровцев, коммунист гвардеец старший лейтенант Синявин, отправивший на тот свет сто девяносто фашистских солдат и офицеров.

Бойцы нашего фронта должны учиться у героев искусству неотразимо бить врага. Опыт передовых истребителей надо сделать достоянием всех бойцов фронта, чтобы росли новые тысячи мастеров меткого огня. Задача сейчас состоит в том, чтобы от отдельных истребителей перейти к созданию отделений, взводов и рот истребителей. За это ответственное и почетное дело должны взяться все бойцы, командиры и политработники фронта.

Пусть награда, которой удостоились наши лучшие боевые товарищи, вдохновит всех на новые подвиги. Пусть растет слава советского оружия, пусть множат-

ся ряды героев советской земли! — под гром аплодисментов закончил товарищ Жданов.

Затем началось вручение наград названным героям.

Первым было названо имя снайпера Феодосия Смолячкова, которому это высокое звание было присвоено посмертно.

Феодосий Артемьевич Смолячков, снайпер 13-й стрелковой дивизии, уничтоживший 126 патронами 125 фашистов, погиб 15 января 1942 года.

К столу президиума подходили наши герои, и товарищ Жданов сам вручал награды. Золотую Звезду Героя и орден Ленина он прикреплял к гимнастерке тоже сам — каждому из них.

Среди удостоенных высокого звания был и мой земляк Владимир Пчелинцев, уничтоживший 102 фашистов. Снайпер Вежливцев уничтожил 134 фашистов, а Голиченков — 140.

Начальник штаба фронта генерал-майор Гусев встал и торжественно, делая большие паузы после каждого слова, начал зачитывать приказ войскам Ленинградского фронта:

— От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за проявленную инициативу в развертывании боевого соревнования за истребление немецких захватчиков, образцовое выполнение заданий командования по уничтожению живой силы и техники врага и проявленные при этом доблесть и мужество... награждаю!.. — Он выделил это слово, сделал небольшую паузу, посмотрел в зал и после этого громко произнес: — Орденом Ленина! Заместителя политрука Бабина Александра Владимировича!

Помощник начальника штаба фронта протянул товарищу Жданову, так и стоявшему все это время ме-

жду столом президиума и трибуной, красную коробочку и такую же красную книжечку. Андрей Александрович посмотрел в зал и сказал:

— Товарища Бабина прошу подойти ко мне.

На авансцену поднялся и подошел к товарищу Жданову Александр Бабин, пожал протянутую ему руку, а другой взял из рук Андрея Александровича красную коробочку. Повернувшись потом лицом к залу, громко отчеканил:

— Служу Советскому Союзу! — И зал взорвался аплодисментами.

Вслед за Бабиным к столу президиума стали подходить один за другим названные в алфавитном порядке награжденные. Девятым среди них был назван наш тамбовский комсомолец Юрий Семенов.

Всего награжденных орденом Ленина мы насчитали двенадцать человек. Пять из них были бойцами нашей 21-й дивизии.

— Орденом Красного Знамени! — снова торжественно произнес генерал и стал называть фамилии награжденных. Они поднимались со своих мест и направлялись, красные от волнения и смущения, к столу.

Нет, не все подходили к столу президиума: многие в это время лежали в госпиталях, а некоторым не довелось дожить до этой торжественной минуты. Они погибли, так и не узнав о своем награждении. Володе Дудину, нашему старшине и снайперу, орден Красного Знамени вручили прямо в госпитале, в этот же самый день.

Вот уже вручили орден Красного Знамени Ивану Добрику, вернулся с таким же орденом и Иван Карпов. Я поздравляю своих друзей, помогаю им привинтить к гимнастеркам ордена.

— ...Орденом Красного Знамени... Николаева Евгения Адриановича!.. — вдруг услышал я.

Я сижу как привязанный к креслу, не решаюсь подняться: «А вдруг это не меня?! Вот конфуз будет, если поднимутся два Николаевых!..»

— Да иди же ты! Чего сидишь? Тебя же вызывают!.. — шипит на меня Иван Карпов.

Растерянный... поднялся я с места и направился по широкому проходу к столу.

— Нашелся Николаев? — улыбаясь, говорит товарищ Жданов, протягивает мне коробочку с орденом и пожимает руку.

Не выпуская моей руки, он говорит, обращаясь в зал:

— Товарищ Николаев пришел к нам из госпиталя. Пожелаем же ему скорейшего выздоровления! А после госпиталя снова бить фашистов так же хорошо, как бил до своего ранения. Поздравляю вас, товарищ Николаев, с наградой!

— Служу Советскому Союзу! — громко отвечаю я на аплодисменты сидящих в зале. И тихо, только товарищу Жданову, говорю: — Спасибо, Андрей Александрович!

Зал аплодирует. Товарищ Жданов опять пожимает мне руку и тоже только мне говорит:

— Ну, а сказать ничего не хочешь?

— Скажу, Андрей Александрович!

Он поднимает руку и успокаивает сидящих в зале. Как только в зале наступила тишина, Андрей Александрович сказал:

— Внимание! Слова просит снайпер Николаев! — И он кивнул мне, указав глазами на трибуну.

Волнуясь, подхожу к трибуне и останавливаюсь рядом: боюсь, в ней утону, до того она велика для ме-

ня. В голове много мыслей, хороших, теплых слов, которые хотелось бы сказать сейчас, но чувствую, могу от охватившего меня волнения сбиться, да и говорить-то долго нельзя, решаю сказать как можно покороче. Немного постоял, закрыв глаза, подумал, чуть успокоился, и... нужные слова как-то сами собой нашлись.

— Товарищи! Спасибо партии и правительству за высокую награду, я ее оправдаю. Клянусь, что, пока бьется мое сердце, пока видят мои глаза, а руки крепко держат винтовку, буду бить фашистскую чуму. Я убил семьдесят шесть фашистов. Это мало. Обещаю уничтожить их триста! И я это сделаю! И буду обучать этому своих товарищей! — закончил я.

— Молодец, хорошо сказал! — смеется товарищ Жданов. — Коротко и ясно! Молодец!

Довольный, что не сбился и сказал именно то, что чувствовал, о чем думал и хотел сказать, под аплодисменты сидящих в президиуме, а затем и всего зала возвращаюсь на свое место, где меня ждут друзья. Иван Добрик на ходу жмет мне руку, тянутся еще несколько пар рук, даже незнакомых, а Иван Карпов уже вынимает из коробки сияющий золотом и бело-красной эмалью орден, прикрепляет его мне на грудь.

Пока мы поздравляли друг друга да рассматривали и привинчивали ордена к гимнастеркам, в президиуме объявили:

— Товарищи! Продолжение нашего слета состоится после часового перерыва в Доме Красной Армии имени Кирова, куда участники следуют своими командами.

Меньше чем через час мы были уже на Литейном, в ДКА. Когда шли по городу, казалось, что весь Ленин-

град смотрел сегодня на нас, через шинели видел наши ордена.

— Привести себя в порядок, почистить сапоги — и в зал! Сбор через пятнадцать минут! — объявил нам старший команды в общежитии.

В большой комнате, выделенной для нашей дивизии, вплотную друг к другу стояло около двадцати коек. Сейчас на них лежали какие-то кульки.

— Ну, Евгений, устраивайся. Вот эта койка свободна, — сказали мне ребята. — Переночуем, а послезавтра с нами прямо в полк!

— Договорились! Только я завтра в госпиталь на минутку заскочу, там у меня кое-что осталось, да и попрощаться надо с народом.

— Сходи, конечно, орден покажи! Ну пошли, звали уже!

— Подожди, давай посмотрим, что за кульки такие нам оставлены.

Оказывается, это были подарки, присланные войнам Ленинградского фронта с Большой земли. Я заглянул в свой. Прежде всего бросилось в глаза письмо, все испещренное в конце неразборчивыми подписями. Как я понял, текст письма был написан работниками какого-то райкома партии. Это они собрали посылку, поздравили меня и всех воинов с праздником, желали скорейшей победы. Обидно, что они не оставили своего адреса и я не мог их поблагодарить.

В коробке лежали пять пачек папирос «Беломорканал», две книги, шерстяные носки и такие же перчатки, в бумаге были завернуты орехи, несколько пряников и конфет. Но самым дорогим для меня оказался подарок от детей детского сада — огромный носовой платок с бахромой из красных ниток. По четырем его

углам были вышиты имена: Оля, Вася, Лида, Вова. А в центре — слово «Подарак». И это слово с ошибкой особенно трогало.

— Пора, пора, ребята! Кончайте встречу с Большой землей! — произнес старший команды, и мы не без сожаления свернули свои кульки.

Гремела музыка, и под звуки духового оркестра, которого мы давно не слышали, гости поднимались по широкой мраморной лестнице и проходили в просторное фойе. Там давал концерт фронтной ансамбль красноармейской песни и пляски при ДКА имени Кирова.

Среди артистов ансамбля, собранных из частей фронта, я увидел и своих, переведенных сюда из нашего дивизионного ансамбля. Во фронтном ансамбле работали наша «прима» Валя Кайкова с подругой и другие девчонки и парни, с которыми я был в большой дружбе. Начальником нашего клуба был толковый парень, политрук Александр Данилович Черкасов, с которым мне, бывшему работнику драмтеатра, было о чем поговорить в свободную минуту.

На стене широкого коридора мы увидели несколько портретов, над которыми была надпись: «Лучшие снайперы Ленинградского фронта». Среди них оказалась и моя фотография, на которой я был запечатлен с автоматом в руках. «Когда это меня сфотографировали? И почему с автоматом? Это, наверное, когда я в разведке был!» — догадался я. Рядом с моим был портрет Ивана Добрика. Под портретами — длинные подписи. О себе я прочел: «Е.А. Николаев — старший сержант. Секретарь комитета ВЛКСМ, смелый, инициативный Снайпер и разведчик. Неоднократно пробирался в расположение противника и выполнял

сложные задания командования. Только за один день уничтожил 11 фашистских разбойников. Всего тов. Николаев истребил 76 немецких псов».

Мы поняли, что командование фронтом и организаторы слета решили сделать как можно больше приятных сюрпризов.

Нам объявили, что сейчас выступит знаменитая эстрадная певица, репертуар которой знал и пел весь Советский Союз. Это была Клавдия Ивановна Шульженко с ее джазом. Она, как и многие артисты театра и эстрады, осталась в осажденном Ленинграде — давала концерты населению блокированного города, воинским фронтовым частям.

Джазом дирижировал муж Клавдии Ивановны — Владимир Коралли — симпатичный, выше среднего роста, в меру полноватый, весь такой «уютный» товарищ в военной, без знаков отличия форме, с маленьким браунингом на боку.

Клавдия Ивановна спела несколько известных и любимых всеми песен и пару новых, родившихся уже теперь, в осажденном Ленинграде. И каждую песню она повторяла дважды, на «бис».

Мы не отпустили бы певицу с эстрады, если бы ведущий концерта Владимир Коралли не заявил:

— Товарищи, не волнуйтесь! Клавдия Ивановна еще будет петь, я вам это обещаю твердо. А пока вас приглашают в другое помещение, где мы и продолжим наш торжественный вечер.

Все с сожалением встали и пошли в «другое помещение».

На ходу нас, команду 21-й дивизии, «на минутку» перехватили и пригласили зайти в один из малых залов. Там выстроили и зачитали приказ:

«Политуправление Ленинградского фронта награждает боевым оружием — именными снайперскими винтовками товарищей...» И нам, снайперам Добрику, Карпову, Рахматуллину и мне, вручили новые именные снайперские винтовки с металлической табличкой на ложе, с выгравированной на ней надписью. Я прочитал на своей винтовке: «Истребителю фашистов снайперу Николаеву Е.А. от Политуправления Ленфронта. 22.2.42 г.».

— Служим Советскому Союзу! — хором ответили мы на приветствие представителя Политуправления. Опустившись на колени и держа винтовки в вытянутых руках, поцеловали их и поклялись бить из этого оружия фашистов метко, много — до полной победы над ненавистным врагом.

Возбужденные от только что пережитого, направились мы в таинственное «другое помещение». Им оказался огромный зал, в котором гремела музыка.

— Товарищи, прошу к столу!

Да... Услышать в то блокадное время такую фразу можно было только во сне.

В большом зале, от стены до стены, буквой «Ш» были составлены длинные столы, покрытые белоснежными скатертями. А на столах!.. В тарелочках — настоящий винегрет из красной свеклы, капусты и картошки по две-три ложечки на человека. Два бутерброда — со шпротинкой и с черной икрой. Хлеб, конфеты, папиросы, бутылки с водкой, пивом и лимонадом — две «наркомовские нормы» на брата. Все это чинно расставлено, блестяще сервировано.

Когда все расселись, оказалось, что я сидел в углу перпендикуляра из столов — мог видеть сразу и всю свою команду, и тех, кто сидел за столом, образуя-

щим основание буквы «Ш»: командование фронтом, наших новых героев и Клавдию Ивановну Шульженко. Почти рядом с Шульженко сидел смущенный, еще не освоившийся со званием Героя Володя Пчелинцев.

Когда в зале наступила полнейшая тишина, со своего места поднялся командующий:

— Товарищи! Сегодня у нас с вами двойной праздник: мы отмечаем со всей страной годовщину Красной Армии и чествуем наших героев — истребителей фашистов. И мне понятно ваше удивление, когда вы смотрите на эти накрытые по-праздничному столы. Это подарок вам, защитникам Ленинграда, от Большой земли. Родина нас не забывает! Так поднимем же наши бокалы и выпьем за нашу любимую Родину, за Коммунистическую партию, за родное правительство, за героический наш народ и нашу Победу, которая обязательно придет.

Все встали и дружно грянули «ура!».

А потом были еще тосты, еще речи и снова тосты, хотя давно все было выпито, а тарелки опустели.

Выбрав удобный момент, со своего места встал Володя Пчелинцев и, обращаясь к Шульженко, сказал:

— Клавдия Ивановна, вы обещали нам спеть. Если, конечно, не очень устали...

— Как не спеть героям? Володя, давай музыку! — тут же отозвалась Клавдия Ивановна.

Заиграл оркестр, и певица исполнила свой знаменитый «Синий платочек». А потом были песни еще и еще. Она пела так, как мы никогда не слышали раньше.

Осмелев, я тоже попросил Шульженко:

— Клавдия Ивановна, вы спели почти все, кроме самой моей любимой песни, — я прошу вас спеть «Маму».

И над притихшим залом полились такие родные и нежные звуки песни:

Мама... Нет слов ярче и милей...

У многих в глазах стояли слезы. Видно, не только у меня, а и у других в мыслях сейчас были дом, мать, семья, дети — мирные дорогие годы.

Когда умолкли последние аккорды и кончилась песня, гром аплодисментов потряс все помещение и не смолкал долгое время. А потом нам, молодым, двадцатилетним, вспомнились любимые, которые терпеливо ждут нас с победой домой.

Как будто угадав наше настроение, Клавдия Ивановна запела:

*Нет, не глаза твои
Я вспомню в час разлуки,
Не голос твой
Услышу в тишине.
Я вспомню ласковые,
Трепетные руки,
И о тебе они
Напомнят мне...*

Так просидели мы с песнями да за разговорами до глубокой ночи. Каждый вспоминал свое, заветное, слушал и рассказывал о самом дорогом и любимом.

Я сидел за столом с музыкантом из оркестра фронтового ансамбля, с которым только что познакомился. Как оказалось, он тоже был из Тамбова. Мы вспоминали родные улицы, находили общих знакомых.

— А ну, кто это тут вспоминает Тамбов? Дайте-ка на него посмотреть! — произнес кто-то за моей спиной.

Я оглянулся. Передо мной стоял Пчелинцев. На его

груди, легонько покачиваясь, сияла Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Мы разговорились. И Володя Пчелинцев много рассказал тогда о себе.

Он родился в Тамбове в 1919 году. А годом позже потерял отца — тот погиб, защищая молодую Советскую Республику.

Отчим Володи был военным. Москва, Ярославль, Петрозаводск, Ленинград — много городов объездила семья, пока рос мальчик. Был Володя общительным, подвижным пацаном — любил живые игры, увлекался книгами Майна Рида, Вальтера Скотта, Жюль Верна. Нравилось ему бывать в пионерских лагерях с их спартанским укладом жизни, походами, военными играми и кострами.

Володя с ранних лет увлекся стрелковым спортом. Еще мальчишкой в 1935 году сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок». А в 1937 году возглавил школьную команду на республиканских стрелковых соревнованиях и занял первое место. Тогда ему был вручен приз — малокалиберная винтовка ТОЗ-9.

Увлекался он не только стрельбой. Уже в институте играл в футбол, волейбол, любил теннис, занимался легкой атлетикой. Еще студентом закончил школу снайперов, сам стал инструктором, готовился получить звание мастера спорта СССР, но... 22 июня 1941 года перечеркнуло все его планы. Студент третьего курса, отложив в сторону учебники, взял в руки боевую винтовку.

Правда, в военкомате, куда он явился в первый же день войны, ему отказали. Тогда Володя отправился на строительство оборонительных рубежей. Вскоре там стали набирать добровольцев в отряды истреби-

телей по борьбе с парашютными десантами противника, и Володю зачислили в 83-й истребительный батальон.

Володя Пчелинцев стал снайпером-наблюдателем. Счет мести врагу у него ежедневно рос: вот уже 25, 36, 60 фашистов сражены меткими выстрелами снайпера. Он получил свою первую награду — именные часы.

И днем, и ночью, в стужу и в дождь терпеливо всматривал Володя Пчелинцев врага. По ночам он оборудовал себе стрелковые ячейки, маскировался, а днем вел наблюдение. Чтобы в ячейке было удобно и чисто, выкладывал ее стенки плетеными из прутьев матами. На бруствере устанавливал рогатки, чтобы не так сильно уставали руки.

Тщательно, до мельчайших подробностей, изучал он оборону противника: ни одного ее метра не должно остаться неизученным! «Видеть все, оставаясь незамеченным» — такова была его заповедь.

Будучи уже опытным истребителем, он знал: враг хитер, умен и коварен. Он тоже наблюдает! И, чтобы сохранить свою жизнь, надо быть умнее, хитрее и проворнее — сильнее врага. И Володя зимой поливал водой снег перед амбразурой, чтобы при выстреле он не взлетал, не демаскировал стрелка. Амбразуру завешивал марлей, маскируя ее под снег: самому все видно, а противнику — нет.

Из газет Володя знал, что рядом работают и другие снайперы, у которых свой счет мести, свой опыт. Он стал переписываться с ними; снайперы устроили настоящую боевую переключку, стали соревноваться.

Радостным и памятным для Володи был минувший день. Он тоже получил именную снайперскую винтов-

ку, на ложе которой поблескивала металлическая пластинка с надписью: «Истребителю фашистов снайперу В. Пчелинцеву от Политуправления Ленфронта». 102 фашистов уничтожил к этому времени мой земляк.

Так, разговаривая, мы засиделись допоздна. И никто из нас не знал тогда, что ровно через полгода Володя Пчелинцев поедет вместе с Героем Советского Союза, севастопольским снайпером Людмилой Павлюченко и Николаем Красавченко — участниками делегации советской молодежи — на международный студенческий конгресс в Соединенные Штаты Америки. Вместе с этими товарищами он посетит Ирак, Египет, Центральную Африку, Англию. Будет любоваться джунглями и пустынями, синевой незнакомого южного моря, наблюдать знаменитые лондонские туманы...

СНОВА В ПОЛКУ

Всего только три дня прошло после окончания фронтового слета, а призыв товарища Жданова: «Добиться, чтобы истребление фашистской нечисти стало делом чести каждого бойца и командира нашего Ленинградского фронта!» — судя по газетам, уже был подхвачен всеми частями фронта. Чувствовалось это и в нашей дивизии.

Истребление фашистов стало массовым делом. Оно с каждым днем принимало все большие размеры. Все больше появлялось подразделений, называвшихся снайперскими.

В землянке командира полка, теперь уже полковника, Родионова находился и его заместитель по политической части, старший батальонный комиссар Агашин.

— Товарищ полковник! — войдя в землянку, обратился я к Родионову. — Разрешите доложить: старший сержант Николаев явился из госпиталя для прохождения дальнейшей службы!

— Наконец-то! Ну, здравствуй! — протянул мне руку полковник. — Вовремя ты вернулся — работы сейчас у нас много, а людей не хватает.

— Ну, рассказывай, — сказал Агашин, — заштопали тебя? Как здоровье?

— Спасибо, товарищ старший батальонный комиссар, самочувствие отличное, на здоровье не жалуясь.

— А ну-ка покажи нам с полковником документы — справки госпитальные. Есть у тебя такие?

— Так мне, товарищ комиссар, их просто не дали! Зачем они мне, здоровому-то?! Ну а если они очень нужны, перешлют, я думаю? На словах мне сказали: «Ну, ты теперь совсем здоров, Николаев, можешь возвращаться в полк». Я и пришел...

— Эх, заврался ты, братец! И не здоров ты совсем, и из госпиталя сбежал, явился без документов — все знаю! — улыбаясь, сказал Агашин. — А вот что полк свой любишь, к своим, а не в тыл рвался — за это тебе спасибо. Ну, куда мы его определим, товарищ полковник?

— Как куда? Куда положено! Нам ведь с тобой живой солдат нужен, здоровый! — подчеркнул Родионов. — Приказываю: немедленно в медсанбат, на поправку, к Поликарпову. Три недели отдыха и лечения при медсанбате. Ну а потом видно будет!

— Ну а сам-то ты куда хотел бы? На политраблиту или на строевую? — спросил Агашин.

— Я, товарищ комиссар, солдат. Куда прикажете, там и буду. Но мне немцев бить надо — я слово дал! Обещал на слете товарищу Жданову.

— Знаю. Наслышан. Дал слово уничтожить триста фашистов — сдержи его. А мы тут тебе новое звание присвоили — замполитрука роты. Так что вешай звезду на рукав и четвертый треугольник на петлицы.

Тепло меня встретили в медсанбате мои земляки и друзья. Они прежде всего накормили меня, а поздно ночью, когда все было переговорено, улеглись рядом спать на полумягких нарах, растянувшихся по всей стене бывшего школьного подвала.

Днем медсанбат пустовал. Тут оставались только

дежурные врачи и сестры. Ребята расходились по полкам. Каждый делал свое доброе дело. Один я бездельничал: отсыпался, отъедался и запоем читал. Читал все, что попадало под руку, — от различных медицинских справочников до школьных учебников. Кроме меня, в медсанбате лежало в то время всего несколько человек: боевых активных действий дивизия в то время не вела.

По вечерам, когда наша «семья» снова собиралась в просторном помещении, мы пели песни, вели душевные разговоры и даже танцевали. Особенно все любили слушать военфельдшера Ивана Михайловича Васильева. Голос у него был замечательный. Васильев знал очень много хороших песен, но особой популярностью пользовались песни, рожденные войной. Кто мог, ему подтягивал. А обычно он солировал под аккомпанемент баяна, на котором виртуозно играл военфельдшер Иван Матузко.

Но как бы хорошо ни было с друзьями в медсанбате, душа рвалась на передний край, звала к работе. Через неделю, не выдержав предписанного срока, я уговорил начальника медсанбата майора Поликарпова отпустить меня в полк.

В тот же день я уже был в расположении первой роты и принимал свое новое «хозяйство» — стрелковый взвод.

Командир роты оказался тамбовцем. Старший лейтенант Петр Андреевич Шишов был призван из запаса еще в советско-финляндскую войну, да так и остался в войсках НКВД. Гарнизон, которым он командовал, охранял железнодорожный мост через реку Сестру на Карельском перешейке. Там и застала Петра Андреевича Великая Отечественная война.

Человек необычайной храбрости, справедливый, беспокойный в службе, Шишов нравился бойцам, был на хорошем счету и у командования.

Политруком в роте был старший лейтенант Лапко — из политбойцов, посланник Кировского завода, толковый и отчаянный командир. Помкомвзвода у меня оказался парень из Ленинканана Серго Казарян, тоже снайпер и хороший воспитатель.

Свой второй взвод мы с Серго Казаряном общими усилиями быстро привели в порядок. Начали с того, что углубили и укрепили траншеи, переоборудовали все стрелковые ячейки и землянки. Вырыли запасные «лисы норы», склады для боеприпасов, санузлы и даже свою баню устроили. Одним словом, застоявшихся в обороне бойцов я расшевелил и начал исподволь готовить к наступательным боям.

А для этого нужно было начать с внешнего вида каждого. Как только мы закончили земляные работы, я приказал всем постирать свое обмундирование, отмыться, ходить только с чистыми подворотничками. Эти меры взбодрили моих подчиненных, им стало приятно смотреть друг на друга: подстриженные, аккуратные, туго затянутые в талии ремнем, они походили теперь на бойцов довоенного времени.

Взвод и занимаемую им оборону стали ставить в пример сначала в роте, а затем и в батальоне. Наши порядки хвалило и командование полка, часто посещавшее передний край.

И только пережив эту «реформу» и почувствовав ее результат на самих себе, бойцы поняли, что не ради похвалы начальства была она проделана. Представители девяти братских республик Советского Союза сдружились, сплотились еще крепче, хорошо

узнали друг друга и были готовы выполнить любое задание командования. Я был уверен в своих бойцах, уверовали и они в своего молодого командира.

Так началась моя новая жизнь в полку.

Трудно мне было, но я выбирал время выходить на «охоту» за фашистами со своей снайперской винтовкой, и все больше и больше звездочек появлялось на ее ложе, увеличивался счет уничтоженным фашистам. Обучил я и многих своих бойцов искусству снайперской стрельбы. Помогали мне в этом мой боевой помкомвзвода Серго Казарян и сержант Иван Карпов, командир пулеметного взвода.

Спустя сорок с лишним лет я и сейчас ясно вижу каждого своего бойца. Вот крепкий, шустрый и старательный украинец Роман Степанович Московко. Он был моей опорой, выполняя функции коменданта взвода. Московко, с крупными ладонями шахтера, любил «пошуровать» лопатой. Так что ходы сообщения и стрелковые ячейки на обороне взвода всегда были в образцово-показательном состоянии. Роман Степанович работы не боялся, всегда сам находил себе дело и справлялся с ним отлично. Он постоянно углублял разрушавшиеся огнем противника траншеи, следил за их чистотой, усовершенствовал стрелковые ячейки, выдавая по ночам на-гора кубометры земли. Таким он был и в стычках с фашистами — расчетливый, уравновешенный, спокойный и в то же время злой.

Боец Самуил Давидович Бляхер — из ополченцев. Удивительно маленького роста, тщедушный, хиленький одесский еврей. Этот любил поговорить. В свободное время он в который уже раз показывал на фотографии свою семью, хвалился:

— Вот это, в центре, — я и моя Роза. И ребенки.

На собеседника со снимка смотрела огромнейшего роста пышнотелая, грудастая, горой возвышавшаяся над мужем Роза. А у ног родителей и по бокам разместилась уйма неужоженных детей. Сам Бляхер до сих пор не разобрался, сколько же детей осталось дома — одиннадцать или вся дюжина. По рассказам Самуила Давидовича, обладавшего общеизвестным одесским юмором, его жена Роза, властная, но добрая и веселая женщина, глядя на детей, не раз в шутку говорила мужу: «Ну, как поступим, Самуил? Этих отмоем или новых настругаем?»

Частым гостем у нас во взводе был немолодой уже, низенького роста, круглолицый, с черными, немного раскосыми глазами, боец четвертой роты Загид Калиевич Рахматуллин — известный в дивизии снайпер. Заходил он к нам по пути, идя на «охоту» или возвращаясь с нее, — пообщаться с земляками. «Крупно говорят за жизнь!» — говорил тогда наш одессит Бляхер. Загид не раз выполнял для меня роль переводчика — с казахского, татарского, узбекского на русский и обратно.

Не было в армии людей, не знавших хотя бы заочно лучших снайперов дивизии. Да и понятно: в то время их имена не сходили со страниц «дивизионки». Коммуниста со стажем, снайпера, уничтожившего более сотни фашистов, Загида Рахматуллина хорошо все знали и у меня во взводе. Пользовался он большим авторитетом.

В минуты затишья бойцы просили Загида рассказать им о себе. Тогда Рахматуллин, по-братски делясь с бойцами моршанской махоркой из расшитого кисета, рассказывал о своей семье, колхозе, мирной жизни, о фронтовых своих успехах. А рассказывать он умел.

Родился Загид в 1913 году. Родина его — село Мухомедьярово Сувандыкского района Оренбургской области. Сам он из крестьян-бедняков. Отца Загид лишился в 1921 году — тот умер от голода, оставив пацана одного с больной матерью. Пришлось парню идти в батраки к местному богатей. А когда в 1929 году была объявлена коллективизация, его, батрака, первым приняли в колхоз. И одновременно в комсомол. В 1930 году смысленый и работающий парень пошел на курсы трактористов.

До 1939 года Рахматуллин работал трактористом в своем колхозе, был стахановцем. В 1937 году его приняли в партию большевиков. Он был участником советско-финляндской войны, с первых дней Великой Отечественной воевал с фашистами.

Когда земляки провожали его на фронт, секретарь райкома партии сказал Загиду:

— Будь таким же отличным бойцом, каким ты был хлеборобом.

И Загид при всех пообещал оправдать доверие односельчан, клялся по-геройски защищать свою Отчизну.

Явившись в часть, в 21-ю дивизию войск НКВД, стоявшую под Ленинградом, Загид с первых же дней стал упорно изучать боевую технику, военное дело, овладевал снайперским искусством. У него было огромное желание уничтожить как можно больше фашистов. Как коммунист, он понимал, что его место там, на переднем крае, где труднее. И стал настоящим истребителем фашистской нечисти. Он дал слово уничтожить их не меньше ста.

Когда Загид впервые вышел на «охоту», он не растерялся: меткими снайперскими выстрелами уничто-

жил вражеского офицера, а заодно и четырех солдат противника. Гитлеровцы обнаружили место, с которого вел свой смертельный огонь удачливый снайпер, и обстреляли его из минометов. Но Загид оставался спокойным: он был умело замаскирован и надежно укрыт от осколков.

На Ленинградском фронте судьба свела его с такими же, как и он сам, сильными, упорными парнями. Это их большие руки когда-то привычно держали руль трактора, штурвал комбайна или хлопкоуборочной машины. Они умели бережно взять коробочку с «белым золотом», могли нежно слить с ладоней золотые зерна пшеницы. А вот науке убивать их никто не обучал. Но бойцы мужали, закалялись в боях.

В начале апреля 1943 года Загид написал своим землякам письмо, в котором сообщал: «За меня не беспокойтесь. Слово свое я сдержал: 148 гитлеровцев уничтожил из снайперской винтовки. Меня наградили орденом Красного Знамени. За мои успехи товарищ Жданов лично сам меня поблагодарил. Я же дал слово количество уничтоженных фашистов довести до двухсот и слово свое сдержу. Трудитесь, дорогие, на благо нашей Родины спокойно: мы разобьем фашистов».

И верно, когда я встретился с Рахматуллиным в 1944 году в нашем дивизионном медсанбате, он мне рассказал:

— Вот снайперские книжки завели у нас, при тебе их не было. — И показал мне «Личную книжку истребителя фашистов». На развороте — графы: количество уничтоженных за день фашистов и тут же нарастающий итог. В книжке Загида он достиг цифры 177.

Воевал Загид отменно. И что бы он ни делал, де-

лал обстоятельно, наверняка. Помню его стычки с Иваном Добриком, который, по словам Рахматуллина, безрассудно «лез на рожон и дрался, как лев». Загид всегда старался быть рядом с другом, в перерывах между боями с досадой говорил Ивану Добрику:

— Отчаянно воюешь, Ваня. Смелость — это хорошо, а вот голову терять не стоит: она еще пригодится тебе!

В ответ Иван хмурился и нетерпеливо, перебивая Загида, говорил:

— Да не могу, друже, я иначе, ты же знаешь! Твои — уси дома, а мои — пид немцем! Я злой на фашистов...

Как-то в бою было тяжело ранен командир четвертой роты, в которой служил Рахматуллин. Загид взвалил его себе на спину и потащил к своим траншеям. Немцы решили взять в плен и того, и другого, кинулись к ним. Тогда Загид положил командира на траву и стал отбиваться от фашистов гранатами, а потом стал бить из снайперской винтовки. А отбившись, снова продолжал свой путь, таща на себе командира. Дотащив, сдал в медсанбат и тут же вернулся в траншеи, снова кинулся в бой.

Однажды Загид конвоировал в дивизию фашистского майора, самолично захваченного им в плен. По дороге около него остановился мотоциклист.

— Куда ведешь? — настороженно стреляя туда-сюда глазами, спросил капитан, сидевший за рулем мотоцикла.

— Пленного веду в штаб дивизии, — ответил Загид.

— Ну вот, а я его ищу... Ступай, солдат, обратно, а пленного я сам отвезу — я ехал специально за ним.

— Нет, не отдам я пленного. Мне приказано его доставить, и я это сделаю сам.

— Молчать! Приказываю сдать пленного или рас-

стреляю за невыполнение приказа! — крикнул капитан, хватаясь за кобуру.

— А я тебя не знаю! — отвечал Загид, почувствовав что-то неладное. И на всякий случай взял свою винтовку на изготовку.

И все-таки отдал Загид пленного капитану — привык подчиняться командирам. А когда вернулся в полк и доложил о случившемся, то свой командир пообещал расстрелять Загида за невыполнение его приказа. Выручил снайпера полковой контрразведчик — задержал-таки и того, и другого: и «капитана», оказавшегося переодетым в нашу форму фашистом, и пленного майора.

Загид Рахматуллин жив и сейчас. Неоднократно раненный на фронте, инвалидом Отечественной войны вернулся он в свой родной колхоз, где снова принял тракторную бригаду. К его боевым наградам прибавилась медаль за мирный труд. С 1945 по 1958 год Рахматуллин избирался депутатом Зиянчуринского сельсовета, был народным заседателем. Я читал характеристику, выданную Загиду по какому-то поводу:

«Хороший семьянин, заботливый отец, добросовестный труженик, отзывчивый товарищ, скромный и всегда готовый прийти на помощь любому, в ней нуждающемуся. Дети его самые дисциплинированные, первые в учебе и труде».

Может ли быть иначе?..

Битвы выигрываются каждым воином на своем рубеже, на своем собственном направлении. Рубеж помкомвзвода Серго Казаряна — уничтоженные им за короткий срок из снайперской винтовки 89 фашистов,

неоднократные вылазки в тыл противника, непрерывные бои и тяжелые ранения.

В одной из боевых схваток в районе южных скатов Пулковских высот, преграждавших фашистам путь на Ленинград, тоже оказался рубеж коммуниста Серго Казаряна.

...Второй взвод продвигался вперед. Заменявший раненого командира взвода красноармеец Серго Казарян с волнением наблюдал, как точно выполняются его команды, как хорошо бойцы, прикрывая друг друга огнем, перебегают от укрытия к укрытию, приближаясь к вражеским окопам.

Первый и третий взводы, наступавшие с флангов и чуть позади второго, отстали. Немцам удалось окружить взвод Казаряна, взять его в огненное кольцо.

— Окопаться! — приказал бойцам Казарян и первым начал действовать саперной лопаткой.

Теперь фашисты не могли вести прицельный огонь, но все-таки успели вывести из строя несколько человек.

«Что делать?» — думал Серго. Мысли быстро сменяли одна другую, и он смело решил вступить в смертельную схватку с многочисленным врагом.

— Всем укрыться получше! Бить фашистов только одиночными прицельными выстрелами и только наверх, беречь патроны! — пошел по цепи приказ командира.

Немцы были удивлены: группа советских бойцов, оказавшихся в огневом кольце, не только не сдалась, но и вступила с ними в неравный бой!

Из траншеи высунулся немецкий снайпер. Казарян прицелился в него из автомата и выстрелил. Фашист упал. Связной Немин уничтожил второго фашиста.

Тогда гитлеровцы выскочили из траншеи и, поливая свинцом из автоматов, с криком бросились на смельчаков, намереваясь захватить их в плен или перебить всех до одного.

Но усилился автоматный огонь и с нашей стороны. В фашистов полетели гранаты. Немцы были вынуждены отступить. А потом обрушили на участок, занятый истекавшим кровью взводом, шквал минометного огня. Снова попытались атаковать рубеж смельчаков, но и на этот раз напоролись на дружный автоматный огонь наших бойцов.

— Рус, сдавайся! — кричали фашисты, уже не поднимая голов над бруствером.

— Молчите и не шевелитесь! — приказал Казарян своим бойцам, а сам настороженно продолжал следить за вражескими окопами.

Немцы предприняли другой маневр: они выставили с фронта шесть автоматчиков, а на фланги бросили снайперов.

— Лежать всем и головы не поднимать! — снова подал команду Казарян. — Будем биться до последнего патрона! Гранаты оставить про запас! Пусть пока немцы отстреляются.

Бой не прекращался ни на минуту. Фашистские снайперы и автоматчики меняли позиции, стараясь сломить сопротивление отважных воинов, но их попытки были тщетными.

Так прошел день. Наступила светлая ночь.

В полночь командир взвода приказал связному Немину во что бы то ни стало пробраться к своим и постараться привести подкрепление.

Немин отполз от позиций всего метра на три, как немцы его заметили. И снова завывали мины. Они рва-

лись совсем рядом. Ранило Немина, тяжело ранило командира отделения Курмамбекова. Ранен был в плечо и Казарян.

Не обращая внимания на полученную рану, Казарян пополз и перевязал Немину голову. Тихо стонал Курмамбеков.

Немцы решили, что после такого массированного огня советские бойцы уже не будут сопротивляться. Они снова выбрались из траншеи и поползли к стонущему Курмамбекову, лежавшему неподалеку от дзота.

— Нет, гады! Я вам его не отдам! — прошептал Серго. Он схватил автомат, но увидел, что осколком мины его повредило. Тогда Казарян приподнялся и бросил в наступавших немцев одну за другой три гранаты. Один из гитлеровцев был убит, двое ранены, а остальные вернулись на исходные позиции.

В это время по Казаряну начал бить немецкий снайпер. Первая пуля прошла вещмешок, прилаженный за спиной командира. Серго стал еще глубже зарываться в землю. Но пули продолжали свистеть над ним. Вот уже четыре пули попали в вещмешок, пробили котелок, но командира не задела. Он замер...

Немецкий снайпер решил, что советский боец мертв. Выпустив еще несколько пуль, он замолчал. Молчал, не двигался и Казарян.

Глубокой ночью Немин впал в забытие, начал бредить, стал громко кричать и метаться. Немецкие автоматчики на звук его голоса повели огонь. Одна из очередей задела раненого связного. Он умер, не приходя в сознание.

Казарян подполз к нему, поцеловал друга в запекшиеся губы, закрыл ему глаза и прошептал:

— Прощай, товарищ! А мы будем драться и отом-

стим за тебя. Ни мертвого, ни живого бойца я не отдам на поругание фашистам. И рубежа не отдадим!

На небе появились облака. Вот они сгрудились и заслонили яркую луну. Под покровом ночи к Казаряну приполз наконец связной от командира роты.

— А мы уже считали всех вас мертвыми, — сказал он.

— Как видишь, держимся. Вернись и скажи ротному, чтобы прислал людей, — попросил Казарян. — С занятого рубежа мы не уйдем! И немцев можно будет выбить из траншеи.

А спустя полчаса прибыло пополнение. Стремительной атакой этой же ночью наши бойцы выбили противника из их траншей, и рубеж был прочно закреплён.

Девять ранений получил Казарян за войну.

— У меня крепкое сердце, очень крепкое! — говорил он и радостно улыбался, вернувшись в полк из госпиталя. — Оно у меня из армянского гранита!

На груди Серго сияют орден Красного Знамени, медаль «За отвагу» и другие награды. На первом фронтовом слете снайперов он тоже был награжден именной снайперской винтовкой.

Таким был мой боевой помкомвзвода.

Сейчас инвалид Отечественной войны Серго Казарян продолжает трудиться. Он живет на проспекте Космонавтов в Ленинграде. Работает уже много лет начальником ремонтно-механического цеха рыбообрабатывающего комбината № 3. Несколько лет подряд товарищи по работе выбирают коммуниста Казаряна своим вожаком. Он секретарь партийного бюро.

«ПРИГЛАШЕНИЕ»

Снайпер — это далеко не всегда просто сверхметкий стрелок, который ведет огонь с удобных, закрытых от противника позиций. Истребитель фашистов действует подчас в самых немыслимых условиях. Он сидит на нейтральной полосе в засаде, оторванный от своего переднего края, от своих товарищей, которые ему не могут помочь. В таких случаях он остается один на один с самим собой. Он должен уметь работать в любую погоду, зимой и летом, в жару и в холод, днем и ночью. Должен один заранее приготовить себе надежную огневую позицию вблизи от переднего края противника, а то и прямо на территории, занятой фашистами. Причем помочь проверить, достаточно ли искусно ты замаскировался и как выглядит твоя огневая позиция со стороны противника, бывает некому. Хорошо, когда снайперы действуют в паре, — тогда им значительно легче. Но, как правило, хороший охотник на фашистского зверя в свободный поиск выходит один.

Одинаково опасно и зимой, и летом бывает снайперу в его нелегкой работе. И кажется, все плохое, что только может быть на фронте, создано специально для него.

Хорошо стрелку, который ведет огонь со своего переднего края, с закрытых огневых позиций. Случись с ним какая беда, там всегда помогут товарищи.

Он может шевелиться, даже передвигаться в своем укрытии, поменять позицию. Он видит противника только с одной стороны — перед собой.

У снайпера же много врагов. Особенно летом. Кроме основного — противника — есть и другие, от которых не всегда знаешь, чего ожидать. Это пчелы, осы, мухи, муравьи и даже полевые мыши...

Помню, как однажды в погожий летний день лежали мы с Иваном Добриком в засаде. Лежать пришлось на нейтральной полосе, в густой траве, на ровной и открытой местности — почти перед самым носом у противника. Мы вели наблюдение за его передним краем и подходами к нему, правильно рассчитав, что в густой траве на ровном, без единого ориентира поле фашистам трудно будет нас обнаружить.

Так бы мы и пролежали тут спокойно до темноты, если бы не случайность.

Моим неподвижно лежавшим на солнцепеке напарником вдруг заинтересовался крохотный полевой мышонок. Как этот любопытный «храбрец» проник через туго затянутый пояс за гимнастерку к Ивану, мне до сих пор непонятно.

Пока он шебуршился где-то на спине, Иван как-то терпел, боясь пошевелиться. Но когда мышонок очутился ниже, уже на животе, да стал там Ивана покусывать, терпение Добрика лопнуло — он вдруг заорал на всю нейтральную полосу и начал истерически хохотать. Я перепугался не на шутку. Не зная, в чем там дело, я подумал, что Ивана хватил удар от переутомления или от палящих солнечных лучей. А Иван тем временем, бросив свою винтовку, катался по траве и истошным голосом вопил.

— Ты что, Иван, с ума спятил?! Ведь немцы же рядом! Сейчас накроют нас, — растерявшись, спросил я.

— Да мыша же! Шляется по пузу! — только и мог ответить Добрик.

Создавшаяся обстановка и выражение лица Ивана, продолжавшего кататься по траве, привели меня в дурачко-веселое настроение. Я тоже принялся хохотать.

Конечно же, фашисты не замедлили открыть огонь из минометов.

— Бежим! — сквозь слезы, выступившие от смеха, едва произнес Иван и, подхватив свою винтовку, первым кинулся к нашим траншеям, на ходу зажимая только что полученную рану — в зад ему впились осколки от разорвавшейся рядом мины. Я бросился следом.

Мы оба бежали в полный рост, не обращая внимания на осколки. Нам было не до них: какой-то нервный тик свел наши скулы — мы даже не хохотали, мы повизгивали и икали, едва нам стоило глянуть друг на друга. Так, продолжая хохотать, мы и свалились в свои траншеи.

— Ну и карусель вы заварили! — сказал наблюдатель, увлекая нас с Иваном в укрытие. — Вы что, ополумели?

Как нас не задели тогда ни пуля, ни серьезный осколок, как не нарвались мы на собственные мины — одному богу известно.

С наступлением весны наша медицина стала опасаться инфекционных заболеваний. Причин для этого было предостаточно. Постоянное недоедание привело к ослаблению организма. К тому же бойцы пили сырую, подпочвенную, болотную воду из воронок, так как других источников поблизости не было, а снег

уже растаял. Правда, пока все обходилось благополучно благодаря кипучей деятельности нашего батальонного военфельдшера Ивана Васильева — толкового молодого парня.

Окончивший Тамбовскую медицинскую школу и успевший до призыва в армию с год проработать в сельской больнице, Васильев хорошо знал свое дело. К тому же он был храбрым малым. В бою наш Михалыч, как его звал весь батальон, занимался не только своим непосредственным делом — перевязкой и эвакуацией раненых, но и успевал ловко отстреливаться от противника, когда всем приходилось туго. А однажды в бою как-то ухитрился взять в плен здорового фашиста. Михалыч постоянно лез в самое пекло и не одной сотне раненых бойцов и командиров спас жизнь.

В минуты затишья Васильев занимался профилактикой. Организовывал, например, сбор хвои, варил из нее настойку и поил этим отваром весь батальон. Это спасало от цинги. Он делал также все возможное и невозможное, чтобы свести к нулю инфекционные и желудочные заболевания.

Прямо на переднем крае Васильев ухитрился организовать подобие настоящей бани и регулярно мыл в ней весь батальон.

Однажды у меня что-то случилось с желудком, и пришлось обратиться к Ивану за помощью. Он дал мне предписание немедленно отправиться в медсанбат.

И вот я уже топаю в Автово — в наш глубокий тыл, где расположился медсанбат, «на предмет сдачи всех анализов и заключения в изолятор». По дороге меня обогнала санитарная повозка. Правил лошадью мой земляк, который был списан в обоз после тяжелого ранения. Сейчас он вез трех раненых бойцов.

— Куда направился, снайпер? Садись, подвезу!
Я пристроился рядом с ним на жестком сиденье.

Слух о том, что Николаева видели среди раненых, с большими, похоже, преувеличениями дошел до переднего края батальона. Во всяком случае, от ретивого писаря в Тамбов к маме полетела похоронка. За время войны такие скорбные известия обо мне она получала дважды...

Отлежавшись в медсанбате, я через положенное время возвращался в роту. Здоровый, с хорошим настроением, шел я по ходу сообщения. Кругом привычный пейзаж. Все просто, все знакомо, все на своих местах. Ну а то, что воронок стало больше да деревьев в роще поубавилось, — дело обычное. И вдруг я услышал музыку — где-то громко по радио исполнялся вальс «Амурские волны». После него Клавдия Ивановна Шульженко спела свой знаменитый «Синий платочек». Звуки разносились по всему переднему краю. «Странно», — подумал я.

И вдруг диктор противно-скрипучим голосом общил:

— Ахтунг, ахтунг! Внимание! Говорит немецкое радио! Бойцы и командиры четырнадцатого полка войск НКВД, слушайте! Ваш снайпер Николаев убит нашими доблестными солдатами. Когда будете его хоронить — сообщите. Мы проиграем вам еще и «Разлуку»!

— Вот те на! Ну погодите, поганые фрицы...

Я не вошел, а ворвался на КП. Там сидели все командиры взводов и старшина роты. Увидев меня, они удивленно переглянулись.

— Тю, «покойничек» пришел! — произнес старшина. — А я тебя и с довольствия снял...

— Нам сообщили, что тебя подбили по дороге в

медсанбат! — сказал писарь роты Кузьмин. — Значит, слух-то был ложный? А проверить не было времени: повоевали мы тут с фашистами за эти дни. Теперь вот и немцы сбили нас с толку...

— Больше не собьют! — пообещал я. — Ну погодите, фашистские брехуны, заткну я вам глотку! Товарищ капитан, покажем им настоящие похороны? — обратился я к политруку роты капитану Жукову.

— А что? Пошли, Николаев! Идем исправлять нашу ошибку. В случае чего поддержите нас огоньком, — попросил капитан командира роты.

Вооружившись снайперскими винтовками, мы с политруком вышли на передний край. Я прихватил свой подсумок, в котором всегда был набор различных патронов. Вместе с нами напросился и военфельдшер Иван Васильев. Он вооружился биноклем, который выпросил у командира роты, прихватил автомат у телефониста.

День выдался чудесный. И если бы не это событие, так бы и любовался голубым небом. Высоко над головой светило солнце, ярко освещая все вокруг. Птицы щебечут. Не шелохнется ни один листик на дереве — тишь да гладь вокруг.

Выбрав в овраге, метрах в десяти от нашего переднего края, удобные огневые позиции, мы залегли и стали наблюдать за фашистами. Они свободно, почти не маскируясь, ходили по обороне, — на нашем участке в последние дни их особенно не тревожили. Сейчас фашисты были видны нам как на ладони — только выбирай!

Лежа метрах в пяти друг от друга, мы с политруком недолго любовались мирным пейзажем. Прогремели

наши выстрелы, и немцы стали падать один за другим. Васильев, вооруженный биноклем, указывал цели.

Наконец политрук подвел итог:

— Что ж, семерых на двоих — хватит на сегодня? Давайте не будем больше испытывать свою судьбу.

— Результат неплохой, — подтвердил Иван Васильев. — А немцы точно откроют сейчас минометный огонь. Пошли, неохота мне таскать вас ранеными...

Уже вернувшись в свою траншею, я вспомнил:

— Послушай, Иван, одолжи-ка бинокль на полчасика. А может, пойдём со мной, — хочу посмотреть, где висит у фашистов репродуктор.

— Только недолго, ребята! А репродуктор висит вон там — метров восемьдесят до него будет. — И политрук показал мне на рошу.

По-пластунски мы с Иваном Васильевым стали пробираться в указанном направлении. Туда, откуда сейчас снова неслись звуки музыки. Забравшись в глубокую воронку, стали наблюдать: Иван — в бинокль, а я — через оптический прицел винтовки.

На одном из деревьев Иван обнаружил динамик:

— Вон где висит! Смотри — синий шнур к нему тянется.

Теперь я и сам увидел черный колокол уличного динамика. Бить по шнуру и попасть в него, даже с расстояния в несколько десятков метров, дело нелегкое. Но я вспомнил, как мы пристреливали когда-то свои винтовки, цепляя на тонкий прутик или соломинку спичечный коробок. Сейчас такого прутика не было, зато ясно выделялся на зеленом фоне ярко-синий радиושнур.

Полежав немного и совершенно успокоившись после быстрой ходьбы и переползания по-пластунски, я приготовился к стрельбе.

— Давай, Иван, смотри в бинокль, наблюдай за работой!

После пятого выстрела музыка прекратилась. Иван, все это время не спускавший глаз с репродуктора, зашептал:

— Оборвался шнур, как обрезанный ножом! Бей теперь в репродуктор, шуруй бронебойными! Для верности!

Я послал несколько трассирующих пуль в репродуктор.

— Ну как? Что ты увидел? — спрашиваю.

— Да видел, как летели пули и пропадали в центре репродуктора. Теперь ничего не вижу. Репродуктор все висит.

— А куда он денется? От пули не свалится! А вот замолчал он надолго — я точно знаю. И это самое главное. А теперь тикаем отсюда — поди, засеки меня немцы по трассирующим!

И мы, удовлетворенные, вернулись в роту. Немецкое радио молчало.

А на следующий день, прямо с утра, видимо поставив за ночь новый репродуктор, гитлеровцы заговорили снова. Уже без музыкального вступления они провещали буквально следующее:

— Снайпер Николаев! Фюрер уважает храбрый русский зольдат. Наше командование приглашает вас перейти на наша сторона! Оно гарантирует вам очень обеспеченный жизнь: вы будешь получать большой вилла, иметь очень много денег, цуккер унд бротт, получать женитьба на немецкий фрау. Фюрер награждает вас высший офицерский орден — Железный крест ерсте степень. Переходить на наша сторона!

На что они рассчитывали?! На что надеялись?!

Несколько раз, с перерывом в десять-пятнадцать минут, слово в слово немцы повторили свою передачу.

Через несколько минут я попросил разрешения войти в землянку командира батальона майора Морозова.

В землянке кроме комбата сидели подполковник Агашин, мой командир роты и капитан Жуков.

— Ну, Николаев, — сказал комбат, — получил приглашение? Может, откликнешься?

— С чем пришел, Евгений? — спросил подполковник Агашин. — Вижу, придумал что-то?

— Считаю, товарищ подполковник, что прав майор Морозов — надо идти к немцам, коль приглашают!

И я выложил командирам свой план.

— А что? Рискованно, даже до некоторой степени авантюрно, но в принципе может получиться. Давай посоветуемся с «первым» — что он скажет?

«Первый» был «за».

«Чтобы уничтожить фашистов, любые средства хороши!» — сказал он Агашину.

Ровно в 19.00 я выполз из своей траншеи и по-пластунски, прячась за кустами, пополз в сторону немцев, изредка скрываясь в воронках. До их переднего края здесь было метров сто. Переместившись метров на сорок от своих траншей, я приподнялся в воронке и, посвистев погромче, поднял на палке белый платок. Немцы заметили этот маневр — это почувствовалось сразу: прекратился огонь с их стороны. И, наоборот, усилился со стороны нашей. Заметил я и главное: немцы стали накапливаться в своих траншеях, их головы высывались все чаще и чаще по всей обороне. «Пусть накапливаются!» Я не очень-то торопился продолжать свой путь.

Выждав еще десяток минут, я приподнялся. «Ну,

будь что будет! Авось обойдется!» — подумал я и поднялся в полный рост. Тотчас же открылась наша «прицельная» стрельба. Трассирующие одиночные пули прочерчивали свои смертельные трассы. Я снова залег в воронке. Потом прополз еще метров пять. Немцев стало еще больше в траншеях. Я уже слышал их выкрики: «Ком, ком, зольдат! Шнель, бистро!..» Я ожидаю, будто боюсь своих выстрелов, даже начинаю тихонько стонать, словно я ранен.

Немцев в траншее стало еще больше. Они даже принялись стрелять в нашу сторону, как бы отсекая меня от своих, явно давая понять, что меня они не тронут.

Честно говоря, поджилки у меня дрожали. «А вдруг кто «промахнется» из своих да попадет ненароком в меня?» Тут я встал в полный рост и, высоко подняв белый носовой платок, помахал им в воздухе, потом энергично опустил, давая тем самым сигнал... Не немцам — своим.

И вот завыли наши мины, разрываясь в немецких траншеях. Заговорили наши пулеметы, и наши снайперы открыли огонь по торчавшим фашистским каскам. От разрывов батальонных и полковых мин, смешавших все в немецких траншеях, стояла сплошная завеса из земли и ныли. Оттуда неслись страшные вопли раненых фашистов. Я же под прикрытием этой завесы бегом пустился к своим. Через минуту-другую я уже находился в объятиях своих друзей.

«Язык», которого вскоре взяли наши разведчики, подтвердил, что операция была рассчитана верно: в тот памятный вечер немцы потеряли несколько десятков солдат.

Больше приглашений от немцев мы не получали.

ОПЯТЬ В РАЗВЕДКЕ

Став снайпером, я не прерывал связи с моими друзьями — разведчиками. Нам и теперь часто приходилось работать вместе: я иногда ходил с ними на задания, имея свое, персональное, — в случае необходимости поддержать их снайперским огнем. Мне приходилось порой и одному ходить в разведку, а то и самому руководить группой.

В один из августовских вечеров 1942 года меня вызвали на КП батальона. Чувствую, что-то случилось, потому что так просто меня не вызовут: я находился тогда на особом положении, числился снайпером полка, хотя на котловом довольствии значился во втором батальоне.

Захожу на командный пункт, докладываю по форме о прибытии. В землянке штаба батальона кроме комбата находились его заместитель по строевой части, радист, санинструктор Маруся Назарова и командир взвода разведки полка.

— Командование полка решило поручить тебе, Николаев, задание. Остальное доложит командир взвода разведки лейтенант Кирсанов. Пожалуйста, товарищ лейтенант!

— Наши разведчики, возвращаясь прошлый раз с задания, обнаружили штаб немецкого подразделения. Побывать там у них не было возможности. Сейчас командованию дивизии необходимы штабные до-

кументы: оперативные карты, приказы, переписка фашистов. Достать это поручено нашему полку. Подумав, командование решило предложить это задание тебе: ты старый разведчик, хорошо знаешь оборону противника. Идти недалеко. — И он показал на разложенной на столе карте-километровке обведенное синим карандашом в кружочек место.

— Есть найти и принести штабные документы!

Что это будет непросто, я знал. Надо было осторожно пройти три линии траншей в обороне противника и, обнаружив штабную землянку, сутки, а может, и больше, ждать удобного момента, чтобы проникнуть в нее. А сделав все необходимое, незамеченным вернуться к себе в часть.

Помолчав, комбат сказал:

— Нет, так не годится. Нужно кого-то с собой взять. Будем говорить честно: задание опасное. Ты можешь и не вернуться, всякое бывает.

— Товарищ майор! — сказал я. — Мне легче одному выполнить это задание. Не за «языком» же вы меня посылаете!

И тут вдруг раздался голос санинструктора Маруси Назаровой:

— Товарищ комбат, разрешите я пойду с Николаевым? Разрешите, а?..

— Только этого мне не хватало — с девчонками ходить в разведку! — возмутился я.

Все дружно рассмеялись над Марусиной просьбой. Но она упрямо повторила:

— А я все равно пойду! Правда, товарищ майор?

Что наша Маруся храбрая девчонка, всем известно: не одного раненого бойца и командира вынесла она на своих худеньких плечах из самого пекла во

время боев с фашистами. Но это была ее повседневная работа! А тут — разведка.

— Товарищ майор, ведь она только мешать мне будет!

— Ну хорошо, пойдешь один. Но помни: с немцами в драку не ввязывайся, стрельбу не поднимай — не обнаруживай себя! Поддержать тебя будет некому, так что делай все тихо-благородно. Ни пуха тебе, ни пера! И благополучного возвращения. Будем ждать.

И мы, склонившись над картой, стали еще и еще раз проходить мой предполагаемый маршрут. Договорились о сигналах на всякий непредвиденный случай, о месте и времени возвращения.

— Вечер тебе на сборы и сон, — сказал комбат. — А ночью — в путь, со свежей головой.

Какой тут сон? У себя в землянке я проверяю и смазываю оружие: пистолет, «наган» и маленький «вальтер». Со мной будут пять «лимонок», РГД с чехлами, финский нож и постоянный спутник разведчика — трехцветный фонарик. Все это должно быть размещено так, чтобы не издало ни единого звука в пути и чтобы было удобно воспользоваться каждым этим предметом. Распикиваю все это по карманам, за сапоги, кладу и за пазуху. Пряжку пояса и пуговицы мажу грязью: ничего блестящего быть не должно — на случай освещения ракетами. Из карманов все лишнее — вон! Документы тоже остаются дома: кандидатскую карточку сдаю комиссару, ему же оставляю и двое именных часов, письма, фотографии и остальное. С сожалением отвинчиваю и сдаю свой орден. Таков закон у разведчиков: когда отправляешься на операцию, при себе не должно быть ничего, что мо-

жет помочь противнику установить твою личность, — на случай ранения или смерти.

Теперь мне остается только потренироваться: лишний раз проверить, подсчитать, за какое время я смогу воспользоваться оружием — выхватить нож, бросить гранату, выстрелить из пистолета, взяться за другой, быть готовым стрелять и правой и левой рукой, стрелять через карманы брюк, через ватник, из-за пазухи. Такую тренировку мы устраиваем себе сами — это всегда бывает полезно. Даже со снайперской винтовкой я научился на ходу, когда она находится за плечом, по команде «на ремень» изготавливаться «к бою» с одного счета вместо трех уставных. Очень ловко и эффектно получается: берешься правой рукой за шейку приклада снизу, и — раз! — винтовка перевертывается в воздухе, и в одно мгновение она у тебя к бою готова.

За дверью моей землянки уже ночь — темная, безлунная, непроглядная. Для начала это совсем неплохо.

Меня провожают. Вот уже и наш передний край, боевое охранение. Последнее напутствие командира батальона, последний инструктаж командира взвода разведки, сверка времени, уточнение сигналов. Короткое дружеское прощание — похлопывание по плечу, по спине. С последним рукопожатием друзей — легкое подталкивание вверх, через бруствер окопа. И я сливаюсь с землей.

Но я еще не один: сейчас меня сопровождает опытный сапер, который поможет преодолеть минное заграждение — и наше, и противника, хотя проход в нашей заминированной полосе мне хорошо знаком. Сейчас сапер идет впереди меня. Но вот и он уже протя-

гивает мне молча свою руку и машет другой:
«Пошел!»

Вот теперь я совсем один в этой крошечной темноте. Как и всегда в начале пути, становится немного не по себе. Всего на несколько секунд, но бывает страшновато. Точно такой же страх испытывает каждый вернувшийся в траншеи переднего края после долгого излечения в госпитале: дня два-три кланяешься каждой пролетевшей мимо пуле, пригибаешься пониже после каждого разрыва снаряда. А потом снова чувствуешь себя как дома и на свист осколков от разорвавшегося вблизи снаряда не обращаешь внимания. Вот и сейчас, стоит только чуть присмотреться, привыкнуть к одиночеству, вспомнить о поставленной задаче — и все будет в порядке.

Однако пора уже двигаться вперед, туда, навстречу неизвестности.

Первую траншею в немецкой обороне миную благополучно, — она мною изучена давно как свои пять пальцев. Под треск пулеметно-автоматного огня с обеих сторон, нарочно поднятого нашими, так же успешно прохожу и вторую линию траншеи. Немного отдышавшись и осмотревшись, продолжаю продвигаться к последней, третьей траншее. Тут мне уже легче: немцы чувствуют себя здесь свободней, чем на переднем крае, беспечнее, громко разговаривают, ходят не таясь. Поэтому мне проще ориентироваться. Впрочем, их громкая речь не только от одной беспечности — они боятся русской темной ночи, поэтому и подбадривают себя разговорами.

Уже реже, но и тут все еще взлетают ввысь их осветительные ракеты. Они мешают быстрому продвижению, но в то же время помогают ориентироваться

на местности. Пока такая ракета висит на маленьком парашютике в воздухе, прижимаюсь плотно к земле и замираю, осматриваясь по сторонам. Вот рядом со мной проходит канава, которая ведет к штабной землянке — до большого кустарника. По канаве двигаться удобней, но нельзя: она периодически на всякий случай простреливается немцами. Я ползу параллельно канаве. А вот и ручей — все на месте! Я подошел верно, нахожусь почти у цели. Теперь чуть влево от «отдельно стоящего дерева» должна быть нужная мне землянка. Осторожно двигаюсь в том направлении, укрываясь в густом кустарнике. Мягкая трава скрадывает все шорохи. Ужом подползаю ближе к голосам — вот она, эта землянка! Около нее ходит часовой, с кем-то громко разговаривает.

Я продвигаюсь на его голос и неожиданно проваливаюсь в какую-то яму. «А, черт! Воронка!» — догадываюсь я. Что ж, сейчас она весьма кстати.

Потихоньку подбираюсь к ее противоположной кромке, осторожно приподнимаю голову — землянка совсем рядом. Теперь все мое внимание сосредоточено на ней: кто туда войдет, на сколько и когда оттуда выйдет.

Вот из землянки вышли сразу четыре немца и по траншее разошлись попарно в разные стороны. Мысленно прикидываю: сколько же их там было всего? Кто теперь в ней остался? Надо полагать, там еще могут быть четверо: офицер, его денщик, связист и, пожалуй, сменщик часовому.

Лежу, почти не дыша, и прислушиваюсь: не заговорят ли немцы? Может, что выясню из их разговора?

Еще раз с благодарностью вспоминаю свою тамбовскую среднюю школу — хорошо она меня подго-

товила! Все знания, полученные в ее стенах, пригодились мне на фронте, особенно знание иностранного языка. Огромное спасибо нашей учительнице Варваре Афанасьевне Беляевой. На школьной сцене мы под ее руководством ставили целые пьесы на немецком языке, и я всегда играл в них главные роли.

Снова раскрылась дверь землянки, и из нее вышел еще один фашист. По росту, чувствую, верзила, потому как басовитый его голос был слышен намного выше уровня траншеи. А когда он отошел на несколько метров от землянки, я действительно увидел, как высоко выделялся его силуэт. Во мне заговорил снайпер: «Вот бы выстрелить сейчас по силуэту!» Мысль мелькнула, но тут же пропала: верзила подошел к часовому и что-то стал говорить ему. Я прислушался. Насколько я понял, «верзила» командирится в Урицк, в тыл, за фрау!

«Развлекаться вздумали, сволочи! Ну погодите! Ответите нам и за это, дайте только срок!» — думаю я.

Прикинул и решил, что в землянке теперь могут быть всего один-два человека. Что делать? Долго ли я буду так лежать и ждать? Скоро может наступить рассвет — тогда мне тут крышка.

А вокруг тишина, только вдалеке слышу глухие мерные шаги — это часовой прохаживается по траншее туда-сюда, где-то метрах в двадцати от землянки. Немного пугает и отвлекает внимание какой-то подозрительный шорох — где-то справа и далеко позади меня. Но шорох пропадает, и я успокаиваюсь. Видно, он для меня неопасен — это я понимаю каким-то особым чувством разведчика. «Наследить» я не мог, да и немцы тут вроде бы спокойны.

Однако часть моего внимания уже направлена и в

ту сторону: не повторится ли шорох? Нет, пока ничего больше не слышно. Теперь меня пробирает нервная дрожь. Так бывает всегда перед любой опасностью после того, как примешь решение и тебе вот-вот предстоит действовать. Действовать в одиночку, когда ты сам себе и командир, и подчиненный и в твоих руках находятся и вся операция, и сама твоя жизнь.

Но это не от страха, нет, это не та дрожь! Она от возбуждения перед решительным броском, активным действием. В голове уже созрел точный план, по которому я должен буду работать, план, рассчитанный до секунды.

Не прошло, кажется, и десяти минут с тех пор, как ушел верзила, а из землянки снова кто-то вышел. Постоял немного, потоптался, послушал вокруг, щелкнула зажигалка — он закурил. Потом крикнул в одну и другую стороны: «Ви хайс?» — «Как дела?», значит. «Аллес зеер гут!» — ответил ему часовой.

Что ж, я тоже так думаю: пока все очень хорошо складывается.

Чувствую, что вышел сам хозяин землянки. Видимо, ему надо проверить посты, а он или ленится, или боится далеко отойти. А надо бы!..

Ну — все! Кажется, момент наступил! Если он сейчас не пойдет дальше и вернется в землянку, придется его убрать. «Шума не поднимать», — вспоминаю я. В моих руках уже появился финский нож, лезвием своим запрятанный, чтобы не блестел, в рукав гимнастерки. Я крепко сжимаю рукоятку, готовлюсь сползти в траншею.

Но мне повезло: немец, успокоенный тем, что близко все «зеер гут!», рискнул наконец пройти по тран-

шее чуть дальше. Как-никак — третья линия обороны, глубокий тыл.

Его шаги начали медленно удаляться. Видно, он спокоен, но зато волнуюсь я: больше ждать не имею права! Остальных, если такие окажутся в землянке, придется прикончить. Хорошо бы они были сонные.

Тихо скатываюсь в траншею прямо у двери. Медленно тяну ее на себя. Она бесшумно открывается, и я осторожно шагаю в неизвестное.

Внутри тихо. На столе тускло горит русская керосиновая лампа-«молния» с отбитым у стекла верхом, разбрасывая вокруг мягкий свет.

Считаное время остается у меня, чтобы выполнить задание: офицер может в любую минуту вернуться. На всякий случай у меня к бою готова граната, которой я могу воспользоваться сперва как молотком — обрушить ее на голову офицера. Под руками и пистолет — это уже на самый крайний случай.

Быстро осматриваюсь. На добротной сложенной из бревен стене вижу большой портрет Гитлера в раме без стекла. Вокруг портрета вкривь и вкось приклеены десятка два открыток и вырезанные из журналов снимки красавиц в голом виде и в разных позах. «Подходящее, — думаю, — соседство!»

На столе, вокруг лампы, стоят опорожненные и не начатые еще винные бутылки. Тут же на тарелках какая-то закуска, распечатанные консервные банки, хлеб. Ищу главное и вижу: над никелированной двухспальной кроватью висят офицерская полевая сумка, три противогаза, два автомата.

Забираю и вешаю через плечо и под пояс, чтобы не болталась, полевую сумку, не заглядывая в нее, а из автоматов вынимаю магазины-рожки и рассовы-

ваю их за голенища сапог. Сумка — это еще не все. Где же главное?

Около стола, один на другом, стоят три деревянных ящика из-под снарядов. В таких и у нас хранят штабные документы. Легко открываю крышку верхнего ящика, и, оказывается, напрасно: в нем... дамское белье.

Лезу под кровать. Там еще два таких же ящика, только один из них окован железом. Выволакиваю его. Он не закрыт, на мое счастье. Открываю и вижу, что это то самое, за чем меня послали!

Только я было начал рассовывать по карманам и за пазуху карты, документы, как вдруг уловил осторожно приближавшиеся шаги. Мои нервы и слух напряжены до предела. Кидаюсь к двери, прижимаюсь сбоку к стене с поднятой в руке гранатой. Другой, левой рукой сжимаю рукоять финского ножа. И вдруг слышу снаружи тихий шепот:

— Женька, ты здесь? Открой! Это я, Маруся!

Осторожно распахиваю дверь — она! Пожаловала!..

Втаскиваю ее за шиворот в землянку и, онемев, какое-то мгновение не могу произнести ни слова.

Наконец обретаю дар речи и говорю:

— А ведь ты, Марусенька, стерва! — И тычу ей в нос гранату и финский нож. — Ты представляешь, что бы я сейчас с тобой сделал?!

— А я хочу посмотреть, как делается разведка, — невозмутимо отвечает Маруся и смотрит на меня жалобно.

«Черт, а не ребенок! — думаю я. — Как же это она так подбиралась, что я ее не слышал? Где она была все это время?»

Потом, немного успокоившись, говорю:

— Ну, смотри! Что тут интересного? Ты хоть за собой не привела никого?

— Да нет, офицер там балакает с часовым, покуряют! Ну а я — сюда, за тобой. Я тебя видела, все время рядышком шла! А окликнуть боялась...

Махнув рукой, я снова стал рыться в ящиках, искал и под подушками, и под матрацем. Маруся мне помогала, запихивая документы в свою санитарную сумку.

— Пора! Выбираться отсюда трудней, чем войти, — говорю я Марусе, имея в виду ее присутствие, на которое я не рассчитывал.

Прихватив пару автоматов с собой и бросив последний взгляд на землянку, я загасил лампу и отвинтил у нее крышку. Полив керосином все вокруг, плеснул еще на ящики и стащил с кровати одеяло.

— Иди! Выйдешь — прикрой вход одеялом! Я сейчас! — Схватив со стола два столовых ножа, я чиркнул спичкой и выскочил за дверь.

Дал Марусе один нож и показал ей, что нужно сделать. Мы закрепили одеяло на двери, воткнув по верхним углам его прихваченные мною ножи. Они ловко вошли в щели.

Когда мы отошли уже за вторую траншею, полыхнуло пламя, вырвавшееся из только что покинутой нами землянки. Шума, однако, никакого не было: видимо, как я и рассчитывал, немецкий офицер подумал, что пожар произошел от керосиновой лампы.

Поэтому мы благополучно проскочили и первую немецкую траншею. Отдышавшись немного в воронке, попавшейся на нашем пути, мы тронулись дальше.

По дороге обратно я полз впереди Маруси, так как она наверняка уже забыла, где теперь проход в минном поле.

Я не оглядывался назад, но знал, что Маруся движется за мной осторожно, повторяя все мои движения. И я не слышал ее! Под ней не хрустнула ни одна ветка, не дрогнул ни один кустик!

И только очутившись в своей траншее, я дал волю разбиравшей меня ярости.

— Пехота, не пыли! — ответила мне Маруся. Она стояла и улыбалась как ни в чем не бывало...

Впоследствии о подвигах нашего санинструктора Маруси Назаровой, во время упорных боев с фашистами под Ленинградом вынесшей с поля боя не одну сотню раненых бойцов и командиров, часто писали в армейских газетах, отмечая ее храбрость и беззаветную преданность Родине.

НАША ЖЕНЯ

Была в нашем батальоне девчонка. Санинструктор. Звали ее Женя. Вспомнить сейчас, спустя столько лет, ее фамилию не берусь. «Наша Женя» — так звали ее все бойцы и командиры, так запомнилась она и мне.

Как сейчас вижу ее, в больших кирзовых сапогах, в брюках-галифе необъятного размера, в огромной, не по росту, шинели и пилотке, все время соскакивавшей с лохматой головы. Лет нашей Жене было тогда не больше шестнадцати. Как и откуда она появилась в батальоне, толком никто не знал. Много их было тогда на фронте, девушек-комсомолок, добровольно пришедших защищать свой родной Ленинград. Была — и все тут!

Чтобы казаться старше своих шестнадцати лет, Женя старалась походить на бывалого солдата: курила махорку, научившись ловко свертывать «козью ножку», разговаривала грубым баском, причем выражений не выбирала...

Пока вокруг все было тихо-мирно, на Женю не обращали особенного внимания: ну, девчонка и есть девчонка — озорует, и ладно. Однако знали, что в бою наша Женя, несмотря на любую обстановку, всегда будет там, где ее ждут, где она нужнее всего. Поэтому и прощали ее причуды. Заниматься в то время ее воспитанием было некогда, да и некому: фашисты

стояли всего в трех километрах от Ленинграда и в сорока-ста метрах от наших траншей. Порой хорошие гранатометчики как с одной, так и с другой стороны перебрасывались гранатами прямо из окопа в окоп.

Работы Жене всегда хватало. Не одному десятку бойцов спасла она жизнь, вынося на себе тяжело раненных бойцов и командиров с поля боя, не обращая внимания на ружейно-пулеметный огонь, на разрывы снарядов и мин. Она тут же перевязывала и эвакуировала в тыл легкораненых и снова рвалась на передний край, в самое пекло. Это считалось ее обычной работой, такой же, как и работа самих солдат, как и работа любого на фронте, где каждый знает свое дело и место и несет за него ответственность.

Но вот один случай, связанный с нашей Женей, мне запомнился на всю жизнь.

Батальон наш стоял тогда у мельницы неподалеку от знаменитых Клиновских домов под Урицком. Был обычный фронтовой день, такой, о которых в сводках Совинформбюро писалось: «На остальных участках ничего существенного не произошло».

Накануне ночью в тыл к противнику ушла наша дивизионная разведгруппа. Возглавлял ее командир взвода разведки младший лейтенант Иван Пилипчук. Отличный воспитатель, сам лихой разведчик, балагур и весельчак, он был всеобщим любимцем.

Прошли сутки, и в траншеях уже ожидали возвращения наших «пластунов». По времени им полагалось уже вернуться: на исходе была вторая ночь. В траншеях собрался народ, готовый в любую минуту кинуться на выручку своим товарищам, но все по-прежнему было тихо.

Почти рассвело, когда все, обеспокоенные долгим

отсутствием группы, вдруг услышали в расположении противника беспорядочный треск автоматов и глухие, частые разрывы гранат. «Это наши! Их обнаружили! Неужели не прорвутся?» — думал каждый из нас, изготовившись к броску на немецкие траншеи, если это потребуется. Что происходило сейчас на той стороне, мы себе представляли, однако узнали подробно тогда, когда под лихорадочный треск автоматов в наши траншеи по одному стали возвращаться разведчики.

— Как, что там? — забрасывали вопросами каждого вернувшегося с той стороны.

— Плохо! Мы напоролись! Командир тяжело ранен. Двое убиты, некоторых поцарапало...

Прошло еще несколько томительных минут. Уже просматривались в предутренней синеве немецкие траншеи, но все еще отчетливо был виден полет трассирующих пуль, посылаемых фашистами в нашу сторону.

До сих пор еще не вернулись несколько человек. Это, видимо, те, кто убит и никогда уже не вернется, или те, кто еще держится, прикрывая своим огнем отход товарищей.

Но вот мы увидели командира взвода разведки Ивана Пилипчука. Он отходил последним. Тяжело раненный, Пилипчук все же успел добраться ползком до нейтральной полосы. Сейчас он лежал в десяти-пятнадцати метрах от немецких траншей, на виду у фашистов. Все очереди трассирующих пуль фашистских автоматчиков были направлены, кажется, в одну цель — в уходящего от них советского командира.

Снова началась прекратившаяся было стрельба с нашей стороны: надо отсечь Пилипчука от противни-

ка, не дать фашистам взять его живым, помочь Ивану отползти и приблизиться к нашим траншеям.

Видим, замер наш Пилипчук. Чувствуем, ползти он уже сам не может. Неужели это конец?! Нет, мы слышим его стоны, видим, как в беспомощности он нет-нет да и раскинет руки. Чем ему помочь? Как? Любому из нас понятно, что проползти теперь к Ивану уже невозможно: простреливается каждый вершок земли, стало совсем светло.

Добить Пилипчука для немцев сущий пустяк — вот он лежит, стонет прямо перед ними. Но они выжидают, не трогают его. Они радуются, глядя на его и наше беспомощное положение. Не могут фашисты и сами взять лейтенанта в плен: мы не подпустим их к нему.

— Рус зольдат! Забирайт свой командир! — кричат фашисты, хорошо зная закон красноармейцев: не бросать товарища в беде.

Уже поплатились своей жизнью двое разведчиков, попытавшихся было пробраться к своему командиру. Мы смотрим друг на друга: что делать? Выхода нет. Вся надежда на ночь, а до нее почти целые сутки.

— Всем быть на своих постах, вести наблюдение! Не подпускать к Пилипчуку фашистов и не давать им поднять головы! — принимает решение командир батальона майор Морозов. — По своим траншеям они из минометов стрелять не будут! Лишь бы он выжил до ночи!

И вдруг в наступившей тишине раздался девичий голос:

— Что ж мы, товарищи, дадим погибнуть лейтенанту? Эх вы, герои, туды вашу!.. — И уже взвилась, выскочила из траншеи фигурка в серой солдатской

шинели, встала на бруствере и, сбросив с головы пилотку, направилась к немецким траншеям.

Немцы опешили. Девчонка, презирая смерть, шла во весь рост на вырчку командиру.

— О! Карош баба! Иди к нам в плен! — кричали фашисты, прекратив автоматную стрельбу.

Теперь мы слышали, как кроет Женя фашистов последними словами, и видели, как деловито продолжает приближаться к лейтенанту. Вот она подошла к нему, нагнулась, обхватила его руками, подняла и взвалила себе на спину. Так же спокойно, как ни в чем не бывало, она понесла его к нашим траншеям. Только ниже пригнулась под непосильной ношей.

«Вот сейчас! Вот сейчас убьют ее фашисты!» — замерли мы в ожидании неминуемого выстрела. Но и немцы как бы онемели от этой дерзости. Они не могли понять, что же только что произошло у них на глазах. Такого хладнокровного мужества от русской девчонки они не ожидали. А Женя, еле передвигая ноги, уже почти подходила к нашим траншеям.

— Женя, ложись! Сейчас они тебя подстрелят! — кричали ей из наших траншей. — Ныряй скорей в воронку! Мы поможем тебе!

Не доходя десятка метров до наших траншей, Женя бережно опустила свою ношу на землю. И тут только фашисты опомнились. Как осатанелые, они открыли ураганный огонь из своих пулеметов и автоматов, но было уже поздно. Наши бойцы успели выскочить, подхватить обмякшее тело лейтенанта и спустить его в траншею. Кто-то сильным рывком сбросил в траншею и Женю. Сама она двигаться уже не могла...

В себя пришла наша Женя только тогда, когда перестали выть мины, которыми засыпали нас немцы.

— Закурить дали бы! — произнесла она, и тут же несколько рук протянули ей туго набитые кисеты, уже заготовленные самокрутки. Тяжело дыша от пережитого, Женя жадно затягивалась махоркой. Она полусидела в траншее, привалившись к ней спиной, и улыбалась, как бы не веря в то, что осталась жива.

А буквально через неделю нашей Жене, растерянной от непривычного к ней внимания, перед строем бойцов и командиров полка командир дивизии вручал орден Красного Знамени. Это была ее первая награда — за беззаветное мужество и спасение жизни советского командира.

Где теперь наша маленькая героиня? Миновали ли ее фашистские пули? Дожила ли она до дня Победы? И знают ли на ее родине о совершенном подвиге? Это мне еще предстоит узнать. Зато мне известно другое: командир взвода разведки лейтенант Пилипчук остался жив. Перенесший впоследствии еще несколько операций, Иван и сейчас продолжает работать в Тамбовской области. Он, как и прежде, в строю.

Прошло много лет с тех пор, как мы отпраздновали Победу над фашистской Германией. Во многих городах мне довелось побывать за эти годы. Немало повидал я памятников, установленных в честь павших солдат, летчиков, танкистов, артиллеристов, моряков. Но я ни разу не видел памятника, сооруженного в честь наших медиков, спасших тысячи жизней воинов всех родов войск. Может быть, я не все видел. Но я нигде и не читал о таком памятнике...

Я говорю об этом не только потому, что вспомнил о нашей Жене, — много доброго мне сделали за войну военные медики, да и дружба с работниками дивизионного медсанбата у меня была крепкая, постоян-

ная и надежная. Родилась она задолго до войны, продолжается по сей день, хотя ни полка, ни дивизии, ни тем более самого медсанбата уже и в помине нет: дивизию и все ее «хозяйства» расформировали еще в 1945 году.

С военфельдшерами Иванами Михайловичами Муравьевым и Васильевым, в 1939 году окончившими Тамбовскую медицинскую школу, мы начинали свою воинскую службу еще в Карело-Финской ССР. Оба Ивана работали тогда в полковой санчасти. Там же несли свою службу и военфельдшеры Верочка Ярутова, Иван Новостроенный и Саша Замашкин — наш полковой поэт. А начальник медсанбата, майор медицинской службы Сергей Николаевич Поликарпов, перед призывом в армию окончивший медицинский институт, работал в полку врачом. Однако, будучи неаттестованным, ходил тогда в красноармейской форме без знаков различия: воинского звания у него еще не было. Знающие люди про него говорили: «Подающий большие надежды хирург!» Так оно впоследствии и произошло.

А тогда, в 1940 году, мы все быстро сдружились. Не помню как, но только не на медицинской почве, так как болеть в мирное время мне не приходилось.

В хороших отношениях я был и с другими военными медиками — может быть, потому, что был живуч и не надоедал им своими хворями. Во всяком случае, когда мне представлялась возможность отдохнуть в тылу часок-другой, я всегда был желанным гостем в нашем дивизионном медсанбате. И стоило мне там появиться, как друзья сразу же поручали дежурной сестре:

— Верочка, устрой, пожалуйста, Николаеву баню,

дай чистое белье и свободную койку — пусть переспит в человеческих условиях.

А на себя они брали самую ответственную и сложную в то блокадное время задачу — накормить и напоить меня сладким чаем.

Обычно надо мной шефствовали неразлучные подруги — медсестры Тамара Смолова, Верочка Татарникова и замполитрука, секретарь комсомольской организации медсанбата Дашуня Копелевич. Они же снабжали меня припрятанными «до случая» папиросами — пайком, который они получали наравне со всеми бойцами и командирами. Курить я научился в голодное блокадное время: табаком нас снабжали аккуратно. Я и сейчас с удовольствием вспоминаю отличный, довоенного производства «Беломорканал» — папиросы фабрики имени Урицкого в Ленинграде.

После того как меня перевели из родной дивизии на оперативную работу в органы «Смерш», я оторвался от своих друзей, стал реже у них бывать. Но не настолько, чтобы совсем их забыть. Наша 96-я артиллерийская бригада, в которой я служил оперуполномоченным контрразведки «Смерш», поддерживала огнем своих 152-миллиметровых пушек-гаубиц соединения фронта и появлялась то на одном, то на другом участке. Спидометры автомашин, тянувших наши гаубицы, наматывали порой не один десяток километров за сутки по фронтовым дорогам в погоне за фашистами.

Но и тогда, вначале на Карельском перешейке, а потом освобождая Прибалтику, мы часто встречались на фронтовых путях-дорогах с моими друзьями. Я выкраивал время между боями или марш-бросками, находил стоянку медсанбата и забегал к ребятам на часок-другой.

ОТВАЖНЫЕ ДЕВУШКИ

Шел 1942 год. Почти год мы не выпускаем из рук оружия. Третьим глазом и третьей рукой стала для меня снайперская винтовка: она помогла мне искать, находить и уничтожать врага.

Появился опыт в ведении окопной войны. Он оттачивался ежедневно — в дуэлях с немецкими снайперами, в искусстве маскироваться самому и обнаруживать замаскировавшегося фашиста, в стрельбе днем и ночью.

Я охотно делился своим опытом не только с товарищами по работе — опытными уже снайперами, но прежде всего с начинающими истребителями.

Многих бойцов и командиров обучил я за это время снайперскому делу. Среди моих учеников были и девушки. Известно, что девушки пусть редко, но допускались к службе в рядах Красной Армии еще в мирное время. Особенно много их было у нас во время войны. Они занимали различные посты — от скромной должности машинистки в штабе, санинструктора в подразделении, поварихи, прачки, связистки до летчицы и танкиста, не говоря уже о женщинах — врачах, переводчицах, преподавателях, следователях и т.п.

Все узнали имя легендарной партизанки Зои Космодемьянской, уроженки села Вердеревщина Там-

бовской области, которой посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Было широко известно и имя прославленного снайпера из Севастополя Героя Советского Союза Людмилы Павличенко.

Как-то, возвращаясь после очередного слета снайперов из штаба дивизии в свой полк, я проходил мимо подразделения наших минометчиков. Оно располагалось в каменном здании заводского типа справа от шоссе на Урицк. Вдруг слышу, кто-то кричит:

— Эй, товарищ снайпер! Остановись на минутку!

Я остановился, оглянулся. Ко мне подходила девушка в военной форме с санитарной сумкой за плечом. Она протянула мне свою ладошку с тонкими длинными пальцами и сказала:

— Еле догнала! Ну, теперь давайте познакомимся. Я — санинструктор Маруся Митрофанова, ефрейтор. А вас я знаю.

Мы разговорились. Оказывается, у нее есть ко мне просьба — научить ее снайперскому делу.

— Что ж, товарищ Митрофанова, пожалуйста!

Подробно о себе она мне ничего не рассказала в тот раз. А позже от знакомых ребят я узнал, что она комсомолка, ленинградка. В военкомате на фронт ее не брали — по возрасту. Но все же она добилась своего — ушла на передовые с ополченцами и успела повоювать. Где-то рядом, только в другой дивизии, бил фашистов и ее старший брат. А в Ленинграде у нее остались мать, три сестры и четыре брата. Отец умер еще в 1936 году, когда Марусе было всего тринадцать лет. В семье она была самой младшей.

— Ты не куришь? — неожиданно спросил я ее.

— Немного балуюсь, а что?

— А то, что брось! Будешь курить — не возьму с собой. Вдруг закашляешься, лежа в засаде? Пропадем тогда оба.

— Брошу!

Мария оказалась толковой ученицей. Через несколько дней она уже метко била по самодельным мишеням, посылая пули кучно в «десятку». А в первый же выход на «охоту» уничтожила сразу двух фашистов.

Особенно злой Маруся стала после того, как осколком близко разорвавшегося снаряда ее снова, в какой уже раз, ранило. Теперь ей повредило рот — нижнюю губу. Она не ушла в госпиталь, отлежалась в дивизионном медсанбате. Ей предлагали эвакуироваться, поехать в Москву, где есть специальный косметический институт, в котором отлично сделают пластическую операцию, но она наотрез отказалась:

— Некогда мне сейчас по тылам таскаться!

Губу ей заштопали в нашем медсанбате. И Маруся не выглядела от этого хуже. Только еще мужественнее стало ее лицо.

В перерывах между боями Маруся Митрофанова находила меня в полку, и мы отправлялись с ней в свободный поиск — за гитлеровцами.

— Экономь патроны, — учил я ее. — Будь хладнокровней и бей только наверняка. Чувствуешь, что не попадешь, не стреляй, иначе следующего выстрела можешь и не сделать. Немцев много, выбор большой. Но не торопись, не всегда это хорошо. Бери на прицел не просто солдата, а кого поважнее — в этом и заключается главная наша задача.

Маруся при мне уничтожила шестнадцать фашистов, а спустя недели три уже ходила на «охоту» самостоятельно. Она не боялась трудностей, но и не лезла

очертя голову куда не нужно, не рисковала зря — знала цену снайперскому выстрелу.

С Марусей, давно уже не Митрофановой, а Барсковой, я переписываюсь до сих пор. Она живет в Ленинграде и ведет большую общественную военно-патриотическую работу. Сейчас она ответственный секретарь комитета ветеранов нашей дивизии. Воспитала двух дочерей, похожих на свою мать.

Комиссар полка Иван Ильич Агашин обещал мне дать рекомендацию для вступления в партию. Для беседы он вызвал меня к себе на КП полка к 15.00.

Часовой, охранявший землянку комиссара, сказал:

— Подожди, Николаев, комиссар сейчас занят. Он тебя позовет сам. Немного посиди, отдохни.

Сняв с себя плащ-накидку, я сложил ее и присел на пенек под зеленым шатром деревца, стоявшего метрах в десяти от землянки комиссара. Прошло минут двадцать. Дождь, который захватил меня в пути, прекратился, выглянуло солнце. Полковой почтальон передал мне для батальона письма. Было там письмо и для меня из Тамбова.

Я вскрыл конверт. Дома все в порядке, мама, как всегда, ждет сына домой с победой. Сразу стало теплее на душе.

Вдруг из землянки комиссара вышла девушка с пилоткой в руках. «Возможно, новая машинистка или военфельдшер из медсанбата — кто ее знает!» — подумал я. Петлиц под плащом не разглядишь.

— Что же это вы меня не приветствуете? — вдруг спросила она.

Я вскочил, натянул пилотку, вытянулся и приложил руку к виску.

— Будем знакомы. Я — Маргарита Борисовна Котиковская, военный следователь прокуратуры дивизии. — И она первой протянула мне руку.

Я догадывался, что заговорила она со мной неспроста. И немного встревожился: чем я мог заинтересовать прокуратуру дивизии?

— Научите меня стрелять из снайперской винтовки!

Я удивился. Это было неожиданно.

— Сомневаетесь во мне? Смотрите!

И она показала на телеграфный столб. На нем, курчавясь, раскачивались на ветру оборванные провода, а на железных перекладинах одиноко торчали зеленые «стаканчики». Прогрели один за другим три выстрела, и после каждого на землю зелеными брызгами осыпались осколки.

— Вот так! — проговорила Маргарита Борисовна, пряча в кобуру свой ТТ.

— Лихо! — сказал я. — Чистая работа.

То, что Маргарита Борисовна отличный стрелок, я убедился. Но, для того чтобы стать истребителем фашистов, этого мало. Выстрелить в цель может каждый. Правда, не каждый в нее попадет. Но — допустим! Однако найти цель, выследить ее — вот настоящее искусство.

И я решил обучить Маргариту Борисовну этому искусству. Она пришла на наш передний край недели через две после той памятной встречи на КП полка. Я взял запасную снайперскую винтовку, и мы отправились на передний край.

Поначалу Маргарита Борисовна только присутствовала в роли напарника, наблюдала за моей работой, присматривалась к обстановке. Огневые точки я выбирал специально для нее самые безопасные, о

чем она, конечно, не подозревала. В то же время я рассказывал своей прилежной ученице, что нужно знать и уметь снайперу, как действовать в той или иной обстановке, как вести себя при любой ситуации. Схватывала она все моментально, понимала меня с полуслова.

Однако она вскоре поняла, что я только вожу ее за руку. И тогда я решил, что срок стажировки окончился и пора моей ученице переходить к практической работе.

Десятка три фашистов уничтожила только при мне эта симпатичная, отважная девушка. Сейчас она живет и работает в Ленинграде.

В ГОСТЯХ У КИРОВЦЕВ

Первого мая 1942 года меня и Ивана Добрика вызвали в штаб дивизии. Еще в полку нам сказали:

— Явитесь к начальнику политотдела дивизии Матвееву.

Невысокого роста, худощавого полкового комиссара Матвеева, с выправкой старого кадрового военного, с красивыми чертами лица, умным и строгим взглядом, мы с Иваном знали давно. В полку Матвеева видели часто, у нас его уважал и любил каждый боец и командир. Он был требователен, но всегда справедлив. Был прост в обращении, любил бойцов, и они отвечали ему тем же.

— Поидете представителями от дивизии на наш подшефный Кировский завод: вас пригласили на торжественное первомайское собрание, — поздоровавшись, сказал Матвеев. — Быть там надлежит в четырнадцать ноль-ноль. Возможно, придется выступить. Отправляйтесь сейчас же, иначе опоздаете. Там долго не задерживайтесь — время не то... О возвращении доложите. Вот ваше командировочное предписание. Николаев — старший.

За два часа нам предстояло прошагать около четырех километров, отделявших КП дивизии от Кировского завода. И путь этот был, прямо скажем, не из

легких: фашисты то и дело обстреливали шоссе и все вокруг него.

Ни одна машина не обогнала нас за все время пути. Редко-редко встречался одинокий путник, направлявшийся в сторону передовой, — то были либо командиры связи, либо такие же командированные, как мы. Чаще всего мы обгоняли направлявшихся в тыл раненых бойцов и командиров, с помощью санитаров добравшихся до медсанбата.

Чем ближе подходили мы к городу, тем чаще встречались на пути КПП — контрольно-пропускные пункты, на которых приходилось каждый раз предъявлять командировочное предписание вместе со своей красноармейской книжкой. На посту у КПП стояли бойцы и командиры в фуражках с зеленым околышем — из погранвойск НКВД. Они тщательно проверяли наши документы, а проверив, желали счастливого пути, предупреждая о наиболее опасных местах по дороге.

Не доходя метров пятьсот до знаменитого Кировского завода, мы с Иваном привели себя в порядок: сняв гимнастерки, стряхнули с них окопную грязь. Сразу же подшили и свежие подворотнички — из сложенного вчетверо куска марли, израсходовав индивидуальный санитарный пакет из моего НЗ. При помощи песка и земли, поплевав, старательно надраили ремennую пряжку и пуговицы. За неимением обувной щетки травой пообтерли от пыли свои «кирзачи». И только тогда, еще раз критически осмотрев друг друга, нашли, что каждый выглядел вполне прилично.

С волнением подходили мы к проходной, через которую когда-то шли на завод и Киров, и Калинин, где несколько раз бывал великий Ленин.

Мы пришли чуть раньше назначенного времени и

теперь, остановившись на противоположной стороне улицы, остывали от быстрой ходьбы, ожидая провожатого: он еще не появился.

Мимо нас, едва передвигая ноги, шла сухонькая старушка, покрытая, несмотря на теплый день, шерстяным платком, перевязанным на спине крест-накрест. Глаза ее были печальными, а лицо морщинистое, серое. Вдруг остановившись и внимательно посмотрев на нас, она спросила:

— Сынки, за что же это такие ордена красивые у вас?

— Снайперы мы: фашистов бьем, бабуся, — ответил я.

— И много ли вы их уничтожили?

— Хотелось бы больше. Вот он — сто пятьдесят два, а я — сто двадцать четыре.

Услышав это, бабуся как-то нараспев запричитала:

— Миленькие вы мои, спасибо вам! Если бы каждый солдат-то так! Тогда и мой Витюшка жив бы остался...

— Отомстим мы за вашего Витюшку обязательно, бабушка!

— Ведь, поди, и вас матери ждут домой? — спросила она.

— А как же иначе — ждут, конечно! Ну, извините нас, опаздываем!

— Что ж, счастливого вам пути и удач! — И, помахав нам на прощание, пошла своей дорогой. Мы же, закинув за спину свои снайперские винтовки, поспешили к проходной.

В помещении, куда привел нас провожатый, былолюдно. Зная, что территория завода непрерывно обстреливается противником, я спросил:

— Не опасно ли для вас собираться в одном месте в таком количестве?

Мне спокойно ответили:

— Немножко есть! Да мы привыкли — научились, как и вы, не бояться обстрелов. Имеются и у нас укрытия, и щели мы отрыли, да только не всегда кировцы ими пользуются, — работа не ждет! Если бы мы отсиживались в бомбоубежищах, кто тогда делал бы вам снаряды, ремонтировал танки?!

Нас усадили за стол президиума, накрытый кумачовой скатертью. Мы огляделись. Перед нами сидели одетые в промасленные ватники, с противогазами через плечо и винтовками в руках делегаты от цехов завода, пришедшие прямо от станков. Лица их — худые, серые, изможденные — были суровы даже в этот праздничный день.

Собрание открыли сразу же, как только мы с Иваном уселись за столом. Будто только нас и ждали.

— Товарищи! Сегодня на торжественном собрании, посвященном дню Первого мая, присутствуют дорогие гости — лучшие воины подшефной нашему заводу двадцать первой стрелковой дивизии войск НКВД, знатные снайперы Ленинградского фронта замполитрука Евгений Николаев и Иван Добрик. Каждый из них уничтожил более сотни фашистов. О том, как они этого добились, они расскажут сами. А пока поприветствуем дорогих наших защитников!

Все собравшиеся в зале дружно встали, зааплодировали.

— Разрешите мне зачитать текст телеграммы, присланной командиром этой дивизии полковником Папченко, в которой от имени командования и личного состава он приветствует и поздравляет всех нас с

праздником, — сказал председатель собрания и под гром аплодисментов зачитал телеграмму, заранее переданную мной в президиум.

Торжественное собрание прошло по-деловому. Оно было по-фронтовому коротким и содержательным.

Мы с Иваном не знали фамилий товарищей, сидевших рядом с нами. Один из них, видимо парторг завода, вместо доклада о Первомае сжато доложил собравшимся об итогах, с которыми кировцы встречали этот праздник. Говоря о трудностях в работе, созданных условиями военного времени, он сказал, что коллектив завода с успехом справился с поставленной ему задачей, справится с любым заданием и впредь.

Завод находился рядом с передним краем. Десятки бомб и снарядов ежедневно разрушали цеха и оборудование, выводили из строя людей. Отсутствие необходимых специалистов, большинство из которых были вывезены на Урал, острая нехватка топлива и сырья, голод и холод не сломили оставшихся в Ленинграде рабочих. Они были уверены в победе.

В разбитых вражескими снарядами цехах ремонтировались танки, гаубицы и пушки, делались снаряды для фронта. Случалось, что в отремонтированные уже танки садился экипаж, составленный из рабочих завода, и отправлялся прямо на передний край, вступая с ходу в бой с фашистами. Специально созданные ремонтные бригады отправлялись на передний край и там, в ходе боя, ремонтировали танки и орудия. А если было надо, члены бригады тут же становились заряжающими и подносчиками снарядов, а то и водителями танков. Многие кировцы, уйдя в ополчение, давно уже сражались на фронте. Женщины и дети становились к станкам, заменяя ушедших на

фронт мужей и отцов. Докладчик, обращаясь к собравшимся, призвал приложить максимум усилий для полного разгрома фашистов.

После доклада состоялось награждение передовиков производства. Был зачитан приказ директора завода, в котором отмечались ветераны труда, лучшие люди завода.

Меня, не раз бывавшего на подобных торжествах в мирное время, удивило, что ни на столе президиума, ни поблизости от него не было привычных в таких случаях патефонов, гитар, отрезов на платье, фотоаппаратов и других подарков, обычно заранее подготовленных для выдачи. Об этом же подумал и Иван.

— Чем же их будут награждать? Чем премировать? — прошептал он.

— Сейчас все узнаем.

— За отличные показатели в работе, за подготовку молодых квалифицированных кадров и личное мужество, за выполненный раньше намеченного срока спецзаказ знатный мастер-орденоносец товарищ Буштырков Сергей Михайлович награждается... — объявил представитель дирекции завода.

И каково же было наше с Иваном изумление, когда подошедшему к столу знаменитому мастеру-орденоносцу под бурные аплодисменты сидящих в зале вручили два ордера на получение с заводского склада... полкилограмма олифы и килограмма столярного клея. На мой недоуменный взгляд сосед за столом сказал:

— Не удивляйтесь! Это для нас сейчас самая дорогая премия. Из столярного клея можно ведро холодца сварить — на несколько дней с семьей кормиться хватит. А на олифе можно что-нибудь поджаривать.

Что ж, он был прав, этот товарищ, радовавшийся за премированного мастера. Положение в городе с питанием было еще очень сложным. Несмотря на то что произошло несколько прибавок к хлебной норме и рабочие горячих цехов получали к тому времени уже по 700 граммов хлеба на день, просто рабочие — по 500 граммов, служащие — по 400, а дети и иждивенцы по — 300 граммов, этого было очень мало для истощенных голодом людей.

Когда премии, грамоты и другие награды были вручены, а награжденные выступили, слово предоставили мне.

Я не готовился специально к этому выступлению, не знал, что буду говорить рабочим. Однако впечатления этого дня, все увиденное и услышанное на заводе помогли мне. И слова пришли сами собой.

Поблагодарив за приглашение и поздравив коллектив с днем Первого мая, я пожелал всем дожить до дня Победы. Я передал им солдатское спасибо за активную помощь фронту в целом и нам, бойцам 21-й дивизии, в частности, за храброго политрука нашей роты Владимира Михайловича Лапко, воспитанника Кировского завода. Я рассказал, как мы вместе с ним деремся с фашистами, как храбро бьются и остальные кировцы — такие, как политрук Ульянов, мой ученик снайпер красноармеец Виноградов, комбат Морозов и многие другие. Пришлось немного сказать и о том, как мы с Иваном уничтожаем фашистов, вспомнить несколько боевых эпизодов.

Слушали меня внимательно, задавали вопросы. Волнение мое оказалось напрасным — кажется, все обошлось благополучно.

— Лучше Женьки, моего друга и напарника, я рас-

сказать не могу! Мне спидручней фрицев бить, я говорить не мастер. Обещаю, что зничтожу триста фашистов, а буду жив — и больше! — сказал Иван Добрик, от волнения путая русские слова с украинскими.

Аплодировали ему, пожалуй, горячей, чем мне, — за краткую и содержательную речь.

Вернувшись в полк, мы с Иваном Добриком рассказали бойцам о том, что видели и слышали на Кировском заводе.

Не перебивая слушали нас товарищи. Потрясенные услышанным, они клялись еще больше уничтожать фашистов. Обещали мстить ненавистным захватчикам за израненный Ленинград, за его мужественных жителей, детей и стариков, за героический рабочий класс.

Наши снайперы обязались совершенствовать свое боевое мастерство, ежедневно множить свои ряды, обучая снайперскому искусству остальных, увеличивать свой личный счет истребления фашистской нечисти.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО...

Шла вторая половина июля 1942 года. Как-то вдруг, совсем неожиданно, на участке обороны полка установилась непривычная тишина. Вот уже третьи сутки эта тишина и радовала всех, и одновременно настораживала. Казалось, она давила на барабанные перепонки, с самого начала войны успевшие привыкнуть к не умолкавшим ни на минуту звукам: грохоту бомб и снарядов, вою мин и треску разрывавшихся гранат, торопливой скороговорке автоматов и пулеметов, посвисту обгонявших друг друга пуль, громким, четким и отрывистым командам командиров, крикам «ура!» да стонам раненых товарищей.

А теперь, в неожиданно наступившей тишине, мы обнаружили, что не разучились, оказывается, тихо разговаривать, отчетливо слышать друг друга. У нас появилось даже свободное время, в которое можно было писать домой длинные письма или просто сидеть и ничего не делать. В томительном ожидании чего-то до резей в глазах всматривались мы в бездонное голубое небо и обнаружили, что оно такое же, каким было до войны. Еще мы заметили, что дни стоят солнечные, жаркие и длинные, а ночи короткие и тоже теплые. Оказывается, растет и колыхается трава, и на ней можно спокойно полежать, поглядывая в небо; вот тут, совсем рядом, за бруствером окопа, растут и тя-

нутся к солнцу на своих тонких ножках голубые головки колокольчиков, ромашки. Мы видели пролетавшего мимо шмеля, четко слышали его жужжание. Даже трепет крыльев стрекоз, порхавших над нами, был слышен. Лишь редкие одиночные винтовочные выстрелы снайперов в сторону противника да осветительные ракеты, с шипом взмывавшие ввысь по ночам, — вот и все, что нарушало установившуюся тишину.

— Что-то не нравится мне все это, — сказал командир батальона старший лейтенант Архипов нашему ротному, лейтенанту Попову, докладывавшему комбату обстановку на своем переднем крае. — Аж в ушах звенит! Не успокаивайся, лейтенант, будь готов ко всяким неожиданностям. А пока пусть твои бойцы продолжают углублять траншеи, рыть больше «лисьих нор». И — наблюдение! Не ослабляй его ни на минуту. Чует мое сердце: затевают что-то фашисты!

И мы наблюдали.

Каждый метр в обороне противника просматривался тщательней прежнего. Замечалось и ложилось в строчки донесений малейшее изменение в обороне противника, в знакомом до мельчайших подробностей пейзаже, раскинувшемся перед нами.

А днем 21 июля лейтенант Попов уже докладывал по телефону комбату Архипову:

— Мои наблюдатели сообщили о большом передвижении войск противника из тыла в сторону нашего переднего края!

Ночью этих же суток снова звонок к комбату:

— Слышу вдалеке шум моторов. Похоже на танки. Сколько их там — установить без разведки не могу. У нас пока тихо. Пожалуй, очень тихо! — подчеркнул командир роты.

— Усиль еще посты наблюдения, приведи роту в полную боевую готовность. Запасись боеприпасами да получи срочно бутылки с горючей смесью, возьми побольше противотанковых гранат. Расставь потолковей пэтээровцев. А твои соображения о противнике я доложу, — «первый» интересовался именно твоим участком, он ждет донесений.

Напряженно стояли бойцы на постах, внимательней прежнего следили за обороной противника наблюдатели. Они прислушивались к тому, что делалось сейчас за насыпью железной дороги, которая проходила по нейтральной полосе, разделяя лощину перед нашими траншеями надвое.

А там, видимо, фашисты накапливались для решительного штурма: раздавались отрывочные лающие команды, слышны были шум моторов, лязг оружия.

Все стало ясно на другой же день, 22 июля 1942 года. Именно тут, на участке нашего батальона, фашисты решили любой ценой прорваться в Ленинград.

Ровно в 10.00 их авиация основательно пробомбила всю нашу оборону, затем артиллерия и минометы около тридцати минут «обрабатывали» передний край. Грохот стоял невероятный, на какое-то время все потемнело вокруг. Взметнулась ввысь земля. Ровная, зеленая и спокойная до этого лощина за несколько минут преобразилась до неузнаваемости — все дымилось вокруг, противно пахло серой.

Стоя в тесной стрелковой ячейке со снайперской винтовкой в руках, я отчетливо слышал, как осыпается в траншее потревоженная разрывами снарядов земля. В первые же минуты артобстрела наши окопы во многих местах были повреждены, разрушена часть землянок.

Туго пришлось в тот день бойцам, стоявшим в десяти-пятнадцати метрах друг от друга. Появились убитые и раненые. И без того малочисленные наши ряды заметно поредели после этого артобстрела — в роте, вместе с командирами, на обороне протяженностью в 500 метров стояли всего 23 человека...

Оставшиеся в живых спешно готовились к отражению атаки противника, которой с минуты на минуту следовало ожидать. Бойцы откапывали своих товарищей, отрывали оружие, боеприпасы; наспех поправляли, где это было возможно, и углубляли разрушенные стрелковые ячейки, землянки и обвалившиеся траншеи; санитары оказывали первую помощь раненым, а потом занялись и убитыми. Командиры уточняли потери, отдавали приказания. Наблюдатели, на время артобстрела засевшие в своих «лисьих норах», моментально заняли места в стрелковых ячейках, ощупывая удобно разложенные рядом, под рукой, бутылки со смесью и гранаты со вставленными в корпус запалами. Пулеметчики и пэтээровцы очищали от земли и песка свое оружие, поудобней устанавливали его на бруствере, спешно расчищали и улучшали перед собой сектор обстрела. Никто не сидел без дела, но и не суетился напрасно. Каждый знал, что будет делать, если на наши траншеи обрушится шквал автоматного-пулеметного огня идущих в наступление фашистов. Мы были готовы их встретить.

И они пошли... Не успела умолкнуть артиллерийская канонада, как из-за железнодорожной насыпи появились и стали расползаться по ложине густые цепи гитлеровцев. На нас поднялась толпа сытых, здоровенных, понукаемых своими офицерами оголтелых фашистов. Боец, находившийся рядом со мной

в траншее, плотнее надвинул на голову каску и, ни к кому не обращаясь, произнес:

— Началось... Ну, братва, не подкачаем и на этот раз! — И придирчиво осмотрел разложенные перед ним гранаты и бутылки с горючей смесью.

Кто-то услышал его и тут же откликнулся:

— Не впервой бить гадов, побьем и теперь — пусть сунутся!

Прижав автоматы к животу, немцы шли, поливая траншеи бесприцельным огнем. На нас катилась масса силой до двух батальонов.

Наши траншеи молчали. Видеть такие психические атаки нам приходилось и раньше, так что не испугала и эта. Не страшило и то, что на два десятка бойцов катилась лавина в лягушачьих мундирах. Не боялись мы и стука их автоматов — знали, что такой бесприцельный огонь действует только на психику и рассчитан на слабонервных, а таких среди нас не было.

Мы решили подпустить этот пьяный сброд к себе поближе, чтобы потом бить его наверняка, на выбор. Как только фашисты полностью перекатились через железнодорожную насыпь и, заполнив ложину, стали приближаться к нашим траншеям на расстояние двадцати-тридцати метров, первыми открыли огонь наши пулеметчики.

Вот уже не один десяток фашистских разбойников скосил из своего «Максима» Анатолий Щербинский, не отставал от него и пулеметчик Николай Гулий. За ними дружно и расчетливо вели огонь и стрелки роты. Я бил из своей снайперки по офицерам да по тем фашистам, которые почти вплотную подходили к траншеям. Ствол моей винтовки накалился...

Не ожидавшие встретить такого яростного сопро-

тивления, гитлеровцы начали поспешно отступать. Часть уцелевших немцев тут же залегла в воронках, начала спешно окапываться. Остальные, оставшись без офицеров, дрогнув, побежали назад, оставляя в лощине десятки трупов. Но тут из глубины нашей обороны заговорили орудия и минометы — то, что не успели сделать стрелки, завершили друзья артиллеристы. Первая попытка фашистских головорезов прорваться через нашу оборону захлебнулась.

Нам здорово помогла зенитная батарея, приданная полку и стоявшая где-то в глубине его обороны. Своим огнем зенитчики отсекали противника от железнодорожной насыпи, не дали ему уйти и добивали метавшихся гитлеровцев тут же, в лощине. Мало кому из них довелось на этот раз избежать справедливого возмездия.

Командовал зенитной батареей старший лейтенант Юшин, мой земляк, с которым я совсем случайно недавно встретился. Тот самый Сенька Юшин, с которым мы учились в одной средней школе в Тамбове. Отчаянный еще в школьные годы парень, он и сейчас, невзирая на опасность, принял решение выдвинуть свою батарею на прямую наводку и хладнокровно расстреливал фашистов огнем зенитных пулеметов, бил по ним и бризантными снарядами из орудий, уничтожая минометные расчеты врага. И по наземным целям лихие зенитчики Семена Юшина били так же точно, как по воздушным. Теперь к нескольким сбитым батареей самолетам прибавились еще и минометные расчеты. Роль корректировщика на этот раз взял на себя заместитель командира батареи по политчасти, старший политрук Дмитрий Мартынович Ерофеев, находившийся в этом бою в наших траншеях.

Вот он снова звонит своему комбату, что немцы накапливаются за насыпью для нового броска. Но командир батареи и сам уже отчетливо видит в бинокль, что творится на нашем участке. Короткая команда — и огонь зенитных установок вновь обрушивается на головы фашистов.

И снова пулеметчики роты не дают поднять головы гитлеровцам, снова я вывожу из строя их офицеров и особо ретивых солдат.

С помощью артиллеристов захлебнулась и вторая попытка вражеской пехоты атаковать наши траншеи. И все-таки положение оставалось критическим: у нас не хватало бойцов, выведены из строя почти все командиры, а противник может повторить свои атаки. Сейчас от двух батальонов фашистов добрая половина осталась лежать навечно в этой ложине. А если это была только разведка? Проба своих и наших сил? А вдруг они бросят на нас целый полк? В таком случае мы не устоим. Даже с помощью артиллеристов. Но каждый боец и в мыслях не допускает оставить свои позиции и сдать траншеи врагу. Ведь это значит пропустить фашистов в Ленинград! Оставшиеся без связи с полком, мы все не были уверены, что командованию известно о создавшемся у нас положении и уже принимаются меры по оказанию помощи малочисленному гарнизону. И действительно, помощь пришла почти своевременно. А пока мы снова приводили в порядок свои траншеи и готовились к отражению новых атак противника, которые не замедлили возобновиться.

Через каких-то полчаса, подгоняемые своими офицерами, пополненные ряды фашистов в третий раз ринулись на нашу оборону. И снова они почти вплотную подошли к нам, забрасывали наши траншеи гра-

натами с длинной деревянной ручкой на конце. Но редкая из них приносила желаемый для немцев результат: мы ухитрились ловить гранаты на лету или успевали подхватывать их со дна траншеи и швырять обратно. Фашистские гранаты взрывались под ногами своих хозяев...

Перебегая от одной стрелковой ячейки к другой, от одного нашего взвода к другому, я помогал бойцам огнем из своей снайперской винтовки расправляться с гитлеровцами. Одного за другим выводил я из строя офицеров, участвовал в ликвидации острых моментов, возникавших непосредственно у траншей.

Оставшиеся без офицеров немецкие солдаты тережились: никем не понукаемые, они не знали, что им делать — то ли продолжать идти вперед, нарываясь на наши пули, то ли повернуть обратно. И выбирали, конечно, последнее. С замешкавшимися же солдатами наши бойцы и пулеметчики отлично знали, что делать. Они спокойно, на выбор били метавшихся туда-сюда фашистов.

Продвигаясь таким образом по траншее, я очутился на командном пункте роты. Мне хотелось, чтобы командир роты лейтенант Попов разрешил наблюдателям устроиться прямо над насыпью железнодорожного полотна. Это позволило бы нам отлично видеть, что делается в стане фашистов и хотя бы за несколько минут знать о намерениях врага. Но командира на КП не оказалось.

— Он во взводах, — сказал санинструктор Анатолий Князев.

— А связи со взводами нет — порвало, видимо, в нескольких местах, — добавил телефонист Кирьянов. — Где его теперь искать — ума не приложу! — И выско-

чил за дверь землянки, бросив на ходу: — Пойду искать обрыв, может, и командира отыщу — его «первый» спрашивал...

Через пару минут после его ухода мы увидели с десяток бомбардировщиков противника, приближавшихся к нашей обороне. Сделав над ней круг, они по очереди, камнем падая с высоты, стали пикировать на траншеи.

— Воздух! — закричали наблюдатели. И моментально опустели все стрелковые ячейки — попрятались наши бойцы в своих «лисыих норах».

Мы на КП продолжали стоять у дверей землянки, тоже готовые в любую секунду нырнуть в укрытие, и продолжали наблюдать за событиями, опасаясь лишь прямого попадания бомбы.

От самолетов стали отделяться черные, все увеличивавшиеся в размерах капли, готовые через мгновение превратить в груды развалин наши землянки и уже без того развороченные траншеи. Но страшного на этот раз ничего не произошло: не уверенные, видимо, в обстановке на участке, фашистские летчики сбросили свой смертоносный груз беспорядочно, чуть позади наших траншей. Либо они думали, что лощина и траншеи уже заняты их солдатами, либо сами испугались огня зенитной батареи Сеньки Юшина, но только после двух заходов самолеты ушли восвояси.

Однако стон и грохот все еще стояли вокруг, земля продолжала дрожать и ходила ходуном. Тяжелые ее комья, поднятые взрывами бомб высоко в небо, с грохотом оседали на тот район, где был расположен третий взвод.

Много смертей успел повидать я за год войны, однако одна, сегодняшняя, своей нелепостью запомни-

лась мне на всю жизнь. На моих глазах во время арт-обстрела был убит прямым попаданием снаряда старший сержант Петр Деревянко — наш парторг, любимец батальона. Он всегда вовремя появлялся там, где был нужен. Двадцатитрехлетний парень, Петр и в мыслях не допускал, что он погибнет. «Мы еще с вами ничего не сделали для победы над врагом, нам умирать еще рано. Мы еще в Берлине должны побывать», — говорил он бойцам, вселяя в них уверенность в собственных силах. Такую мысль он внушил и мне. Он любил жизнь, любил и понимал людей.

И вот нет нашего Петра... Только что мы с ним разговаривали на КП роты, пережидая бомбежку. Едва она прекратилась, Петр не стал ждать и минуты.

— Я в третий взвод. Там, кажется, ребятам было туго.

Он успел добежать лишь до второго взвода, стоял и разговаривал с одним из бойцов, когда внезапно, следом за бомбежкой, начался артобстрел. Второй снаряд, упавший в расположении взвода, разорвался под ногами Петра.

Когда после артобстрела я добрался до второго взвода, все было кончено: на месте, где стояли Деревянко с бойцом, зияла огромная воронка...

Но горевать было некогда. Война продолжалась.

— Проскочил, укрылся или убит? — беспокоились мы о телефонисте, до сих пор не вернувшемся на КП.

— Не проскочил! — в какой уже раз произнес радист Сергей Аксенов. — Нет связи! — говорил он, продолжая накручивать ручку безнадежно молчавшего телефонного аппарата.

В это время снова задрожала, заходила ходуном земля — это немцы произвели новый артралет на на-

ши траншеи. Под прикрытием артогня, прямо за разрывами своих снарядов, в лощине снова появились фашисты. Что-то горланя на ходу, они быстро приближались, строча из автоматов разрывными пулями. Стоял невообразимый шум вокруг, но на опытных, обстрелянных красноармейцев старания фашистов не действовали — я видел, как быстро занимали свои места бойцы в стрелковых ячейках.

В пылу наступления за бешеной трескотней своих автоматов немцы не обратили внимания на мои выстрелы им в спину, не заметили и самой землянки, — КП роты оказался теперь у них за спиной, расположенный в насыпи железнодорожного полотна. Они устремились вперед, все еще не теряя надежды покорить недоступные для них русские траншеи. Наш КП и мы трое — я, санинструктор Князев и радист Аксенов — оказались, таким образом, не только отрезанными от роты, но остались еще и без связи со взводами. Подходили к концу и боезапасы: патроны, что были у меня, да несколько гранат — вот и все, чем мы располагали.

— Да... Не густо у нас, ребята, в арсенале-то! Да ничего, выдюжим! Уверен, нас выручат! И не только нас, но и роте помогут! — подбадривал я своих товарищей, да и себя тоже успокаивал. — А КП мы все же удержим!

Я не ошибся: комбат Архипов собрал и выслал нам в помощь всех снайперов батальона, усилил роту взводом пулеметчиков, которым командовал снайпер и толковый пулеметчик сержант Иван Карпов. Комбат сконцентрировал на участке почти всю имеющуюся у него в наличии огневую мощь. А из наших тылов по лощине снова били полковая артиллерия и зенитная

батарея Семена Юшина. Но об этом мы узнали чуть позже. Пока же нужно было решить, что делать нам самим.

Через щели в двери землянки была видна почти вся лощина, по которой бежали сейчас к траншеям фашисты, а в небольшое оконце хорошо просматривалась наша оборона. Как и прежде, фашистов было очень много.

— Готовь гранаты! — крикнул я Анатолию Князеву, разбивая прикладом винтовки оконце. — Буду помогать ребятам прямо отсюда! А ты гранатами не подпускай фашистов близко к землянке, карауль вход! Ты, Серега, попытайся все же как-то наладить связь — артобстрела, кажется, больше не предвидится. Попытайся выбраться наружу — Князев тебе поможет.

Выстрел за выстрелом посылал я в спины наступавших фашистов. Пока это удавалось легко: фашисты не видели меня и не могли слышать моих выстрелов. И ведь не только же от моих пуль они падали — мне очень хорошо было видно, как отбиваются от гитлеровцев наши бойцы. «Лишь бы там были живы командиры, хотя бы один!» — думал я, в который уже раз перезаряжая свою снайперку.

Санинструктор Князев, давно уже расстрелявший из «нагана» все свои патроны, кроме трех, оставленных «на всякий пожарный случай», как он сказал, следил сейчас за моей стрельбой и подсказывал:

— Вон, слева, офицер появился, руками машет. Сейчас в траншею прыгнет. Бей же его! — кричал он, и я мгновенно усмирять не в меру ретивого фашиста. А когда очередной немец замертво падал от моей пули, Анатолий подсчитывал, забавно приговаривая:

— Двенадцатый отыгрался!.. Семнадцатый приказал долго жить!.. Вознесся на небеси двадцатый!..

В такой лихорадочной стрельбе, в боевом азарте я не заметил, как и сам начал вслух приговаривать перед тем, как уложить следующего фашиста:

— Ну, молись Богу! Царствие тебе небесное, сук-кин ты сын!..

И, снова посадив на мушку очередного гитлеровца, плавно нажимал на спусковой крючок:

— Преставился, гад?

Однако, опомнившись, сказал Князеву:

— Слушай, не гуди ты мне тут под руку! Всех все равно не сосчитаешь. Давай-ка лучше делом займись — помоги вон Сергею дверь открыть! Ведь в случае чего — не выскочить нам отсюда!

Радист Сергей Аксенов уже давно пытался открыть дверь землянки, но все безуспешно: она была зажата трупом фашиста, которого санинструктор Князев свалил выстрелом из нагана в упор, прямо через щель. Князев пришел на помощь Сергею, и дверь наконец поддалась. Через нее выскользнул наружу Аксенов, прихватив с собой несколько ручных гранат и оборванный кусок телефонного шнура.

Отсутствовал Сергей недолго. Едва успел он где-то неподалеку соединить концы перебитого осколком снаряда провода, как в землянке тут же зазуммерил телефон.

Князев подошел, взял трубку.

— Алло, алло! «Ромашка»! Почему молчите? Говорит «третий»! Что там у вас? Вы слышите меня? Доложите немедленно обстановку!

— «Третий» спрашивает обстановку! — посмотрев

на меня, сказал Князев. — Начальник штаба батальона звонит! — для убедительности добавил он.

— Ну и доложи! Ты что, не знаешь, что ответить? Тогда скажи, что... — Но я не успел договорить, как в землянку пулей влетел Аксенов. Вслед за ним раздалось несколько разрывов.

— Опять бросать начали, сволочи! Ну как? Порядочек? Заработал? — И он выхватил у Князева телефонную трубку: — Товарищ «третий»! Докладывает радист Аксенов! Телефонист убит, связь я только что восстановил. Нас на КП сейчас трое: снайпер Николаев, санинструктор Князев и я. Мы отбиваемся от немцев, они перекатываются через час, прут на траншеи роты...

— Скажи, что просим огня артиллерии на себя! Пусть ударят по ложине покрепче! Вон их тут сколько — всех не перестреляем, — подсказал я Аксенову.

— Товарищ «третий»! Николаев просит «огурцов» на ложину, и пусть бьют прямо по КП! Только скорей! Немцы могут ворваться в землянку! Их очень много, они забрасывают траншеи гранатами. Николаев бьет их прямо через окно...

— Вас понял. Где комроты?

— Пока не знаем. Ушел в роту сразу же после бомбежки. Связи со взводами нет, восстановить ее сейчас невозможно — кругом немцы. Из землянки выйти не можем. Дайте скорей огня!

— Держитесь, сейчас дадим им прикурить! Из землянки не выходите, корректируйте оттуда огонь!

Разрывы снарядов и мин заглушили голос из штаба — по ложине начала бить наша артиллерия.

— Отлично, «третий», отлично! Спасибо за огонек! Теперь доверните чуть вперед, метров на пятьдесят, к насыпи. Немцы бегут сюда, на КП! Не бойтесь за

нас, бейте по землянке! — кричал Аксенов в телефонную трубку.

Я бил по отступавшим в страхе фашистам — прямо им в лицо. А над лощиной уже сгущались сумерки, видимость заметно ухудшилась.

— Двадцать восьмой! — продолжал подсчитывать Князев мои попадания. — Ну, кажется, это последний сегодня, а?

И действительно, над лощиной повисла тишина. Прекратились выстрелы с обеих сторон. Немцы откатились, положение снова было восстановлено. Ночью они к нам не сунутся — в этом мы были уверены.

На войне иногда одного боя, даже протяженностью в несколько минут, бывает достаточно, чтобы он остался в памяти на всю жизнь. В таком бою молодые становятся седыми, тихие — храбрыми, наглец оказывается трусом. В таком бою не только познаются люди, узнаешь и самого себя.

Почти целый день длился этот бой. Я понял, что совсем не боюсь немцев, пусть даже их вдесятеро больше, — потому что ты не один, рядом с тобой товарищи, которые всегда придут тебе на выручку в трудную минуту. А фашистов надо уничтожать, чтобы выжить самому и не дать погибнуть друзьям.

Когда наступила тишина, я почувствовал, как здорово устал, как велико было напряжение. Захотелось сесть, вытянуть ноги, чтобы унять появившуюся противную нервную дрожь в коленях.

— Аксенов, давай быстро с Князевым в роту! Восстановите с ней связь, окажите помощь раненым. За телефоном я посмотрю. Обязательно найдите комро-

ты. Пусть, если жив, вернется на КП, к телефону! — сказал я, вытирая пилоткой пот с лица.

Ребята мигом шмыгнули из землянки и через минуту уже были в наших траншеях. В такие моменты важно, чтобы тобой кто-то авторитетно командовал. Сейчас я для них был этим авторитетом, хотя бы только по званию. Командир роты мне тоже был нужен, чтобы он распоряжался мной и не давал раскиснуть от усталости. А меня уже клонило ко сну. На КП я остался совершенно один.

Через какое-то время после ухода ребят в землянке снова зазуммерил телефон. Я взял трубку.

— Как там дела, Николаев? Что видишь перед собой? — спросил «третий», когда я представился ему и доложил обстановку.

— У нас тихо-спокойно, — докладывал я. — Немцы откатились на исходные, возможно, до утра беспокоить не станут. На КП я сейчас один, жду командира роты. Санинструктора и радиста послал в роту — восстановить связь и найти лейтенанта.

— Хорошо. Что будет нового, докладывай сразу. Придет Попов — пусть сразу соединится со мной, — приказал капитан Найда.

А минут через двадцать после этого разговора Анатолий Князев, вернувшийся на КП роты, уже рассказывал мне:

— Ну, на сегодня война, кажется, кончилась. Командир роты жив, вот-вот придет сюда. Видел я сейчас в траншеях твоих дружков — снайперов Рахматуллина и Добрика. Говорят, давали прикурить фашистам. Еще Карпов Иван свой пулеметный взвод привел, да и сам со снайперкой стоял — работал, как говорят, «в четыре руки»! А главное, подмога нам хорошая пришла!

Снайпера сержанта Ивана Карпова в полку знали как отличного пулеметчика. К тому же он умел работать с людьми, мог научить подчиненных меткой стрельбе.

Большие они друзья — Иван Карпов и его «максим». Долгой разлуки не выносили и не раз выручали друг друга из беды. Вот и сегодня Иван сам стоял за пулеметом.

— Эх, пообедать бы сейчас!.. — мечтательно произнес напарник Карпова, его второй помер.

— Обед еще заработать надо! — заметил Иван. — Давай-ка лучше бруствер под пулеметом поднимем, сектор обстрела расчистим!

И пулеметчики привычно и сноровисто начали готовить огневую позицию. Работа спорилась. Вокруг пока было тихо.

— Стой! — вдруг произнес сержант Карпов.

Близко хлестнул один выстрел, другой, а на левом фланге роты уже завязалась ружейно-автоматная перестрелка.

— А ну, ребята, кончай перекур! Всем по местам, всем рассредоточиться! Приготовимся к встрече незваных гостей! — распорядился Карпов. Но его бойцы и без того уже быстро встали за пулеметы. Над их головами завывали немецкие мины, разрываясь где-то позади, за траншеей.

— Мазилы! — презрительно произнес кто-то в адрес фашистских артиллеристов. — Стрелять бы научились!

— Предупреждать надо — не пригибался бы! — вторил ему другой пулеметчик. — Вот мы вам покажем сейчас, как бить надо!

Бойцы шутили. Однако, как только фашисты стали приближаться к нашим траншеям, заполнив всю ло-

щину, лица пулеметчиков стали сосредоточенными и суровыми, а движения — скупыми и решительными. Лишь только подпустив противника на двадцать-тридцать метров, подал сержант команду «Огонь!».

Первым заговорил карповский «максим». Голос его был зычным и злым. «Тах-та-та-тах-та!» — строчил по фашистам Иван. В ответ раздались крики и стоны раненых фрицев, не ожидавших такого решительного отпора. Под огнем пулеметов волна атакующих моментально отхлынула, но тут же, развернувшись, снова пошла напролом.

— Хотите еще? Н-н-нате, получайте! Что, не нравится? — сквозь плотно стиснутые зубы зло цедил Иван Карпов, нажимая на гашетки.

Теперь цепи гитлеровцев приостановились, смешались и повернули обратно. Немцы бежали, оставляя в лощине десятки трупов. Особенно много лежало их перед пулеметом сержанта Карпова.

Но вот перед огневой позицией Ивана стали разрываться вражеские мины.

— Нащупали, гады! — сказал Иван и бережно прикрыл свой пулемет плащ-накидкой. — Отдохни, браток, малость! — Он взял в руки снайперскую винтовку. — Пусть думают, что подавили пулемет!

Но немцы продолжали наседать. Все больше и больше появлялось их из-за насыпи железнодорожного полотна. Они шли, низко пригибаясь к земле, подбадривая себя трескотней из автоматов.

— Всем приготовить гранаты к бою! — крикнул сержант Карпов, а сам бил и бил из пулемета, переводя дуло «максима» от катка к катку, пока в кожухе его не закипела вода. Рядом из снайперской винтов-

ки Ивана вел огонь по фашистам его подносчик патронов Василий Незнанов.

— Шестой! — подсчитывал он свои попадания, но вдруг охнул: — Все, ребята, прощайте! Напиши, сержант, моей... — И, не закончив фразы, упал на дно траншеи.

Только на секунду замешкался Карпов, оглянувшись на умирающего. Потом подскочил к нему и взял из коченеющих уже рук свою снайперскую винтовку. Ему некогда было пожать руку товарища, попрощаться с ним. Он только еще сильнее стиснул зубы, столкнул под уклон камни, на которых стоял пулемет, снизил прицел и произнес, глядя вперед:

— Мы отомстим за тебя, Вася!

И с еще большей яростью начал расстреливать фашистов.

Вдруг горячая волна рванула и отбросила Карпова от пулемета.

— Мина, сволочь! А пулемет?!

И он, преодолевая тупую боль, подступавшую тошноту и головокружение, бросился к своему «максимуму», к которому уже тянулись из-за бруствера чужие руки. Выстрел из винтовки, вскрик убитого фашиста — и руки пропали. Изловчившись, одну за другой бросил Иван за бруствер три гранаты и, припав к стенке окопа, услышал, как трижды вздрогнула и качнулась за окопом земля, заорали раненые гитлеровцы.

Следом за Иваном в фашистов стали бросать гранаты его бойцы. И на этот раз пулеметчики не дали противнику ворваться в наши траншеи.

— Неплохо мы с тобой поработали, друг! — сказал Иван, хлопнув рукой по пулемету, и только тогда с облегчением вздохнул полной грудью. А потом, вос-

пользовавшись передышкой, шутки ради, как это он делал иногда, короткими очередями из пулемета выбил «Барыню».

Стоявшие в траншеях бойцы заулыбались: жив, значит, Иван Карпов со своим «максимом»!..

Карпов был влюблен в свой пулемет. В период затишья между боями он брал в руки промасленную паклю, чистил ею «максим» и приговаривал, точно беседовал с хорошим приятелем:

— На дворе сыро, я тебя сейчас маслицем укрою!

И лицо сержанта — широкое, с крутым подбородком, упрямое и волевое — принимало выражение глубокой озабоченности. Его светлые глаза излучали тепло, когда он трудился над вороненой сталью пулемета, сгоняя с него каждое туманное пятнышко...

Наступили вторые сутки. Еще какое-то время было тихо вокруг, смолкла стрельба с обеих сторон. Но мы были уверены, что немцы не оставят так просто свою затею прорваться в Ленинград. А пока, воспользовавшись передышкой, горстка бойцов, которая осталась от роты, старалась привести в порядок оборону, готовилась к отражению атак противника. Из тыла подносились боеприпасы, рылись новые «лисьи норы», так выручавшие бойцов при бомбежке и артобстреле. Только прямое попадание в такую «нору» могло заживо похоронить бойца, а попасть в нее было делом почти невероятным.

И еще три раза за эти сутки толпы фашистов устремлялись к нашим траншеям, но каждый раз с большими потерями вынуждены были отступать. Разгоряченные боем, грязные, голодные и измученные бой-

цы посылали вслед отступавшим немцам гранату за гранатой.

К исходу дня остатки нашей роты, поддержанные соседями, первыми ворвались на плечах противника в их траншеи за железнодорожной насыпью. И только одна огневая точка фашистов, расположенная на пригорке, не давалась нам в руки. Она сыпала пулеметными очередями по контратакующему батальону. Прогресс на нашем фланге грозил застопориться.

Тогда в траншеях появился комиссар полка подполковник Томленов, недавно прибывший в полк вместо нашего Ивана Ильича Агашина, отозванного в штаб погранвойск Ленинградского фронта. Комиссара Томленова мы еще мало знали, но нам понравилось, как он, придя в траншеи перед боем, спокойно и просто сказал:

— Ребята, давайте за мной! Коммунисты, вперед! — И пополз по мокрой траве, увлекая за собой остальных.

И уже не на втором, а каком-то десятом дыхании снова поднялись наши бойцы в контратаку. И получилось! Мы заняли траншеи противника. Был подавлен и мешавший нашему продвижению пулемет — кто-то, изловчившись, своим бушлатом сумел прикрыть смотровую щель амбразуры, изрыгавшей свинцовый ливень. Брошенная вслед за этим в ход сообщения граната завершила дело — по траншее, высоко подняв руки, шли три немца, выползшие из глубины дота. Страшная огневая точка противника замолчала. Но ненадолго. Через некоторое время она заговорила снова, однако стальная, непробиваемая крепость велла огонь уже в противоположном направлении: она была в надежных руках — за броней закопанного в

землю и искусно замаскированного танка отныне сидели советские снайперы и наблюдатели.

Теперь нам требовалось отстоять захваченные у немцев позиции. Отстоять во что бы то ни стало!

На какое-то время наше наступление приостановилось, — немцы еще не успели опомниться от поражения, а мы пока обживали новые траншеи, в которых огневые точки нужно было срочно делать заново, развернув их в противоположное, в сторону противника, направление.

Бойцы заглядывали в совсем еще недавно бывшие добротными, просторными и благоустроенными, а теперь развороченные взрывами наших противотанковых гранат немецкие землянки. Заходить в них они не решались: там было много вшей, да и смердило — несло жженой серой, порохом и каким-то очень уже неприятным чужим духом.

Я вошел в одну из них. Там были разбросаны какие-то тряпки: женское белье, старая домашняя утварь, детские игрушки. Валялись остатки пищи, фотографии, письма.

Я поднял с пола нераспечатанное письмо. Оно было из Дортмунда. «Курт прислал из России одеяла и разные вещи», — прочитал я, едва разбирая каракули какой-то фрау. Мамаша наставляла своего сынка Ганса: грабь, убивай! Но ее Гансик уже ничего не пришлет из России, — он лежит в траншее, усыпанный вшами...

С чувством гадливости и омерзения вышел я из землянки, но не мог отказать себе в удовольствии пнуть ногой убитого фашиста: «Что, лежишь, паскуда? Лежи, лежи! Скоро всем вам так лежать придется!»

Однако, разъяренные неудачами, фашисты не ус-

покоились. Наши наблюдатели доложили, что немцы снова накапливаются, теперь уже для контратаки.

Вот уже пошли на штурм своих бывших траншей немецкие автоматчики. Но наши артиллеристы и зенитчики Юшина давно пристреляли этот квадрат! И я удобно расположился в башне немецкого танка — моя снайперская винтовка успела накалиться от непрерывной стрельбы.

Я радовался удобно выбранной позиции, радовался тому, что все больше и больше фашистов падало от моих выстрелов, и беспокоился только за своих товарищей, которые где-то рядом тоже ведут снайперский огонь: «Как они там устроились, в безопасности ли? Все ли живы?» За Ивана Карпова, за Ивана Добрика и Загида Рахматуллина я не волновался — ребята опытные, не пропадут. А вот как остальные? Те, кто только недавно овладел снайперским искусством и едва успел открыть свой счет мести?

Снайпер в обороне — большая сила. У хорошего командира снайперы в подразделении на особом счету, и забота о них у него особая. Толковый командир заботится не только о росте рядов новых снайперов-истребителей, но и создает им необходимые условия, помогает в работе, заботится об их безопасности. Такой командир не пошлет отличного стрелка в штыковую атаку — он знает, что в этом же бою снайпер принесет больше пользы, стреляя с хорошо замаскированной огневой позиции, поддерживая своим огнем атакующих. Бывает, что удачно расставленные снайперы приносят успех подразделению в бою, а порой и решают исход самой атаки.

Вот и вчерашний день показал, что исход боя был предрешен в основном за счет меткого огня снайпе-

ров, не подпустивших противника к своим траншеям. Многие из них уничтожили в бою до десяти и более фашистов. Причем дело было не столько в количестве, сколько, так сказать, в качестве поверженных врагов. Снайперы уничтожали офицеров, корректировщиков, пулеметчиков, наблюдателей и тех солдат, которые вот-вот были готовы прыгнуть в наши траншеи.

...Мы прочно удерживали завоеванные рубежи. За короткую летнюю ночь бойцы успели заново переоборудовать немецкие траншеи, а наутро, когда взошло солнце, проснувшиеся немцы увидели новый неприступный вал, выросший перед самым их носом. Для противника наступила полоса невезения. Но осатанелый враг не унимался.

До самой глубокой ночи атаку за атакой отбивали наши бойцы, и количество убитых фашистов росло. У нас же потерь почти не было.

Относительно спокойно провели мы и следующую ночь. Немцы боятся темноты, они не воюют ночью. Одну за другой посылали они в черное небо осветительные ракеты, ожидая нашего ночного наступления. Но мы не пытались их атаковать: надо было отдохнуть, привести в порядок оборону. Только снайперы вели огонь по силуэтам фашистских наблюдателей, возникавшим в сиянии ракет.

На третье утро немцы снова попытались восстановить положение. Теперь задача у них была куда скромней — выбить, прогнать нас с выгодного рубежа, снова вернуться в свои траншеи.

Поле боя наполнилось грохотом и лязгом — из-за оврага выплыли танки противника, сопровождаемые пехотой, направляясь к нашему переднему краю. Их пушки на ходу изрыгали снаряд за снарядом, подни-

мая фонтаны земли над нашими головами. И снова заиграл грозный оркестр наших минометчиков и артиллеристов. Огонь стрелков и снайперов роты отсек пехоту противника от танков, и бронированные машины повернули назад, подгоняемые огнем наших пушек.

Не принесла немцам успеха и авиация: как только над нашими головами появились четыре «Юнкерса-87», открыли ураганный огонь зенитчики Юшина. Немецкие асы поспешили сбросить бомбы... на свой передний край. Один из самолетов был сбит. Не долетев до земли, он взорвался в воздухе, и обломки его посыпались на головы гитлеровцев.

Ничего не смогли добиться фашисты и на третий день. Их планы были сорваны стойкостью наших бойцов, умелым руководством командиров, действиями политработников полка, личным примером увлекавших красноармейцев на подвиг.

Спустя несколько дней в батальоне состоялось партийное собрание, на котором были подведены итоги трехдневных боев с фашистами. В конце этого собрания комиссар полка Томленов сказал:

— А теперь почитайте-ка вот это. — И протянул несколько номеров газет. Это была наша армейская четырехполосная газета «Удар по врагу».

Взял одну газету и я. На первой полосе сразу бросался в глаза заголовок, набранный жирным шрифтом: «Замполитрука товарищ Николаев истребил 211 врагов Родины!» И чуть пониже, помельче шрифтом: «Равняйтесь на его пример, множьте счет священной мести!»

Тут же был помещен мой портрет, рядом с кото-

рым публиковалось «Приветствие Военного совета снайперу-истребителю тов. Николаеву».

Громко застучало сердце. Я стал читать разбежавшиеся в моих глазах буквы текста:

«Дорогой товарищ Николаев! Военный совет горячо поздравляет Вас с успешным истреблением фашистских мерзавцев в последних боях за город Ленина. Уничтожив 211 гитлеровцев, Вы доказали на деле свою беззаветную любовь к Родине и лютую ненависть к гитлеровским извергам.

Желаем Вам дальнейших успехов в великом и благородном деле очищения советской земли от немецких захватчиков».

И подпись: «Военный совет армии».

Оторвав взгляд от газеты, я обалдело поглядел на окруживших меня бойцов — глаза друзей, улыбаясь, смотрели на меня.

— Ось як у нас! Ну-ка, дывись! — сказал подошедший ко мне Иван Добрик, протягивая другую, уже центральную газету.

Я дрожащими руками взял ее — то была «Правда».

«От Советского Информбюро», — прочитал я. И заголовок: «За три дня снайпер Николаев уничтожил 104 фашистов». Неизвестный мне корреспондент Н. Воронов рассказывал «некоторые подробности боевой работы мастера меткого выстрела».

— Ось и газета «Известия»: тут тэбе и от Советского Информбюро, и от мастера Буштыркова письмо. Ну, тот, з Кировского заводу, мы ж были у них на маю, на торжестве. Вот он Женьке пишет....

«Ленинградцы — снайперу Николаеву. Ленинградский фронт, 10 августа. (Спецкорр ТАСС.) На имя снайпера Н-ского подразделения Николаева, который,

как уже сообщалось в печати, уничтожил за три дня 104-х фашистов, поступают многочисленные письма с горячим приветом и поздравлениями от трудящихся города Ленинграда. Мастер-орденоносец одного из заводов Буштырков пишет снайперу:

«Узнал о твоём беспримерном подвиге. Это, дорогой мой боец, великое дело. Привет тебе и спасибо. Мы помним, дорогой товарищ Николаев, зиму, помним весь этот суровый год, и мы знаем, что враг заплатит нам за все — за все разрушения и страдания. Бей, родной, бей немцев так, как в эти три дня. Учи товарищей высокому мастерству, искусству снайпера. Пусть в нашей Красной Армии будут тысячи, десятки и сотни тысяч таких, как ты».

— Правильно пишет товарищ, — сказал комиссар. — Учить других — вот наша с тобой задача!

И, вынув из планшетки тонкую ученическую тетрадку, комиссар протянул ее мне, добавив:

— Я, Николаев, на твоём месте сейчас же написал бы ответ на приветствие Военного совета армии.

— Верно, товарищ комиссар. Только трудная это задача!

— А давайте присядем и подумаем все вместе. Вот и друзья, как всегда, тебе помогут...

Вот что у нас получилось:

«Получил Ваше письмо. Глубоко взволнован вниманием ко мне. Это воодушевляет меня на новые подвиги. Я уничтожил 211 фашистов. Это не предел в моей работе. Пока бьется мое сердце, пока руки держат винтовку, а глаза хорошо видят, буду уничтожать коричневую чуму. Мое обязательство, данное на фронтовом слете истребителей — уничтожить 300 фашистов, — будет с честью выполнено. Свой опыт работы

передавал и буду передавать в широкие красноармейские массы, буду растить новых истребителей. Призываю всех снайперов-истребителей нашего фронта с еще большей ненавистью бить врага, бить так, чтобы ни один фашист не остался живым на нашей земле.

Развернем еще шире снайперское движение! Шире боевое соревнование между подразделениями!

С боевым приветом снайпер-орденоносец, замполитрука

Е. Николаев».

Комиссар взял письмо, аккуратно сложил его и сунул в свою полевую сумку, прихлопнув по ней, словно поставив точку над этим решенным вопросом. И, поощавшись со всеми, уже на ходу бросил мне:

— Завтра с Добриком явитесь в штаб полка — митинг будет. О времени сообщим чуть позже. Ну а вам всем, товарищи, пожелаю такого же успеха в уничтожении фашистской нечисти. Триста четыре фашиста были убиты в этих трехдневных боях только нашими снайперами. Пусть растет счет мести у каждого из вас изо дня в день, чтобы и о вас так писали в газетах, упоминали в сводках Совинформбюро.

— Николаев, а ты от матери-то своей письмо прочитал? — спросил вдруг Иван Карпов.

— Нет, никакого письма я не видел.

— Как же так? Ребята, у кого письмо для Женьки от матери?

— Да вот оно! Только письмо-то без конверта дошло. — И Загид Рахматуллин передал сложенную четверо газету.

На первой полосе газеты «За Родину» я прочел заголовок: «Бей крепче, сынок!» — и мелко сбоку:

«Письмо знатному снайперу нашего фронта Е. Николаеву от матери из Тамбова».

«Родной мой Женечка! Я горжусь тобой, твоим успехом в бою, когда ты уложил за три дня 104-х гитлеровских мерзавцев. Бей их, сынок! До тех пор, пока твое сердце бьется в груди и руки держат оружие. Мсти за всех сестер, братьев, детей, погибших от кровожадной гадины. Жду тебя, мой герой, с победой домой! Привет и пожелания успехов в бою шлют все родные. Целую тебя! Твоя мама. Привет товарищам по оружию».

— И откуда только она узнала? Я же ей ничего не писал! — удивлялся я.

— Да из газет! Что она там не читает их, что ли? — предположил Иван Карпов. — Ну, пошли, ребята, по местам, собрание окончено. Давайте продолжать свою работу — нужно оправдывать сказанное и обещанное сегодня!

И он первым отправился по траншее к своему взводу. Вслед за ним, гася свои «козьи ножки», разошлись и остальные.

ТАКАЯ НАША РАБОТА

Защитники Ленинграда совершили поистине легендарный подвиг. Они показали невиданные образцы стойкости и упорства, высокой сознательности, самоотверженности, патриотизма, бесстрашия в боях во имя счастья и свободы своего народа. Ни в коей мере не умаляя значения в позиционной борьбе артиллерии, танков, авиации и военно-морского флота, сделавших очень много на Ленинградском фронте в первые годы войны, нужно сказать, что главную роль в обороне сыграла все-таки пехота — солдат с винтовкой, грудью своей остановивший противника у стен города.

Осенью 1941 года, в самое тяжелое в обороне Ленинграда время, в войсках Ленинградского фронта родилось снайперское движение. Его инициаторами были армейские коммунисты и комсомольцы. Подхваченное вовремя политработниками и командованием частей и соединений, это движение к началу 1942 года приняло поистине грандиозный размах. Находясь ли в обороне, ведя наступательные или оборонительные бои, советские снайперы с одинаковым успехом били гитлеровских захватчиков.

На каждый наш выстрел противник отвечал ураганным огнем. А у нас в то время каждый снаряд, каждый патрон находились на особом учете: боеприпасов не хватало... И все же, если в первые месяцы вой-

ны гитлеровцы ходили на позициях в полный рост, чувствовали себя хозяевами завоеванной земли, то с появлением наших снайперов положение резко изменилось — фашисты были вынуждены не только бегать в обороне, все ниже и ниже пригибаясь к земле, но и буквально ползать по ней. Горела под ногами фашистов наша земля.

«Русские стреляют дьявольски метко, все попадания — в голову, между глаз, в шею. В тихие дни русские снайперы выбивали из моей роты по шесть-десять человек», — показал в то время один из пленных фашистов. Среди вражеских солдат, по рассказам пленных, даже ходили слухи, что под Ленинград будто бы специально прибыла дивизия охотников-сибиряков, которые попадают белке в глаз.

Снайперско-истребительное движение активизировало нашу оборону, спасало воинов от опасной окопной неподвижности, открывало возможность небольшими средствами наносить врагу значительный урон.

Снайпер как штатная единица в армейских частях существовал еще с мирного времени. В войну эти сверхметкие стрелки стали в своих частях инструкторами снайперских школ, работали рядовыми снайперами, первыми открыли счет мести.

Военный совет Ленинградского фронта 28 января 1942 года сообщил в ЦК ВКП(б), что к 20 января 1942 года в рядах снайперов-истребителей насчитывается более 4200 бойцов, командиров и политработников. За двадцать дней января 1942 года снайперы 23, 42 и 55-й армий и Приморской оперативной группы уничтожили более семи тысяч вражеских солдат и офицеров. К 22 февраля 1942 года ряды снайперов-истребителей увеличились до шести тысяч человек.

Мы, снайперы, старались выбрать себе такие огневые позиции, откуда немцы меньше всего ожидали огня. Я, например, часто устраивался в развалинах дома, где-нибудь за печной трубой, и бил через дверцу разбитой голландки. Бил с высокого дерева, с колокольни полуразрушенной церквушки. Порой подбирался совсем близко к немецким траншеям и, маскируясь под куст, неподвижно лежал почти на виду у немцев, делая один-два выстрела только тогда, когда грохотала немецкая или наша артиллерия или шла пулеметно-автоматная перестрелка. Особенно удобно было стрелять из подбитого танка: расположившись в нем, ты был в полной безопасности — и выстрелов твоих не слышно, и можно не бояться вражеских осколков или пуль. Маскировка для снайпера — великое дело!

Нам приходилось работать полный световой день. Ночью, как правило, мы отдыхали. А задолго до рассвета были уже на местах, на своих НП. Стояли в траншее, в заранее оборудованной для ведения огня стрелковой ячейке, или лежа, замаскировавшись в укрытии на нейтральной полосе, мы вели наблюдение за обороной противника, которую знали как свои пять пальцев. Да и могло ли быть иначе? Мельчайшее изменение в рельефе местности, в его очертаниях замечалось мгновенно. Каждая чуть заметная былинка, любой предмет, попадающий в поле зрения, изучались досконально. И обнаружение чего-то нового, порой совсем незначительного в обороне противника моментально настораживало.

Вот в немецких траншеях появилась какая-то палка. Ни вчера, ни раньше ее там не было. Что бы это значило? Уж не вмонтирована ли в эту сучковатую палку обыкновенная стереотруба и не скрывается ли

там фашистский наблюдатель, корректировщик или снайпер?..

Такая ежедневная работа обостряла зрение, слух, развивала сообразительность. Она приучала искусно маскироваться, вовремя разгадывать коварные замыслы врага и, в свою очередь, ловко обманывать его самого, ставить ловушки для фашистских наблюдателей и снайперов.

Результаты своих наблюдений мы ежедневно докладывали командованию, и оно пользовалось нашими сведениями так же, как донесениями разведчиков. Мы сообщали о новых, хорошо замаскированных дотах, землянках, огневых точках и наблюдательных пунктах, трассирующими пулями показывали эти цели наблюдателям-артиллеристам. Всего два-три снаряда — и от подозрительного дота ничего не оставалось.

Нет слов, работа снайпера опасная и очень трудная: попробуй пролежать сутки почти без движения под лучами палящего солнца или проливным дождем, в пургу и мороз, да еще, быть может, под прицелом фашистского снайпера. Это очень нелегко. Особенно если вчера ты участвовал в рукопашном бою и не остыл еще от него, не отдохнул, не выспался и к тому же голодный. И все же мы упорно делали свое дело, старались уничтожить как можно больше фашистской нечисти.

До сих пор помню моих учеников — старшего сержанта Петра Деревянко, бойцов Василия Муштакова, Анатолия Виноградова, Соловьева, Ряхина, Дьякова, Зосю Мицкевич и других. Их было около сорока человек, а уничтожили они более шестисот фашистов. А разве я могу забыть наш «интернационал» — снайперов украинца Ивана Добрика, белоруса Василия Шевченко, татарина Загида Рахматуллина, русских ребят Ивана

Карпова, Владимира Шубина, Сергея Дмитриева, Валентина Локтева, Николая Качалина, Владимира Дудина, Юрия Семенова, Ивана Васильева, старика учителя Пугина и других однополчан? А наших девушек Марию Митрофанову (ныне Барскову), Марию Назарову, Маргариту Котиковскую и других, которые лежали в засаде со снайперской винтовкой и терпеливо переносили все невзгоды и тяготы войны? У них, как и у нас, не было счастливой юности и была только одна радость — радость увеличивавшегося счета мести.

В конце 1942 года меня перевели в контрразведку, и мой снайперский счет оборвался на цифре «324». Я все-таки сдержал свое слово, данное Андрею Александровичу Жданову и всем присутствовавшим на первом слете снайперов-истребителей в Смольном.

Освободив Ленинград от вражеской блокады, наша дивизия вместе с другими частями Ленинградского фронта устремилась вперед, погнала фашистов и дошла до самого их логова. Вместе со мной весь боевой путь проделала и моя снайперская винтовка, на ствольной накладке которой до сих пор не стерлись нанесенные в годы войны три большие, две средние и четыре маленькие звездочки...

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

И вот я на новой работе. Получил офицерское звание старшего лейтенанта и должность оперуполномоченного отдела контрразведки «Смерш».

Работу в новой должности я начал все в той же родной дивизии, в одном из ее полков, где обслуживал сразу два батальона: нашего брата чекиста тогда не хватало. Это был все тот же передний край, те же растерзанные снарядами траншеи, тот же разбитый Урицк перед нами, а в нем фашисты. Все те же изнурительные ежедневные бомбежки, артобстрелы, тот же посвист вражеских пуль над головой.

Моя основная обязанность в полку — помогать своему командованию выполнять боевую задачу, своевременно вылавливать и обезвреживать вражескую агентуру. Для этого я должен был отлично знать каждого бойца и командира в своих двух батальонах.

А потом меня перевели в 96-ю гаубичную артбригаду 23-й артдивизии, которая стояла у Пулковских высот.

В бригаде мне сразу понравилось. Артиллеристы — народ толковый: культурный, грамотный, боевой, много комсомольцев, коммунистов. С таким народом работать было легко и просто.

Через наши огневые позиции на передний край обороны ходили артиллеристы — разведчики брига-

ды. Мне нравился их командир — высоченный, на редкость симпатичный, молодой веселый офицер Сергей Шорников. О нем в бригаде ходили легенды, его знал каждый. Что знал о нем я? Он москвич. Окончил училище. Волевой, храбрый человек, добрейший малый, не зазнайка. Овеянный заслуженной боевой славой, он ничуть не кичился этим.

Не только познакомиться, но и близко сойтись с ним было очень легко. Мы подружились, когда Сергея Шорникова назначили командиром первого дивизиона. В то время наши войска уже начали гнать фашистов.

На марше в колонне командир дивизиона ехал впереди на штабной машине вместе с начальником штаба дивизиона капитаном Полозовым. Герман Полозов был под стать своему командиру. Вместе они составляли единое целое, чем-то дополняя друг друга. Единственное, чем отличался начальник штаба от командира дивизии, так это ростом: те же 160 сантиметров, что и у меня... Оба острые на язык, живые, ловкие, веселые. Я обычно ехал в центре колонны, а замыкал ее замполит дивизиона. На стоянках все мы собирались в штабной машине. Там совещались, ели, отдыхали. Заместитель командира дивизиона по политической части майор Климович Ефим Захарович, призванный из запаса, был втрое старше каждого из нас. Мягкий по характеру, хороший семьянин, дальневосточник, он сам любил жизнь, любил и жалел людей, а в работе был настоящим комиссаром — заботливым, внимательным, добрым. Погиб майор Климович до обидного нелепо.

Произошло это в начале апреля 1944 года, где-то под Псковом или Островом. Мы успешно продвига-

лись, но вот наступление приостановилось, дивизиону дали возможность отдохнуть, привести в порядок себя и материальную часть. Ждали отставшую машину-каптерку с кухней и обедом. Остановились мы на открытом месте. Невдалеке протекала небольшая речушка, скорее — ручеек. Кто-то хотел построить на этом голом месте оборону и не достроил. Не было тут ни траншей, ни щелей, однако были вырыты котлованы, видимо под землянки. Три на три метра и столько же в глубину.

В присутствии майора Климовича я вел в машине допрос фашиста-лазутчика, которого мы только что задержали. И вдруг сначала где-то вдалеке, а потом все ближе к нам раздались разрывы снарядов. И тут же я услышал голос связного:

— Товарищ капитан, артобстрел! Уходите из машины в укрытие!

Находясь снаружи, он четко понял обстановку. Но не успел я собрать документы, как прямо над головой раздался взрыв снаряда и, страшно захрипев, свалился на пол смертельно раненый Климович. Оставаясь сидеть, с большим осколком в виске навечно замер и шпион. Шинель моя, висевшая у изголовья на гвоздике, тоже была прошита многочисленными осколками... Я выскочил из машины и кинулся туда, куда бежали все — к котловану, накрытому сверху плащ-палаткой и приспособленному под временную землянку. Я спрыгнул вниз и с трудом просунулся в уголок. «Ну и набилось тут...» — только успел я подумать, как в этот котлован влетел снаряд и ухнул взрыв...

Что там было после, мне рассказали спустя десять дней. А было так. Как только артобстрел кончился (видимо, где-то поблизости сидел фашист-корректи-

ровщик), наши санитары начали, оказывать раненым медицинскую помощь. Подбежали они к котловану, развороченному взрывом, и увидели, что спасти там уже некого... Решили котлован зарыть, сделав его братской могилой.

Апрельская земля была твердая, мороженная, чуть припорошенная снегом. Копать было трудно. Не знаю, как это было на самом деле, но говорят так: бросая очередную порцию земли, кто-то закричал: «Стой! Там живой есть — шевелится!» То ли холодная земля со снегом мне помогла, то ли я сам по себе очнулся. И заворочался. Тут-то меня и заметил один солдат. Меня вытащили всего в крови, уложили на носилки и отправили в госпиталь.

Мне всегда везло. Бывало, казалось, должен быть не раненым — убитым! Но все кончалось благополучно. Вот, например, такое: сижу в своей или чужой землянке. Тихо, но что-то подмывает меня уйти отсюда, хотя вроде и незачем. Ухожу. А вернувшись, нахожу землянку разбитой прямым попаданием снаряда. И так несколько раз. Я думаю, что берегла меня любовь моей матери...

Однажды Сергей Шорников приволок откуда-то огромный красивый мотоцикл без коляски. С полным баком бензина.

— Садись, прокачу! — предложил он мне. — Не боишься с ветерком промчаться?

Было раннее утро, воздух после дождя — свежий, теплый, широкая шоссейная дорога пустынна и в отличном состоянии. Чего бы не покататься? А тут еще толпа зевак подзуживает: мол, Шорников лихач, каков же наш «опер»? Струсит или поедет?

А внутренний голос уже шептал: «Не садись, найди

причину!» Но причины не находилось. Было свободное время, ни артобстрела, ни противника поблизости...

— Валяй, — говорю, — жми на всю железку! И сажусь на заднее сиденье.

Сергей рванул с места. То, что он классно водил автомобили любой марки, мне было известно — ездил пассажиром у Сергея. Но то, что он умел водить и мотоцикл, я не знал. А теперь вот убедился и по-хорошему завидовал Сергею: «Вот черт, и все-то он умеет!»

Ничего не скажешь, гонщик он был отменный. Мы стремительно летели по гладкой поверхности отличного шоссе, и выжимал Сергей из машины все, на что она была способна. Я сидел, ухватившись рукой за поясной ремень Сергея, и не видел за его широкой спиной того, что делается там, впереди. А там была огромная воронка, через которую построили деревянный мост-временку. Сейчас его широкие шлифованные доски после дождя были сырыми.

Не снижая скорости, Сергей хотел перемахнуть этот мостик, да просчитался, не учел, что тот был мокрым. Меня оторвало от мотоцикла, подбросило вверх метра на три-четыре, и я оказался в свободном полете. Пролетев так метров десять, я брякнулся точненько на Шорникова, уже лежавшего под мотоциклом. Все это происшествие заняло мгновение...

Хотя я и ушибся о мотоцикл, но не очень сильно. Тут же вскочил на ноги и наклонился к Сергею.

Шоссе пустынно, помочь некому. А Сергей здорово разбился, весь в крови, срочно нужен противостолбнячный укол...

— Давай садись, поедем обратно, — морщась от

боли, сказал Сергей, уже проверивший состояние машины.

Вернулись мы благополучно. Кто-то сразу крикнул доктора, который тут же обработал наши раны. А Сергей как ни в чем не бывало сыпал шуточки:

— Смотрю — летит наш опер! Хорошо так летит и — посадочную площадку себе выбирает. И что бы вы думали? Удивительная точность попадания!

Сергей быстро рос по службе. На моих глазах, начав с начальника разведки бригады, стал комбатом, а теперь и командиром дивизиона. Грудь его была вся в орденах. Войну мы закончили с ним в Берлине, расписались на стенах рейхстага.

Долгий путь по фронтовым дорогам прошли мы бок о бок с Сергеем Шорниковым.

Освобождали Ленинград от вражеской блокады, очищали от фашистов Ленинградскую область, Прибалтику, Польшу, Германию, Карельский перешеек. Брали Ригу, Таллин, Данциг и другие города. Сравнительно короткую по времени, но полную событиями жизнь прожили мы вместе. И только потом, уже после войны, постоянно контактируя с ветеранами моей родной пехотной дивизии, я подумал: а что же это я забыл о не менее родной 96-й артбригаде? Помня, что Сергей Шорников уроженец Москвы, я сделал запрос в московский адресный стол. Но то ли моих сведений о Шорникове не хватило, то ли по какой другой причине, мне ответа не дали. Так, сожалея, я прекратил свои попытки найти кого-нибудь из своей артиллерийской артбригады.

Часто в газетах перед большими праздниками мелькала перед глазами знакомая фамилия — Шорников. «Коменданту Московского Кремля генерал-лейте-

нанту Шорникову С.С. произвести салют из...» и т. д. «Кто этот Шорников? Может быть, отец нашего Сергея? Ведь не он же сам!» — думал я.

Прошло какое-то время, и вдруг я получаю письмо — пакет из Москвы. Читаю обратный адрес: «Москва, Кремль, комендатура, Шорников С.С.» Меня аж в жар бросило, и руки задрожали. Не потому, что комендант Кремля, а потому, что Серега Шорников! Вот ведь какое дело...

«Дружище, здравствуй! Наконец-то ты нашелся, наш доблестный бывший «опер»! — писал Шорников. И тут я сразу понял, что это он, мой бывший комдив Серега Шорников, — только он мог так называть меня. — Прежде всего, я хотел бы тебя «похвалить», что все эти тридцать пять с лишним лет ты нас здорово искал, а мы так «замаскировались», что найти нас было невозможно. Хотя стоило тебе еще в 1967 году черкнуть мне в Кремль, и все стало бы на место».

Дальше в письме Сергей рассказывал, как он меня «вычислил», говоря языком артиллериста. Оказывается, уже много лет существует комитет ветеранов нашей бригады и они почти ежегодно встречаются то в Москве, то в Ленинграде.

«А тут Фаяз Хаирзаманов, кстати, бывший твой ординарец, подарил мне книгу «Пароль — Победа». В воспоминаниях командира 109-й дивизии Родионова и комиссара полка Агашина говорится о снайперах дивизии, в том числе и о тебе. Упоминалось, где ты теперь живешь и работаешь. Ну, а дальше — дело техники...»

Письмо было длинным, написанным четким почерком. После моей демобилизации Сергей из бригады ушел в дивизию на должность начальника разведки

(дивизия стояла в Кенигсберге). А после расформирования дивизии был заместителем начштаба артиллерии 36-го гвардейского стрелкового корпуса. В 1950 году поступил в Военную академию имени М.В. Фрунзе. Потом служба в различных частях, на различных должностях, и вот он комендант Московского Кремля. «Похоже, он один из всей дивизии, кто еще продолжает служить в армии», — подумал я.

В конце письма Сергей настоятельно приглашал зайти, когда буду в Москве, дал свой адрес, телефон.

В 1981 году, приехав в Москву, я позвонил по известному мне телефону.

— Комендант Кремля Шорников слушает, — услышал я в трубке знакомый голос. Едва справившись с волнением, я представился.

Буквально через несколько минут я находился в объятиях Сергея, в его кремлевском кабинете. Мы расцеловались и... как будто не было ни прошедших тридцати пяти лет, ни старости, ни ран, ни всего такого прочего — передо мной за массивным столом, уставленным бесчисленными телефонами, сидел все тот же молодой, веселый, добрый малый — Серега Шорников...

«УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ РУССКИМ»

Ежегодно по бесплатной путевке, которую мне дает наш военкомат как инвалиду войны, я выезжаю на санаторное лечение. В середине срока ко мне приезжает моя жена Татьяна: бросить дом и внуку надолго она не может.

Осенью 1977 года я получил путевку в Хосту. Для Татьяны я нашел квартиру рядом с санаторием, стоит только перейти дорогу.

Погода в тот раз сплеховала — чуть ли не каждый день шли дожди. И только перед самым отъездом стало солнечно и тепло.

— По закону подлости, — сказала Таня. — Нам уезжать, а такие дивные дни стоят. Давай прокатимся в Сочи?

Татьяна родилась в Сочи. Там ей все дорого, памятно, интересно. Мы всегда оба получаем удовольствие от этих поездок. Вот и в этот раз мы бродили по местам, где проходило ее детство, где она училась. Устали, конечно, и забрели в кафе гостиницы «Жемчужина», чтобы дать отдых ногам и заодно перекусить.

В кафе было пустынно: все наверняка находились на пляже после стольких дней ненастья.

Почти вслед за нами столики заняли еще две пары. За один сели молодые веселые юноша и девушка,

а за другой — двое пожилых мужчин. Разговаривали мужчины громко на незнакомом мне языке.

— Что эти двое так на тебя смотрят? — прошептала Татьяна. — К тебе, кажется, идут...

И тут я услышал за спиной русскую речь.

— Мой коллега из Новой Зеландии и я — журналисты. Я — из советского АПН и сопровождаю нашего гостя. Наш гость заинтересовался вами. Он увидел у вас значок Союза журналистов и орденские планки, он убедительно просит вас ответить на ряд вопросов.

— Что ж, милости просим за наш столик.

Евгений Александрович Поздняков, корреспондент агентства печати «Новости», сделал приглашающий жест своему коллеге. Мы познакомились.

— Наш гость спрашивает, почему у вас столько орденов и медалей. И за что они?

— Воевать пришлось с фашистами в свое время — за то и награды, — ответил я. — И не так уж их много, как ему кажется.

— Вы были журналистом во время войны?

— Нет, на фронте я был снайпером. Под Ленинградом это было, во время блокады.

— А могли бы вы рассказать несколько боевых эпизодов из вашей фронтовой жизни? — перевел Евгений Александрович очередной вопрос иностранца.

— Попробую.

Иностранец слушал с большим вниманием, иногда перебивал, задавал свой вопрос и слушал дальше.

Проговорили мы так с час, пожалуй. Гость раскланялся, горячо меня поблагодарил и долго жал мне руку.

А на другой день, распрощавшись с морем, мы прибыли в аэропорт. Было еще рано, до отлета нашего самолета оставалось достаточно времени.

И вдруг я услышал:

— О! Мистер Николаев! Здравствуйте!

Оглянувшись, я увидел вчерашних наших знакомых из гостиницы «Жемчужина».

— Мой коллега был вчера огорчен, что с ним не было фотоаппарата. Сегодня он его имеет и хотел бы сфотографировать вас на память, — сказал Евгений Александрович.

А через некоторое время я получил письмо из Ленинграда от Ивана Ильича Агашина, моего бывшего комиссара полка:

«Ты что же ничего о себе не пишешь? Где ты и что с тобой, приходится узнавать от новозеландских журналистов...»

Агашин писал, что недавно его, участника Гражданской и Великой Отечественной войн, попросили встретиться с журналистом из Новой Зеландии, прибывшим в Ленинград. Рассказывая о блокаде Ленинграда, Агашин упомянул и о снайперском движении, назвал мою фамилию.

— Я, — сказал журналист, — познакомился с мистером Евгением Николаевым в Сочи.

Бывает же...

Через несколько месяцев я получил из Москвы бандероль. В ней были письмо, две вырезки из иностранной газеты и два снимка.

«Уважаемый Евгений Адрианович! Посылаю Вам две статьи, опубликованные в новозеландской газете «Нью Зиланд геральд» после бесед с Вами в Сочи. Два фото напомнят Вам об этом. Спасибо за товарищескую помощь. С наилучшими пожеланиями Е. Поздняков».

Статьи мне перевели. Одна из них называлась «Удивительная история, рассказанная русским», в ко-

торой он излагал нашу с ним беседу в Сочи. Все было правильно, без каких-либо искажений, домыслов.

Вторая статья была посвящена Агашину и удивительному совпадению знакомств.

Что ж, придется и мне выполнять свое обещание. И как только выйдет моя книга, послать ее в Новую Зеландию. Пусть и там узнают, как мы защищали от фашистов Ленинград, как выстояли все девятьсот блокадных дней, каких трудов и жертв нам это стоило. Пусть и они борются за мир во всем мире.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Милчев. Вступление</i>	5
От автора	17
Задумка лейтенанта Буторина	20
Становлюсь снайпером	32
Мой первый напарник	45
«Бей пожарных!»	52
Боевые будни	61
Дуэль	77
Трудный бой	94
Необычная операция	107
Мы были молоды	112
Неожиданная встреча	119
На слете снайперов	132
Снова в полку	150
«Приглашение»	164
Опять в разведке	174
Наша Женя	186
Отважные девушки	194
В гостях у кировцев	200
От Советского Информбюро... ..	208
Такая наша работа	237
Тридцать пять лет спустя	242
«Удивительная история, рассказанная русским»	250

Евгений Николаев

СНАЙПЕРСКИЕ ДУЭЛИ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Л. Фильцер*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5
Контактный тел.: (495)745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: Info@eksmo.ru

Подписано в печать 18.08.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж 4000 экз. Заказ № 18060.

Отпечатано по технологии СтР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

«Морда фашиста была отчетливо видна через окуляр моей снайперки. Выстрел, как щелчок бича, повалил его на снег. Снайперская винтовка, ставшая теперь безопасной для наших бойцов, выскользнула из его рук и упала к ногам своего уже мертвого хозяина...»

«Негромок голос снайперской пули, но жалит она смертельно. Выстрела своего я не услышал – мое собственное сердце в это время стучало, кажется, куда громче! – но увидел, как мгновенно осел фашист. Двое других продолжали свой путь, не заметив случившегося. Давно отработанным движением я перезарядил винтовку и выстрелил снова. словно споткнувшись, упал и второй «завоеватель». Последний, сделав еще два-три шага вперед, остановился, оглянулся и подошел к упавшему. А мне вполне хватило времени снова перезарядить винтовку и сделать очередной выстрел. И третий фашист, сраженный моей пулей, замертво свалился на второго...»

На снайперском счету автора этой книги 324 уничтоженных фашиста, включая одного генерала. За боевые заслуги Военный совет Ленинградского фронта вручил Е.А. Николаеву именную снайперскую винтовку.

ISBN 978-5-699-37383-3

9 785699 373833 >